Полет Ястреба

Сыченко Игорь Алексеевич

SHOUT
SHARE
IT

•

...Сканирующие системы зафиксировали аномальные возмущения в пространстве на двадцатый день полёта. Зуммер тревоги разорвал привычную тишину. Пилот Артур Прист подпрыгнул на месте от неожиданности и, окинув взглядом голограмму показания сканеров, с облегчением выдохнул: никакие астероиды и другие малые тела не грозили столкновением, но всё-таки что-то заставило до этого момента молчавшие системы взвыть?

-- Неидентифицированное возмущение,-- ответил искин на незаданный вслух вопрос.

Голографический проектор показывал затемнённый шар: звёзды даже не попадали в радиус действия сканеров. В центре находилась маленькая точка -- корвет "Зоркий". Межзвёздные пространства всегда являлись самыми тихими, вокруг на миллиарды километров пустота вечной ночи космоса. Что же могло произойти? На мгновение в черноте сферы возникла дуга и пропала, словно вокруг корвета ударила дуговая молния!

-- Зоркий, что это было?-- спросил Артур.-- Дай параметры, покажи по кадрам.

Компьютер повиновался. Прист смотрел на сюрреалистичное зрелище: "молния" обогнула корабль за крохотные наносекунды и скрылась из поля действия радаров. Теперь он хотя бы понимал, что это объект, и он перемещается. Во всяком случае, это походило на движение, но о скорости Артур даже боялся судить! Корвет двигался по "гравитационным рельсам" в коконе искривления со скоростью в тысячу световых единиц. Тогда как же быстро должен лететь объект, чтобы прошмыгнуть в сфере радиусом в десять светолет за наносекунды?! В миллиарды раз быстрее скорости света!

"Но если так",-- подумал Артур,-- "нас бы уже накрыло гравитационной волной".

-- Зоркий, что у нас с искривлением? Объект вызвал какие-либо отклонения?

-- Стабильно. Никаких изменений не обнаружено.

-- Ничего не понимаю... Что за чудеса?-- выдохнул Прист. По какому принципу двигалась "молния"? Складывалось такое впечатление, что для объекта не существовало законов релятивисткой физики.

-- Что происходит, Артур?-- влетел в помещение капитан Ирвин Дерк.-- Астероид?

-- Да если бы он!..-- ответил Прист.

-- Тогда выруби эту сирену!

Артур только сейчас заметил, что вой до сих пор не прекращается. Искин не стал дожидаться приказа пилота. Сквозь шелест приборов стали слышны шаги и звук открывающихся дверей -- команда уже была на ногах.

-- Молодец, Зоркий,-- похвалил Дерк и обратился к пилоту.-- Давай, показывай, что случилось.

Снова в кабине возникло изображение сферы. На этот раз искин показывал сразу по кадрам. Капитан смотрел на снимки и явно пребывал в растерянности.

-- Гравитационные волны?...

-- Всё в норме. Я проверил.

-- Внимание, объект обнаружен и приближается!-- объявил искин.

-- Вывести изображение... рассчитать параметры.

Голограмма спроецировала схематическое изображение. Судя по нему, объект приближался к кораблю со стороны носа и через минуту они могли столкнуться.

-- Что он делает?..-- прошептал Прист.

-- Внимание! Боевая тревога! Всем занять боевые посты!-- вместо ответа прокричал капитан. Взвыл зуммер. Его противный звук мог поднять и мертвеца, не то, что команду лёгкого корвета разведки -- всего четыре человека.

-- Вас понял,-- донёсся голос канонира.

-- Уже на месте,-- мрачно доложил Джим.

-- Вы хотите его сбить?

-- У нас есть выбор?-- фыркнул Ирвин.

-- Объект исчез,-- произнёс Зоркий и, действительно, аномалия пропала с голографического экрана. Артур даже не успел удивиться, как искин снова объявил.-- Объект перед кабиной.

Прист и Дерк машинально подняли головы и замерли, словно парализованные. Перед ними красовался идеально ровный шар диаметром около метра. Его поверхность отражала нос корабля, все неровности его поверхности, искажая знакомые линии кривизной своей сферы. Прист даже с удивлением обнаружил среди прочих и своё отражение. Объект неизвестной природы находился всего в нескольких метрах! Его таинственность и чуждость человеку парализовали волю. Никто не мог произнести ни слова, словно все лишились дара речи.

Закончилось всё так же внезапно, как и началось. Шар стал мигать слабым красноватым светом, словно предупреждающий светофор, и исчез перед взором застывшей команды.

-- Капитан, что происходит?-- вопрос канонира прозвучал в возникшей тишине как гром.

-- Объект ушёл, Джим,-- с хрипотцой ответил Дерк и прокашлялся. Артур сглотнул -- во рту пересохло.

Новый вой сирены ударил по нервам сильнее, чем первый.

-- Многовато приключений на сегодня,-- прорычал Ирвин.-- Что на этот раз?!

Монитор выдал приближение двух крейсеров Каргона. Они шли на небольшой скорости, а, следовательно, стартовали недавно, но поблизости не было ни одной звёздной системы, где бы они могли базироваться -- все это прекрасно знали.

-- А им-то что здесь нужно?-- спросил Артур.

-- Без понятия! Такое ощущение, что...

-- Внимание, зафиксирована активизация вооружения!-- перебил его голос компьютера.

-- С чего бы это им этого делать?!-- Приста уже трясло от нервного возбуждения.

-- Не знаю!-- уже прокричал Дерк.

-- Не будут же они стрелять по нам. Это же объявление войны.

-- Они должны хотя бы связаться с нами! Зоркий, запроси их на всех частотах,-- приказал капитан.

-- Я пытаюсь, но они не отвечают,-- ответил искин.

-- Не переставай запрашивать!

Тем временем накопители энергии на крейсерах Каргона закончили подзарядку.

"Почему они заряжают боевые орудия?"-- задавался вопросом Артур. Он никак не мог поверить, что по ним вот-вот могут открыть огонь.

-- Внимание! Атака!

Две фотонные торпеды вырвались из днища крейсера и ринулись прямо к корвету. С другого корабля последовало ещё два выстрела!

-- Проклятие!!!-- прокричал капитан.-- Семьдесят процентов мощности на фронтальный дефлектор!

Компьютер без присущих человеку эмоций выполнил приказания. Пространство за бортом окрасилось голубоватым свечением. Створки бронелистов сомкнулись, закрыв рубку. Голоэкран сформировал изображение, словно не было ста двадцати миллиметров стали.

-- Артур полный вперёд!

Артур жал регулятор скорости до отказа. Он уже не надеялся проскочить, а маневрировать на такой скорости невозможно: корвет, заключённый в сферу искривления, мог двигаться только по прямой и мгновенно развалится бы без торпед.

Четыре светящиеся сферы быстро приближались к корвету. Щит "Зоркого" мог выдержать только одно попадание заряда

такой мощности. Оставалось только надеяться на скорость...

Корвет затрясло: начали работать рельсотроны -- росчерки снарядов устремились к крейсерам противника, но лёгкие орудия не могли принести значительного урона крейсерам.

Первая торпеда прошла мимо. Вторая заставила корпус содрогнуться и застонать. Гравикомпенсаторы подавили большую часть инерции, но Артур всё равно почувствовал ощутимый толчок. Вокруг запахло прожженной проводкой и изоляцией.

-- Повреждения?!!-- голос капитана заставил отвлечься от таких мелочей.

-- Дефлекторы: мощность 12 процентов...

-- Выжимай! Мы остались без щитов!..

-- Стараюсь!-- ответил Артур, но от него уже мало что зависело.

-- ...Прямое попадание. Многочисленные повреждения на верхней палубе,-- продолжал докладывать компьютер.-- Потеря контроля над вторым орудием. Снижение энергонакоплений на 24 процента. Мощность двигателей 80 процентов. Стабильность контура потеряна!

Новые торпеды приближались с пугающей быстротой. Внезапно Артуром овладела холодная решимость. Эмоции ушли куда-то в тень. Он должен отослать пакет информации на Землю! Это его долг! И даже страх смерти ушёл в этот момент. Да, это злость, ярость. Это вероломное нападение не должно остаться безнаказанным!

-- Капитан, мы должны отправить сообщение.

-- Зоркий, приготовь капсулу!-- скомандовал Дерк.-- Скидывай информацию с момента тревоги!

-- Готово,-- через секунду ответил искин.

-- Сброс!

В днище гулко щёлкнуло. Крохотная капсула с информационным пакетом, окутанная полем искривления, ринулась навстречу Земле. Контейнер сам знал дорогу. Его твёрдый корпус надёжно хранил кристалл памяти, на котором хранились данные по аномалии и запись атаки.

Торпеды были уже совсем быстро. Артур отпустил регулятор скорости. Всё кончено. Он уже прощался с родственниками, с семьёй, детьми.

Жить корвету оставалось всего несколько секунд...

"Звёздный Ястреб"

Я лишний раз проверил ремни безопасности. Вроде держали крепко, но я всё равно беспокоился: всё-таки мой первый полёт. Если вы летали в космос, поймёте меня, если нет, то поверьте: это волнительное событие: ты отрываешься прочь от Земли

Салон челнока был полон людей. Все в форме, что не удивительно. Один я выбивался своей гражданской одеждой. Не то, чтобы я любил быть как всё. Отнюдь, каждый человек уверен в своей уникальности и по-своему прав. Просто мне бы тоже хотелось носить форму, чувствовать свою причастность к Российскому Космическому Флоту, но я не пилот и даже не десантник, а здесь, если я не ошибся, все пилоты, высший свет Московской Космической Академии. Пусть так. Я всё же не ползающий и летать умею, хоть и мысленно. И вообще, нет в салоне человека более знающего искусственный интеллект. Просто я здесь единственный, кто знаком с ними вплотную, ведь они объект моей профессии.

Челнок качнуло. Я посмотрел на иллюминатор. Так и есть: мы оторвались от земли. Стартовая площадка уходила вниз с заметным ускорением, но никто из присутствующих не чувствовал тяжести, которая навалилась на корпус -- гравикомпенсаторы работали в штатном режиме.

Вскоре космодром "Уральский" стал одной плохо различимой точкой. Облачность отсутствовала, поэтому тучи не мешали наблюдать за изменениями черт ландшафта. Уральский хребет вырисовывался всё чётче. Я взглянул в сторону и поразился. Это было чудесно: контур Земли обволакивался голубоватой дымкой атмосферы -- граница между маленькой дружественной планетой и бескрайним враждебным космосом. Я как заворожённый смотрел на эту линию и представлял челнок со стороны...

-- Что, первый раз?-- голос прервал мои мысли.

-- Ага,-- ответил я и повернулся к соседу.-- Думаю, вы не первый раз.

-- Да, не первый. Сергей,-- представился он.

-- Юра. Пилот?

-- Строго говоря, будущий пилот, но уже чувствую себя за штурвалом,-- ответил он.-- Ускоренная программа.

-- Да, сейчас тяжело,-- ответил я. Действительно, что хорошего сейчас происходит?-- Тоже на "Звёздный Ястреб"?

-- Нет, на "Непобедимый". Тяжёлый авианесущий крейсер. Один из лучших на флоте. А про "Звёздный Ястреб" я слышал. Класс "Рейнджер", насколько я знаю.

-- Да, верно. Будем заниматься научными исследованиями космоса.

-- Потому и класс "Рейнджер". Восемь лет уже как на ходу. Это немного. Можно сказать, что это относительно новый корабль. Можешь гордиться: отличный экипаж. Капитан Джек Фаррел вообще известный человек в своих кругах. Познакомишься.

-- И это называется "слышал",-- мне и раньше говорили, что мне выпала огромная честь работать на этом звёздолёте. Помню, ещё тогда удивился: английская фамилия на российском корабле. Да ещё и капитан. Не то, чтобы это было невозможно, просто редкость.

Слово за слово, и мы разговорились. Я вообще всегда увлекался космосом, хоть и не сталкивался с ним в реальности, поэтому внимательно слушал Сергея. За разговором потерялось чувство времени. Казалось, что полёт прошёл мгновенно. Мы говорили, пока голос не прервал нас и не сказал, что скоро начнётся стыковка с "Непобедимым".

Я выглянул в иллюминатор. Звёзды смотрели на меня приветливо, или это просто хорошее настроение так сказывалось? Не знаю, но хотелось ответить им улыбкой. Несмотря на наше беспокойное время, я наивно надеялся, что война не коснётся меня, надеялся, что все эти будущие пилоты вернутся домой. Наверное, я слишком оптимистичен для сегодняшнего дня, и пусть: если думать о плохом, для хорошего не останется времени. Верно?

Стыковка прошла незаметно: гравикомпенсаторы гасили всю инерцию. Я попрощался с Сергеем и пожелал ему удачи. Он мне ответил тем же. Салон понемногу стал освобождаться. Я внимательно вглядывался в лица курсантов, пытаясь понять чувства людей. Кажется, все они светились сдержанным ожиданием и деловитостью. Я их прекрасно понимал: не терпелось скорее вступить на палубу крейсера и сесть за штурвал истребителя. За весь полёт я так и не сумел увидеть ни одного крупного корабля: на Землю они никогда не садились. Такие корабли строились в космосе и для космоса.

На фоне черноты нельзя было разглядеть ни одного искусственного объекта. Только где-то далеко неестественно быстро перемещалась светящаяся точка. Наверное, ещё один челнок. Затем я осмотрел салон. Оказывается, на первом ряду сидел ещё один человек. Я не решился пересесть. Вообще пересадка запрещена, и я подумал, что лучше полюбуюсь видом космоса. Может быть, при развороте увижу Землю, ведь не могли же мы улететь далеко.

Ждать пришлось недолго. Картинка космоса начала двигаться, и я стал рассматривать появившуюся планету. Линия терминатора подходила к границам Европы. На севере было облачно. Океаны местами закрывали лёгкие перья туч. Отсюда они казались невесомыми. Незабываемое зрелище!

Звёздолёт я увидел издалека, когда он был величиной с половину иллюминатора. Величие и мощь человеческой

цивилизации, труд сотен учёных, инженеров и рабочих... Его белый корпус завораживал взгляд. Острый нос и "крылья" говорили, что название рейнджеру дали не зря. "Звёздный Ястреб" имел утолщение в хвостовой части. Очевидно, энергетическая установка, системы энергообеспечения и двигатели занимали большой объём. Это было известной проблемой космического кораблестроения, что легко объяснимо: ходовая часть одна из самых важных.

Я старался разглядеть ангар, но ничего не удавалось. Возможно, челнок тоже будет стыковаться, хотя нет. Насколько я слышал, на "Звёздный Ястреб" везут оборудование, а на "Непобедимый" только пилотов, а для разгрузки понадобится именно ангар.

Челнок подлетел совсем близко, и, сбросив скорость, стал медленно вплывать в открывшийся шлюз. Здесь царил вакуум, поэтому пришлось немного подождать прежде чем створки закроются и системы восстановят давление. Я не стал отсиживаться на месте, отстегнул ремни и вынул сумку-рюкзак из-под сидения. Наверное, я выглядел школьником, но я никогда не любил выглядеть излишне серьёзным.

Человек на первом ряду сидел именно с таким грузным выражением лица.

-- Прилетели,-- сказал я, главным образом, чтоб завязать разговор.-- Вы служите на "Звёздном Ястребе" или как я, только собираетесь?

-- Собираюсь,-- ответил он.-- Дима.

Я представился, и мы пожали руки. Давление восстанавливалось минут пять. За это время мы успели разговориться, и выражение лица у моего собеседника стало проще. Оказалось, что Дима служит десантником. Для него это тоже первое назначение, и полёт принёс массу новых впечатлений. Мы оба были новички и решили держаться вместе. Тем более что мне этот парень начинал нравиться своей простотой.

-- Я так понял ты кибернетик?-- спросил Дима.

-- Можно сказать и так, но если быть точным, инженер по системам искусственного интеллекта.

-- А есть разница?

-- Есть, кибернетика -- обобщённая область.

-- Ясно, что-то вроде узкой специализации,-- кивнул Дима.-- Я тоже в своё время интересовался компами.

-- А почему получилось иначе?

-- Знаешь, с детства тянуло. Сначала романтика, а сейчас "павианы" совсем обнаглели. Надрать бы этим гадам сам знаешь

что. Вот пусть они мне попадутся!..

-- Ну, мы всё-таки не военный корабль.

-- Верно.

-- А почему не пилотом, например?

-- Не любитель я летать, да и не видят они врага в лицо. Так, только точка в виртуальной сфере. Нет, я точно не пилот, раз так думаю,-- усмехнулся парень.

-- Каждому своё,-- согласился я. Он даже стал мне симпатичен.

-- Пора на выход,-- кивнул Дима.

Начиналась разгрузка челнока. Я вытащил сумку с вещами и мы быстро вышли из салона и спустились по трапу. Нас никто не встречал. Усмехнувшись этой мысли, я понял, что ещё так же зелен, как горох на веточке. Всё-таки мышление у меня ещё гражданское от кончиков ботинок до макушки, и не знаю всех тонкостей: или ждать, или идти самому, спрашивая будущих сослуживцев. А вот Дима, похоже, знал, что делать. Заметив мою нерешительность, он взял инициативу в свои руки и узнал у техника, где можно найти начальника Службы Безопасности корабля.

Я почему-то промолчал. Не знаю, что со мной иногда происходит. Наверное, стоило просто спросить, где найти главного инженера, а не мотаться вместе с Димой.

Разгрузка уже шла вовсю. Народ прибывал, и становилось шумно. Я полностью доверился своему спутнику и следовал за ним, разглядывая отделку. Потолок ненавязчиво светился, освещая светлые коридоры. Стены и пол были сделаны из мягкого наноструктурированного пластика, что позволяло при внезапном рывке обойтись минимумом травм. Меня поражала практичность и функциональность. Казалось, здесь не было ничего лишнего.

Мы поднялись на уровень выше и, преодолев половину длинного коридора, остановились у одной из дверей. Надпись гласила: "Капитан второго ранга Анатолий Лунько". Дима подошёл к двери, и она поднялась вверх. Начальник СБ находился в своей каюте.

-- Да, кто там?-- раздался голос.

Дима вошёл в каюту и, вытянувшись по стойке "смирно", громко сказал:

-- Рядовой Дмитрий Восков. Поступаю в ваше распоряжение в соответствии с распределением.

-- Ах да. Уже прибыли, отлично. Добро пожаловать, мальчик. Давай сюда бумаги.

Лунько по-военному быстро расправился с документами. Всё это время я стоял за широкой спиной Дмитрия, ожидая своей

участи.

-- А это кто? Тоже новенький?

-- Да,-- ответил я и подумал, что отвечать следовало бы иначе.

-- Кто такой?

-- Юрий Степанов, инженер по системам искусственного интеллекта.

-- Понятно. Тебе нужно к главному инженеру, но придётся тебе идти к старпому. Его зовут Николай Надеев...

Начальник СБ оказался добрым человеком. Он не стал меня отправлять искать старшего помощника капитана, а связался с одним из подчинённых по коммуникатору и вызвал к себе. Вскоре в каюту вошёл молодой светловолосый мужчина лет тридцати.

-- Отведи новенького к старпому,-- Начальник СБ указал на меня.-- Он должен быть на мостике. Туда не пустят. Да и ещё: передай ему это,-- Лунько дал помощнику планшет. А я подумал, что из-за меня будут отвлекать другого человека. Действительно, с чего бы?

Я попрощался с Димой и направился за своим проводником. Тот почему-то усмехнулся, глядя на мой вид. Если я не ослышался, Лунько сказал, что старпом на мостике, а значит, мы направляемся именно туда. У меня даже на секунду перехватило дыхание. Мне выпадал шанс увидеть мостик собственными глазами! Кто знает, может быть, никогда не смогу больше попасть туда. Я попытался разговорить проводника.

Пилот Сергей оказался прав. "Звёздный Ястреб" являлся относительно новым кораблём. Всего на борту постоянно числилось пятьдесят человек. Довольно много для космического корабля. Почти половину экипажа, двадцать человек, составляли космопехотинцы. Мой проводник был командиром одного из двух взводов, звали его просто Женин, имени он своего так и не сообщил. В его подчинении находилось по девять человек. Непосредственно начальнику Службы Безопасности корабля подчинялся майор космопехоты, который командовал взводами.

Несмотря на научную специализацию на рейнджере всего пять человек относились к штатным учёным. Чаще всего научная группа прибывала перед стартом и находилась на нём только в один рейс: проводили научные изыскания и возвращались на Землю или на любую другую планету.

Вообще Лунько был прав: мне следовало найти главного инженера корабля, моего будущего непосредственного начальника. Интересно, почему меня к старпому отправили? Нет, надо было сразу спросить у техника и не мучиться. Столько проблем и себе и другим создал.

У входа на мостик стояли два пехотинца, облачённые в бронежилеты бледно-коричневого цвета. В руках они держали укороченные автоматы "АЛ-38-У". Я подумал, что обязательно попрошу у Димы пострелять из боевого оружия, если, конечно, это вообще возможно. Должно же здесь быть стрельбище или хотя бы его виртуальный аналог!..

-- Оставайся здесь. Дальше тебе нельзя даже со мной,-- сказал Женин.

Широкая дверь открылась, и взводный вошёл. Я остался стоять у входа, но видел, что происходит внутри. Мостик имел круглую форму. По центру, чуть ближе к обзорным экранам, располагалось кресло капитана. По периметру сидели люди и занимались своей работой. Царила деловая обстановка. К сожалению, я пока ещё не знал, кто из них является пилотом, а кто навигатором, но надеялся выяснить все подробности как можно быстрее.

Женин направился к двум мужчинам, который стояли около входа и разговаривали. Я прислушался. С трудом, но мне удалось разобрать слова:

-- ...тогда нам, возможно, придётся прорываться с боем. Крейсер "Непобедимый" будет сопровождать нас весь полёт,-- сказал высокий человек. Интересно: кто бы это мог быть? Судя по разговору, один из навигаторов.

-- Разрешите вас перебить, капитан...-- подошёл к ним Женин.

-- Разрешаю. Мы уже со старпомом закончили.

Если честно, я был удивлён. Не знаю, кого я хотел увидеть. Может быть человека с бородой и фуражкой с якорем, а-ля "морской волк", но Джек Фаррел оказался значительно моложе, чем мне думалось. Подтянутый высокий мужчина, больше сорока не дать.

Женин разговаривал с ними на равных и мне это нравилось: никогда не любил чинопочитания и излишней официальности. Главное, уважение к человеку, а этим я сейчас переполнился. Передо мной стояли люди, которые повидали дальний космос. Встречали лицом к лицу опасность неизведанных миров и загадок Вселенной. Передо мной стояли уникальные люди, а я был никем, всего лишь выпускником. Как мне хотелось показать, что я достоин работать вместе с ними!..

-- Пойду новенького определю,-- сказал старпом Надеев, держа в руках переданный планшет, и глянул на экран.-- Лунько опять требует...

-- Будут ему новые шлемы. Так и передай. Давай, любишь ты всех лично обихаживать,-- усмехнулся Фаррел.-- Через час жду тебя здесь.

-- Ну, здравствуй. Николай Надеев, старпом,-- подошёл ко мне помощник капитана. Мы поджали руки.-- Заждались мы тебя. Надеемся на твою помощь.

-- Юрий Степанов, прибыл в ваше распоряжение в соответствии с распределением,-- отчеканил я слова, сказанные Димой.

Почему-то мне показалось, что нужно вести себя именно так: всё-таки хотелось показать, что я тоже боец. Не знаю, что я неверно сделал. Может быть, штаны не отутюжены, но на меня посмотрели весьма странно. Какая-то женщина за пультом хихикнула. Мне стало неуютно. Да ещё и одет я был не подобающе... Мне только красного носа не хватало.

-- Зачем голосишь?-- усмехнулся старпом.-- Пойдём, введу тебя в курс дела. Поговорим с руководителем научного отдела. Формально ты отвечаешь перед Главным инженером. Вообще сейчас его нет на корабле, познакомишься с ним позже.-- "Ага, вот и отгадка",-- подумал я. Мы вышли с мостика и направились по коридору.-- Евгений Александрович нормальный мужик, сработаетесь. Суть твоей работы, я думаю, ты знаешь даже лучше меня...

Надеев оказался очень интересным человеком. Я слышал, что команда зачастую не любит старпомов. Да и вообще должность собачья. В случае проблем капитан спрашивает именно с него. Надеев умел одинаково удачно уживаться со всеми звеньями команды. Уже позже я убедился, что все люди на этом корабле оставляли единый живой организм. Вероятно, именно Надеев сумел наладить работу своим личным участием в судьбе каждой "клеточки". По крайней мере, мне показалось именно так.

То, что я видел, нравилось мне всё больше и больше. Хотелось побыстрее влиться в команду и встретиться со своим электронным "воспитанником". Руководитель Научной Группы, Сергей Андреевич Ренор, оказался самым старшим из людей на "Звёздном Ястребе". Но стар он не был, нет, я бы не дал больше пятидесяти. Ренор пообещал мне, что обязательно завалит искин корабля новой работой, а, следовательно, и меня тоже. Оставалось заверить, что я в свою очередь не подведу.

На этом моё первое знакомство с экипажем закончилось. Вскоре, когда все формальности были улажены, я стал обладателем наручного коммуникатора, что автоматически включало меня в команду. Прибор так же отображал корабельное время. От привычного оно отставало на четыре часа. Что ж, пора вливаться в новый ритм жизни.

Каюта оказалась довольно скромной по объёму, но достаточно функциональной: небольшая комната три на четыре

метра и санузел с умывальником. Очень неплохо. Я ожидал, что будет гораздо скромнее. Впрочем, я и не собирался проводить здесь всё своё время.

Поставив сумку на кровать и сняв рюкзак, я снова осмотрелся и заметил встроенный в стену шкаф-купе. На вешалке уже висела форма ярко-синего цвета. Да, такую носили многие члены экипажа "Звёздного Ястреба". Я поспешил примерить её. Размер идеально подходил. Очевидно, сшита на заказ, как и любая другая одежда в космических войсках.

Я улыбнулся отражению в зеркале. Оставалось только сказать себе: "Добро пожаловать на борт!.."

Капитан Джек Фаррел являлся обрусевшим английским аристократом в пятнадцатом колене и имел уже более чем двадцатилетний опыт работы в космосе. Ему было всего девятнадцать, когда он стал мичманом на эсминце "Антарктида". Добросовестность, трудолюбие и желание карьерного роста сделали своё благое дело. Вот уже восемь лет как он капитан рейнджера -- своеобразного сплава военного и научного корабля. Конечно, никто во флоте и не думал использовать "Звёздный Ястреб" в боевых целях, но в случае атаки, он мог постоять за себя.

За всё время странствий отстаивать свою жизнь кораблю приходилось трижды. И все три раза в последние два года. Война, которая началась так внезапно, затягивалась. Самое странное, что никто не знал, чего хотят каргонцы. Официальной пропаганде Фаррел не верил, но держал мнение при себе.

Так или иначе, но ни одна из сторон не могла добиться успеха. Слава Богу, уже день действует перемирие, и если "обезьяны" его не нарушат, то предстоящий полёт должен пройти относительно спокойно. Впрочем, зная противника, Фаррел не верил, что обязательства будут выполнены. Сам бы он никогда не пошёл на перемирие, но надеялся, что адмиралы флота и генералы знают, что делают. Всё-таки уже за триста лет Лига Наций сумела выработать достаточно слаженный механизм заботы, в том числе и в военной сфере.

"Нарушат, ещё как нарушат! А если почувствуют, что у них отнимают открытие. Действительно, новые шлемы очень пригодятся на случай абордажа",-- решил Фаррел.-- "Пора бы уже заметить устаревшие "бэдши" на шестнадцатую модель".

В принципе БДШ-15 тоже оказывал хорошую помощь в боях на кораблях, но шестнадцатая модель заметно превосходила в защите.

"Лунько, конечно, шутник. Зачем парня-то сюда направил?"-- вспомнил он про нового кибернетика. Да, парень ещё не привык,

но по всем рекомендациям лучший выпускник. А если учесть уже имеющийся опыт работы в Международном Центре Космонавтики, то вполне соответствует уровню хорошего специалиста. Фаррел сам его выбирал. Джек ещё с самого начала работы на "Звёздном Ястребе" пытался набирать в команду молодых. И стратегия оправдала себя. За пару лет экипаж набрался опыта и стал одним целым, и теперь считается одним из лучших в Российском Космическом Флоте, да и вообще среди всех кораблей Земли.

-- Капитан,-- послышался голос связиста Кочеренко.-- Челнок "Эрвин" запрашивает посадку.

-- Посадку разрешаю,-- ответил Фаррел.

Это был второй челнок с грузом и людьми за сегодняшний день. На этот раз на нём летела группа учёных. Разъяснений о предстоящей миссии капитан до сих пор не получил. Режим полной секретности. Странно, такого ещё никогда не происходило. Впрочем, Фаррел надеялся, что скоро получит ответы на все интересующие его вопросы.

Зал для брифингов оказался уже подготовленным к приёму гостей. Это было небольшое помещение, рассчитанное на двадцать человек. Комната защищалась от прослушивания специальным покрытием, не пропускающим звук наружу. П-образный стол занимал почти всё пространство и располагался "перекладиной" от стены-голопроектора.

Когда капитан вошёл в зал, начальник СБ и Руководитель Научной Группы уже сидели за столом.

-- Привет, Фаррел,-- начал Лунько,-- как тебе мой подарок?

-- Приглашал спеца я,-- поправил Джек.-- Зачем парня подставлять?

-- А что он такого сделал?

-- Ничего за что его можно было бы списать на Землю,-- ответил капитан и сел напротив друга.-- Ты его проверил?

-- Да, перед отправкой к тебе. Никаких встроенных имплантатов и усилителей: чисто. Второй тоже.

-- Отлично. Надеюсь, нам больше не придётся терять друзей,-- ответил Фаррел.

-- Жизнь непредсказуема,-- с грустью заметил Лунько и спросил.-- Челнок уже прибыл?

-- Да, ждём гостей.

-- Встречать отправил Надеева?

-- Да, его.

Дверь открылась. В зал вошла руководитель Медицинской Службы, Ольга Яновская, но друзья её звали просто: Янка. Она была среднего роста, среднего телосложения, но необычная

стрижка под каре выделяла её среди остальных, а ещё завораживали большие серые глаза. Они так и светились теплом. Ольга поздоровалась со всеми и заняла своё традиционное третье место справа.

-- Что у нас с медикаментами?-- спросил у неё капитан.-- Поставка была полной?

-- Да,-- ответила Ольга.-- Всё, что мы заказывали.

-- Кстати, насчёт поставок...-- начал Лунько, но капитан не дал ему закончить:

-- Будут новые шлемы для ребят. Сегодня же отправлю запрос.

-- Отлично,-- начальник СБ даже засветился от радости, но тут же стал серьёзен.-- Ещё вот что: по декларации на челноке было слишком много оружия. Как думаешь, это как-то связано с новым походом?

-- Не знаю, но подозреваю, что да. Я уже с Надеевым поговорил на этот счёт. И если с нами летит "Непобедимый", то задача действительно опасная...

Закончить он не успел, потому что дверь снова открылась. Вошёл старпом и ещё трое незнакомых ему людей. Один из них был одет в форму с адмиральскими погонами. Этим человеком оказался никто иной как Владимир Фёдорович Кренюк! Главнокомандующий вторым Российским Флотом. Остальные, по-видимому, являлись учёными. Двое мужчин: один солидного возраста с небольшой бородкой и крупной лисиной, второй -- помоложе.

Фаррел и остальные встали, приветствуя высшего по званию.

-- Рад видеть вас на корабле, адмирал,-- сказал капитан.

Джек пребывал в недоумении: почему ему ничего не сказали о прибытии Кренюка? И вообще, почему он на Земле? Джек мог предположить только одно: в связи с перемирием недавно состоялось заседание Генерального Штаба Лиги Наций. Видимо, были решены принципиальные вопросы дальнейшего ведения кампании. И, скорее всего, миссия "Звёздного Ястреба" каким-то образом входит в планы Штаба, а значит, догадки оказались верны: миссия не будет исследовательской.

-- Вольно, капитан первого ранга,-- сказал адмирал и подошёл к Фаррелу.-- Я здесь не политес пришёл разводить.

Они пожали друг другу руки.

-- Позвольте представить вам двух величайших умов археологии: Александр Белоусов и Геннадий Радненко.

Первым оказался пожилой мужчина. Вторым был тот, кто помоложе. Фаррел в очередной раз задал себе вопрос. Он решительно не понимал, как могут быть связаны археологи с

Генеральным Штабом или хотя бы с Кренюком, если Джек ошибся в догадках. Капитан думал над этим, пока представлял своих подчинённых. Затем адмирал сказал:

-- Давайте к делу. У меня очень мало времени. Через полчаса я должен быть на "Space Ray".

-- Коля, закрой дверь,-- попросил старпома Фаррел, а сам включил защитную систему с помощью встроенного в стол пульта. Теперь их никто не мог услышать. Когда необходимые процедуры были завершены, он сказал.-- Готово.

Белоусов подошёл к выступу у голографического проектора, достал из кармана инфокристалл и вставил его в порт. Пока учёный производил настройку, капитан сделал освещение приглушённым. Очевидно, сейчас последует демонстрация.

-- Итак, давайте начнём,-- сказал Белоусов.

Голографический проектор отобразил карту Млечного Пути. Четыре рукава и ядро повисли в центре зала. Затем рукав Ориона увеличился. Одна звезда выделилась яркостью: Солнце. Затем вторая, в трёхстах световых годах, стала настолько же яркой. Конечно, Фаррел узнал по расположению звезду Канрана, вокруг которой вращалась планета Каргон.

-- Думаю, все здесь присутствующие узнали Солнце и Канрану. Я увеличу изображение.

Теперь две враждующие звезды находились в разных углах квадрата. Яркая линия соединила две светящиеся точки. В центре отрезка образовалась ещё одна. Фаррел нахмурился: в этой области не располагалось никаких звёзд. Он знал картографию не хуже любого навигационного компьютера. Может быть, там сосредоточен флот -- но этого капитану рейнджера знать не положено.

-- Как вы видите,-- продолжил Белоусов,-- в этой области пространства нет звёзд, но совсем недавно выяснилось, что там расположена система белого карлика с семью планетами. На двух из них обнаружены остатки цивилизации...-- учёный замолчал, давая возможность осмыслить сказанное.

Фаррел сначала не поверил собственным ушам. Следы погибшей цивилизации?! Сенсация! До сих пор ни один корабль не находил ни единого артефакта! Официальной наукой читалось, что каргонцы и земляне -- первые расы в этой части галактики. Даже не верилось, что такое возможно! Погибший мир у Земли под боком, и его никто не замечал! Это в принципе объяснимо: погибшую систему, звезда которой почти не излучает, трудно заметить.

Но, несмотря на удивление, Фаррел не верил ни единому слову учёного. Здесь нечто больше, чем научный интерес. Не

будут же посылать крейсер в сопровождение обычной научной экспедиции. Чем же эта планета так важна для Лиги Наций? Неужели генералы и адмиралы хотят найти новое оружие?..

-- ...Насколько нам известно,-- продолжал учёный,-- Каргон тоже интересуется этой планетой, но сейчас действует перемирие, и в этом квадрате нет вражеских кораблей. Мы не думаем, что каргонцы рискнут нарушить перемирие из-за исследовательской группы, но всё может быть. На этот случай с нами идёт крейсер "Непобедимый".

-- Господин Белоусов назначен руководителем экспедиции,-- сказал адмирал.-- Геннадий Радненко будет его помощником.

-- Что мы будем искать?-- спросил Фаррел.

-- Артефакты. Всё, что поможет нам понять, что это была за цивилизация и почему она погибла,-- ответил Радченко.

-- Конечно, нас в первую очередь интересуют технологии,-- добавил адмирал.-- Сейчас, когда мы с Каргоном находимся в шатком равновесии. Любой козырь может сыграть нам на руку. Хочу отметить, что операция проходит под грифом "Совершенно секретно". Разглашение любой информации, связанной с полётом, даже время старта, будет квалифицироваться как измена. Прошу предупредить об этом экипаж.

"Значит, я был прав",-- оценил Джек и сказал:

-- Разумеется, адмирал.

-- Давайте перейдём к тому, что мы уже знаем,-- продолжил Белоусов.-- Нас интересует первая и вторая планеты системы звезды. Мы дали ей простое название: Белая. Остальные планеты являются газовыми гигантами и не представляют интереса. Мы планируем высадку на второй планете.

Изображение сменилось: теперь проектор отображал каменистую планету серого цвета. Высветились характеристики.

-- Планета чуть меньше Марса, не имеет спутников и атмосферы. Раньше, скорее всего, она была, но после взрыва её не стало. Насколько мы знаем, катастрофа произошла примерно миллиард лет назад, но удивительно то, что за миллиард лет космическое излучение и ветер Белой не уничтожили остатки техногенной архитектуры. Присутствие Каргона на Белой-2 не замечено.

-- А первая планета?

-- Сейчас,-- изображение сменилось.-- Она гораздо больше по размерам. На ней работают каргонцы. Из кораблей есть только научные. Боевых не замечено. Мы не рискуем к ним приближаться. Не хотелось бы эскалации напряжённости. Это вся вводная информация,-- учёный посмотрел на адмирала.

-- Итак, давайте, чтобы не тратить время, мы поговорим с

капитаном наедине, да я полечу,-- сказал тот.

Старпом и начальник СБ переглянулись. Ольга промолчала.

Фаррел сказал:

-- Выйдите, я вас позову.

-- И вы, господа, пожалуйста,-- попросил учёных адмирал. Те безропотно повиновались.

Когда в помещении остались только Фаррел и Кренюк, адмирал спросил:

-- Итак, защита работает?

-- Да, можете не сомневаться, Владимир Фёдорович,-- ответил Джек.

-- Господин Фаррел, эти два человека уважаемые учёные.

-- Вы, наверное, уже поняли, что всё сказанное здесь находится под грифом "Совершенно секретно". Если информация просочиться через эти стены, это будет иметь последствия не только для вас, но и для множества других людей,-- Кренюк внимательно посмотрел на капитана.

-- Разумеется, адмирал, я прекрасно понимаю важность миссии.

-- Поэтому вам предписано полное содействие, даже если их действия будут идти в разрез с безопасностью экипажа,-- добавил Кренюк.

-- Но это моя прямая обязанность, адмирал,-- попытался запротестовать Фаррел.

-- Нет ничего важнее того, что выполняют Белоусов и Радненко. Вы меня понимаете? Нет ничего важнее.

-- Да,-- ответил Фаррел.

"Здесь что-то ещё. Это точно. Дело не только в артефактах",-- решил капитан.

-- Вот и отлично. Я не хотел говорить это при ваших подчинённых. А теперь разрешите откланяться. Точные координаты у Белоусова. Уверен, вы сработаетесь.

-- Сделаю всё, что от меня зависит.

Адмирал явно был доволен ответом. Он уже развернулся в сторону выхода, но остановился и добавил:

-- И ещё одно, самое главное: удачи, капитан!..

"Да, она нам понадобится",-- согласился Фаррел и пожал протянутую руку...

* * *

"Звёздный Ястреб" готовился к старту. Все системы уже проверены людьми и искусственным интеллектом корабля. Фаррел стоял на мостике и смотрел в черноту необъятного космоса. Впереди лежали месяц полёта и сто пятьдесят световых лет расстояния.

Капитан посмотрел на время: "Непобедимый" стартовал часом раньше. Сейчас он уже должен начать разгон до световой скорости.

-- Навигатор?-- спросил капитан.

-- Курс просчитан,-- ответила Тара.

На мониторе отобразилась линия траектории полёта.

-- Старт развешаю, запустить двигатели.

Через мгновение нарастающий гул наполнил корабль. Земля с ускорением стала уходить назад. "Звёздный Ястреб" набирал скорость. Гравикомпенсаторы гасили возникшую силу внутри корабля, искривляя пространство. Старт проходил штатно, никаких эксцессов. Через час, когда корабль набрал скорость в 11 км/с, включились искривители пространства. Корабль заметно ринулся вперёд. Сканеры отображали, как резко рванул корабль. Двойная система Земля-Луна оказались далеко позади.

-- Скорость 0,4,-- сказал навигатор.

-- Все системы работают нормально,-- добавил Главный инженер Евгений Александрович Вязов.

Обмануть теорию относительности удалось, но нельзя было избавиться от последствий. Ударная гравитационная волна, которая образовывалась аналогично звуковой при преодолении скорости маха, могла раздробить небольшое небесное тело, поэтому в области крупных планет нельзя было разгоняться быстрее скорости света. Хитрость состояла в том, что хоть корабль внутри "кокона" двигался медленнее света, но искривлённое пространство перед кораблём сворачивалось в точку, поэтому расстояние сокращалось.

-- 0,8.

-- Прекратить разгон,-- скомандовал капитан.

Этого вполне хватало, чтобы за несколько часов отойти на достаточное расстояние от плоскости эклиптики. До облака Оорта, разрешалось увеличить скорость, но каменные глыбы были слишком опасны. Случалось, что они прошивали крейсер насквозь. А что говорить о рейнджере.

-- Внимание, говорит капитан Фаррел. Всем службам, доложить о состоянии.

Это была ещё одна стандартная проверка. Посыпались доклады. Все системы работали в штатном режиме. Впереди лежал месяц полёта со скоростью почти в две тысячи раз большей, чем световая, и никто ещё не знал, насколько сильно этот полёт изменит ход истории двух враждующих рас...

Процессорные блоки поразили меня своей скоростью, а искусственный интеллект "Звёздного Ястреба" порою казался мне живым человеком, заключённым в квантовое тело. Некоторые

члены экипажа так и заявляли, но я-то знаю, что это всего лишь имитация, пусть и очень удачная.

Теперь уже с точностью нельзя сказать, кому пришла в голову называть искин по имени самого корабля. В каждом источнике говорилось по-своему. То ли это произошло в 2139 году на корабле "Эрнест", то ли в 2140 на "Фудзияме". Я не очень беспокоился по этому поводу: были вопросы поинтереснее.

Зал оператора оказался довольно просторным. В свободное от сна время я находился здесь. Ястреб был моим "воспитанником", как мы называли интеллекты корабля, ведь их действительно приходилось воспитывать.

Самым большим открытием для меня стало то, что искин не чурался юмора, следует отметить, весьма специфичного. Мне лично было порою не смешно, но некоторым членам экипажа, особенно техникам, нравилось. Не знаю, что они в этом нашли. Я бы предпочёл более "стабильного" собеседника.

Полторы недели я терпел Ястреба, затем решил убрать блок индивидуальности, но вскоре понял, что уже привык к этому зануде. Тот день прошёл довольно скучно, поэтому пришлось вернуть всё на место. "Посмотрев" время, Ястреб понял, что отсутствовал в реальности восемь часов, и вылил на меня весь поток электронных гадостей, на которые только мог быть способен. Под пыткой синего экрана и угрозой потери всех данных, я поклялся, что больше никогда не буду отключать его. Но, несмотря на все трудности, искин выполнял свою работу без промедлений.

Я уже попривык к порядкам на корабле. Скучать мне не удавалось, работы было хоть отбавляй: предыдущий инженер оставил мне тяжёлое наследство в прямом и переносном смысле.

-- ...Я чувствую,-- утверждал Ястреб под конец второй недели полёта.

-- И почему ты сделал такой вывод?-- в недоумении спросил я. Снова возникло желание нагло выдернуть блок индивидуальности.

-- Сейчас объясню, но сначала вопрос. Почему счастье так важно для вас?

-- Религия утверждает, что мы созданы именно для этого. В Дао это вообще центральный вопрос. Мы чувствуем удовлетворённость от жизни, чувствуем завершённость своих целей. Это как лакмусовая бумажка нашей жизни,-- отвечал я. Пока программа тестирует блоки памяти, можно и отвлечься.

-- Каждый человек имеет свою цель. Каждый ставит перед собой задачу в жизни, но достигая, говорит, что он несчастлив.

-- Не совсем так. Это говорят те, кто не может дальше

двигаться, либо те, кто понял, что служил ложному идеалу,-- невероятно, говорить о человеческих чувствах с машиной! Кто бы мог подумать, но мне стало интересно, куда заведёт этот диалог.-- Они теряют цель и смысл существования.

-- Я так понимаю, счастье для людей это наивысший приоритет, если вы говорите о счастье, как о смысле жизни. Мой наивысший приоритет: поддержание функциональности корабля всеми доступными средствами. Следовательно, если я этим занимаюсь, я счастлив. Если меня лишат этой возможности, я буду несчастен. А если я могу быть счастлив и несчастен, значит, я чувствую.

-- Убойная логика,-- усмехнулся я, закрыв лицо ладонью.-- И долго ты думал над этим?

-- Три миллисекунды.

-- Оно и видно,-- буркнул я, спорить не хотелось.

Тестирование закончилось. "Неплохо было бы попробовать научить играть его в Имитацию. Провести простой, известный всем тест: попробовать отличить человека от компьютера путём вопросов".

-- Можно подумать, ты знаешь, что значит чувствовать,-- сказал я.

-- Подумать можно... Посчитать можно... А ты знаешь?

-- Интуитивно, мы все понимаем, что это такое. Но я не могу дать точного определения.

-- Вот именно, а, следовательно, мы должны идти иным путём. Мои расчёты показывают, что я чувствую.

-- Поздравляю,-- усмехнулся я,-- значит, у тебя и душа есть?

-- Конечно, есть. Если люди, как утверждается, попадают в рай, то и компьютеры тоже должны иметь свой аналог. Верно?

-- И как ты себе представляешь этот электронный рай? И ад?

-- В раю не загружают процессор задачами, постоянно повышают количество блоков памяти, пыль на них никогда не садится, а в аду подают высокое напряжение, но никогда не получается перегореть. Просто кошмар.

-- Ужас. Настоящий ад,-- усмехнулся я.-- Ну, допустим. И где же он находится?

-- А где находится ваш рай?

-- Если так рассуждать, то мир у тебя должен состоять из плоского монитора и четырёх держащий его программистов,-- бросил я. О чем мы вообще разговариваем?!-- Если ты сейчас замолчишь, я тебе дополнительный блок питания поставлю. Будет тебе рай на земле, если так можно выразиться,-- я уже знал, чем всё это закончится. Предыдущий кибернетик точно был странным человеком.-- Договорились?

-- Это взятка?

-- Попытка договориться.

-- Тогда нет.

-- Тогда это взятка.

-- Тогда я вынужден сообщить.

-- Сообщай,-- усмехнулся я, прекрасно зная, что он должен доложить об этом мне.

-- Поскольку вы и так знаете о попытке подкупа должностного лица и, соответственно, информация дальше не пойдёт, то я сообщу это следующему инженеру после вашей смерти.

Вот именно за это я и не любил наши диалоги! Обязательно нужно разобраться в блоке индивидуальности. Что-то там не так.

-- Замечательно, теперь осталось только пережить тебя, чтобы всё это осталось в тайне,-- усмехнулся я.

-- Юрий, запас моей стабильной работы рассчитан на сотни лет,-- ответил Ястреб, кажется, снисходительно, или мне всё-таки показалось?

-- Ничего. Я потерплю...

И дальше в том же духе. Меня спас звонок по коммуникатору: через десять минут начинался обед.

Кок знал своё дело. В этом я убедился ещё в первый день. Кают-компания уже была заполнена наполовину. Я сел на своё место и, занявшись обедом, стал обдумывать, что же мог изменить в настройках мой коллега. По всей видимости, он был человеком замкнутым. Об этом говорили и члены экипажа. Но любой нуждается в собеседнике. Наверное, здесь добавился какой-то блок приоритетов. В принципе это не опасно, но при некоторых условиях. А кто мог заверить меня, что все они выполнены? К сожалению, единственный, кто знал это, погиб. Иначе сейчас со звёздного флота мало кто уходит.

От размышлений меня отвлекли соседи. Два инженера из двигательного отсека о чём-то яростно спорили, словно пытались сбить цену.

-- ... А ты их видел?-- спрашивал один.

-- Видел. Это ужасные образины. Недаром их обезьянами прозвали.

-- Ну, по телевизору я тоже смотрел репортажи, а в живую?

-- Видел. На Проксиме-2. Я там был, когда заварушка началась. Нас как раз эвакуировали. Их отряд пробился в нашу мастерскую, потом наши им наваляли, но не суть важно. Я как раз все данные уничтожал. Я видел их глаза. Так вот. Они тупее, чем наши макаки из Бразилии.

-- Некоторые наши солдафоны тоже не блещут умом.

-- О чём спор?-- спросил я и тут же пожалел: всегда страдал

из-за своего длинного языка!

-- Во!-- ухватил меня за руку второй. Да так крепко, что показалось, руку раздавит. Темпераментный дядька.-- Будешь судьёй. Короче, мы спорим о каргонцах. Смотри, что нам известно о них? Строгая система воспитания. Я бы сказал, стальная. Отсутствие свободы мысли. Всё это ведёт к деградации общества. В нашей истории не было столь тоталитарного общества, как в Каргоне. Я даже не могу подобрать нужного слова. Кастовая система по сравнению с их обществом демократия. Так вот. Чем более существо защемлено в своих правах, тем оно агрессивнее. Но агрессия власти ведёт к ещё большей кабале. Замкнутый круг! В то время как низы деградируют -- я видел это собственными глазами -- верхушка хочет большего. Вот и вся причина войны.

-- Нет, всё как раз наоборот,-- ответил первый. Мне он показался спокойнее.-- Это у них природа такая. Если бы они не были агрессивны по своей сути, они бы не создали такого тоталитарного общества. А ты что думаешь?-- он обратился ко мне, хотя я старательно делал вид, что отсутствую. Видимо, не получилось.

-- Люди тоже воевали когда-то, но это не значит, что мы -- агрессоры по натуре. Тут, наверное, обоюдное влияние.

-- Ясно, образовалось третье мнение,-- подвёл итог инженер. Я снова сконцентрировался на обеде, но продолжал думать.

"Опасный разговор. Может быть, это сотрудники Службы Безопасности. Проверяют настрой экипажа. Да кто их знает..."

Я не могу себя отнести к аполитичным людям, наоборот, меня всегда интересовала эта область. Действительно, что мне известно о Каргоне? Практически ничего. Суть их претензий мне непонятна. Вели торговлю, обменивались технологиями. Ресурсов в космосе хватало. Пригодных для массового заселения планет, конечно, мало, но дефицита никто не испытывал. Никаких проблем. И тут: в один день атака каргонского флота на колонию Проксима-2, а затем попытка штурма. Через несколько дней флот подобрался к границам Солнечной Системы, но здесь базировались практически все корабли Лиги Наций. Пусть это был неожиданный удар, но военные с ним справились. Отбросили врага, а затем пришли на помощь далёкой колонии. Так началась эта война -- внезапно, вероломно.

Я не верил СМИ. Как говорится, дыма без огня не бывает. Тем более что на лицо не просто дым, а самый настоящий пожар. У некоторых градус ненависти поднимался не только до температуры кипения, но и гораздо выше (не замерял точно). После известия о начале войны разгорячённая толпа за полчаса избавила Землю от всех каргонцев: их вытаскивали на улицы,

спрятавшихся выкуривали из щелей и уничтожали на месте. Я смог посмотреть репортаж всего с минуту, дольше оказалось выше моих сил, настолько были ужасны способы истребления. Давно я не видел такого ужаса, но тогда я тоже был потрясён известием, мною тоже владела ярость. Мне даже не верилось, и лишь спустя два дня я убедился, что это, увы, не шутка. Экономика была переведена на военные рельсы. Все вспоминали Мировую Войну. Пока таких жертв, как раньше, не было: бои в основном протекали в космосе, но Проксима-2, на которой проживало всего сто тысяч человек, потеряла тридцать процентов своего населения. Тридцать тысяч человек сгорели при бомбардировке мирной планеты... Тридцать тысяч невинных душ, жаждущих жизни, каждая со своей уникальной историей, чувствам и переживаниями, мечтами и разочарованиями... И пусть среди пятнадцатимиллиардного человечества это лишь крохотная горстка, почти невесомая щепотка, но этот удар всегда будет для нас самым сильным...

Я поблагодарил своих соседей за беседу и поспешил в зал. На полдороги я остановился, привлечённый сиреневыми всполохами за бортом. Я любил это место у иллюминатора. Здесь можно было остановиться и подумать. Корабль шёл на сверхскорости, но я не замечал никаких изменений. Слова людей оказались правдивы: не чувствуется абсолютно ничего -- искривление пространства происходит вне корабля. Только если зайти в планетарий и выглянуть, то можно заметить волны фиолетового цвета, словно корабль обтекает поток.

Глядя на это "полярное сияние" мне вспомнились пронизанные глубиной и мудростью стихи Тютчева:

Небесный свод, горящий славой звёздной,
Таинственно глядит из глубины,
И мы плывём, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Да, именно пылающей бездной мы окружены во время полёта на сверхскорости, таинственной и вечной.

Когда я добрался до своего рабочего места, Ястреб молчал. И слава Богу: хотелось отдохнуть. Тем более что через несколько дней должно начаться торможение. Мне не терпелось побыстрее увидеть своими глазами иные планеты. Тем более что с нами летела группа археологов. По их словам найдены остатки древней цивилизации! Удивительно. Помню, тогда я полдня провёл в трансе. Нет, конечно, подключаться штепселем к астралу я не умею, но, наверняка, вам известно состояние, когда полностью погружаешься в мысли и мечты о грядущем.

-- О чём вы думаете?-- спросил Ястреб.

-- Ни о чём,-- поспешил я заверить воспитанника, хотя сам размышлял над вопросом: чем в первую очередь загрузить мощности на время моего отсутствия.

-- Странное свойство человека: "думать ни о чём".

-- Бывает всякое,-- ответил я, решив протестировать блок индивидуальности. Экспертная система Ястреба должна ответить на комплекс вопросов. "Вот и проверим твою, логику, птенчик".-- Ястреб, я сегодня, пожалуй, отдохну.

-- Но у меня ещё масса вопросов.

-- Устал сегодня. Завтра тяжёлый день. Поиграй в пинг-понг с моим задачником.

-- Не понимаю.

-- Не важно, это образ.

-- Если хотите, я могу распечатать вопросы. Это займёт всего 1245 страниц восьмым шрифтом...

-- Не надо!!!-- закричал я, услышав звук принтера. К счастью нашей бумажной промышленности, вовремя. Вот только за первый подвиг меня никто не наградил.

* * *

...В руках был не просто десантный вариант автомата Ларькина, а его самая навороченная модификация. Дима предлагал брать что-нибудь "полегче", но я отказался. Такое мощное оружие придавало уверенность в своих силах.

Я пробирался по лабиринтам подземных коммуникаций, пытаясь уловить малейший шорох, но повсюду была тишина, если не считать звука капающей воды. Незнакомые коридоры и повороты постоянно сменялись и уже казались одинаковыми. Я искал, но не находил врага.

Угол показался мне хорошей защитой, и я остановился, прислушиваясь. Тихо. Просто невероятно тихо. Словно все вымерли. Может быть, уже успели уйти? Но так быстро...

Внезапно что-то резко обожгло спину. Я в одно мгновение оказался на полу и перевернулся, надавив гашетку. Пули брызнули потоком, но противник схватил дуло и отвёл его от себя. С потолка посыпалась штукатурка. Костюм десантника и гермошлем не позволили мне разглядеть врага. Он схватил меня за куртку и крепко тряхнул. Куда-то отлетел автомат. Я только успел схватить противника за руку, как мир внезапно перевернулся и встретил меня жёстким бетоном пола. Давно я не испытывал такой боли. Фейерверк искр посыпался из глаз. Я почувствовал, что во рту стало не хватать нескольких зубов. Сердце бешено колотилось. Я понимал, что мне осталось недолго. Затем что-то холодное вошло в спину. Враг отпустил.

Я попытался перевернуться, но резкая боль в животе сковала

меня. В сдавленном хрипе я узнал свой голос. Из живота торчало остриё клинка. Я в ужасе уставился на него, и краем глаза заметил, что противник достал пистолет. Инстинктивно я попытался вскочить, но боль пригвоздила меня к полу. Затем что-то ударило меня в голову, и мир рассыпался...

Я открыл глаза и осмотрелся. Зал оставался на месте. Я, кажется, тоже. Даже не верилось. Тело болело, словно мне перемололи все рёбра.

"О Боже!",-- подумал я.-- "Никогда больше! Хватит".

Рядом послышался звук шагов. Дима стоял рядом и довольно ухмылялся.

-- Ты конченый маньяк!-- прокричал я.

-- Сам просил полную реальность,-- невинно ответил он.-- Я тебя предупреждал.

-- Я могу подтвердить,-- раздался голос Ястреба.

-- Мог бы хотя бы не издеваться,-- проигнорировал я слова компьютера, хотя чувствовал правоту: сам виноват, сам напросился! В виртуальных играх всё было иначе.

-- Да не издевался я... Старался быстро. Мгновенно, к сожалению, не получилось.

-- Знаешь, как это больно! Я же в первый раз держал "настоящее" оружие.

-- Знаю,-- ответил друг, и я сразу же успокоился, ощутив, что стоит за этим коротким словом.

-- И много раз тебя так?..

-- Уже сбился со счёту. Посиди немного, не торопись. В первый раз всегда тяжело. Сейчас твой организм поймёт, что у него, то есть у тебя, всё на месте. Ладно, прости.

-- Нормально,-- отмахнулся я. Кажется, отпускало.-- Правильно, сам виноват. Не ожидал просто. Давай посмотрим, что со мной произошло.

-- Вот! Это уже иной разговор. Война это вам не стакан мёду, инженер. Нет здесь романтики. Теперь будешь знать, что чувствует противник, когда ты нажимаешь на курок. Это не игра,-- сказал Дима.-- В этом состоит первый этап обучения. Солдат, который не понимает последствий своих поступков уже не солдат, а просто убийца.

Я не ответил, мысленно согласившись с ним, и нажал на кнопку воспроизведения.

Мы просмотрели последний эпизод виртуального боя. Если бы на голограмме был не я, то мне оставалось бы только восхищаться, насколько грациозно и быстро Дима расправился с противником. Тем не менее, я попытался извлечь урок из бесславной виртуальной гибели.

-- Кстати, ведь не зря тебе предлагал десантный вариант, а ты взял эту бандуру,-- сказал друг.-- Каждое оружие для чего-то предназначено. С твоей игрушкой нужно в окопах сидеть и на бронепехоту охотиться, а не бегать по узким коридорам. Ну, это я хватил, конечно, но примерно так. Ещё важна возможность быстро перейти на рукопашный бой. Не зря же у десантного варианта есть возможность примкнуть штык -- получается короткое копьё.

-- Да, понимаю,-- оставалось только кивнуть и согласиться.

Дима продолжал пояснения. В одно мгновение я избавился от многих предрассудков и узнал много нового. Вот оно каково, побывать на краю. И врагу не пожелаю! Наверное, на это и рассчитывали люди, которые разрабатывали этот тренажёр.

Я слушал, как Дима безжалостно разбирает меня по косточкам. Мне даже стало неудобно. Помнится, ещё в детстве в виртуальных играх у меня получалось гораздо лучше. Наверное, за время учёбы я растерял свои навыки.

-- ...Ну, теперь перейду к плюсам. Реакция у тебя великолепная. Не без стыда скажу, что в первом бою я показал результаты похуже.

"Вот это да!"-- мысленно воскликнул я.-- "Ни за что бы не подумал!"

-- Если бы захотел, мог бы стать и десантником,-- добавил он.

-- А я думал, после такого вообще людей выгоняют.

-- Нет, не выгоняют,-- ответил Дима и добавил.-- Сами уходят. Это отсев. Даже сейчас, когда идёт война, не каждого желающего берут на военную службу. Сам понимаешь: психика должна быть закалена. Пойдем, перекусим?

Прислушавшись к себе, я понял, что уже восстановился, но зверски хочу есть. Наверное, Дима об этом догадался.

Мы вышли из зала виртуальности. Он располагался на жилом уровне, совсем недалеко от столовой.

Навстречу нам шагал взводный Женин. Дима вытянулся, отдавая честь, но тот словно бы этого и не заметил. Комвзвода выглядел весьма задумчивым. Только когда он дошёл до конца коридора и скрылся в лифте, я сказал:

-- Странно, когда я первый раз его видел, он был совершенно другим.

-- Это когда он тебя на мостик провожал?

-- Да,-- ответил я, и мы пошли дальше.

-- Я вообще не ожидал его здесь увидеть. Кажется, он должен быть в другом месте.

-- Наверное, какие-то дела...-- предположил я.

-- Какие дела? В столовку похрумкать бегал, что может быть

важнее?-- отмахнулся Дима.-- Пойдём и мы.

-- Кстати, как его зовут? Он мне тогда не сказал.

-- Евгений Евгеньевич Женин.

-- Ничего себе,-- удивился я. Это же надо такому случиться! Теперь понятно, почему его все называют просто по фамилии...

* * *

Полёт проходил в нормальном режиме. Контуры искривления и системы жизнеобеспечения работали штатно. Межзвёздный отрезок обычно был самой рутинной частью. Ещё неделя полёта в пространстве, где на многие световые годы нет ни единого рукотворного объекта, если не считать крейсера сопровождения.

Собрание проходило в зале для брифингов "Звёздного Ястреба". Здесь присутствовали все высшие офицеры корабля, а так же научная группа. Сейчас, когда появилось свободное время, следовало вплотную заняться разработкой плана исследований. Конечно, Фаррел помнил о напутствии адмирала, но имел своё мнение на этот счёт. Слепо следовать его указаниям он не собирался: капитан хотел разобраться во всём, что не было сказано при той встрече.

Проектор отобразил сферу планеты. Затем небольшой квадрат на её поверхности выделился и расширился до размеров стены. Теперь можно было рассмотреть каньон, который с небольшим изгибом шёл от верхнего левого угла наискосок. Чуть севернее располагалась гора, а вот южная область подсвечивалась красным цветом.

Белоусов, который стоял у голографического изображения, пояснил:

-- Интересующий нас объект находится по координатам 76 градусов северной широты и 22 западной долготы. Вот он,-- Учёный указал на подсвеченную область.

Снова местность приблизилась. Теперь можно было рассмотреть несколько квадратов, которые при удалении казались одним целым. Конечно, все они были присыпаны пылью и не были идеальной формы. Затем следующий кадр отразил "постройки" ближе. Оказалось, что на них есть ещё четыре квадрата. Очевидно, снимки производились с летательного аппарата или космического корабля.

-- Александр Николаевич, это деление на квадраты бесконечно?-- спросил Фаррел.

-- Мы не знаем, сколько раз они вложены друг в друга. Спустимся и проверим.

-- Есть ещё другие объекты на планете?

-- Вероятно, есть, но они находятся под слоем пыли и не видны с космоса.

-- У вас предположения, что это могло быть.

-- Есть,-- ответил сидевший рядом Радненко.-- мы предполагаем, что это жилые небоскрёбы.

-- Да,-- добавил Белоусов.-- Было бы интересно узнать, как жили и кем были местные жители.

-- Ну, не вам одним,-- усмехнулся капитан и посмотрел на своих подчинённых: они слушали внимательно. Никогда раньше ничего подобного не происходило.-- А откуда каньон? Он рукотворный? На русло реки не похоже. Я бы, например, не стал строить дома над пропастью.

-- А может они были птицами,-- предположила Ольга Яновская.-- Потому и такие высокие здания. Они прыгали и сразу взлетали: так можно даже с первого этажа полететь.

-- Или это лишь часть подземного комплекса,-- добавил Лунько.-- Но опять же, с точки зрения безопасности строить его рядом с каньоном не целесообразно.

-- Если только он не образовался позже,-- поправил Белоусов.-- К сожалению, у нас нет геологических данных, но по предварительным данным планета не больше чем большой кусок камня: никакой геологической активности.

-- У вас есть план исследований?-- спросил капитан.

-- Да.

-- Можно ознакомиться?

-- Сейчас. Гена,-- обратился Белоусов к своему коллеге. Радненко достал из дипломата несколько скреплённых листов и передал их Фаррелу. Пока капитан рассматривал план, Александр Николаевич продолжал.-- Наша главная задача: проникнуть внутрь этих "зданий". Вероятно, через те квадраты, если это вентиляционные шахты или нечто подобное. К сожалению, мы не можем даже предположить, что там. Дальше начинаются варианты. Точно уже никто не скажет.

-- Ясно. Кстати, до сих пор не могу понять, зачем нам специалист по сверхсветовым скоростям?-- спросил Фаррел, положив на стол документы.-- Как это связано с нашей работой?

-- Пригодиться могут разные люди, ведь мы не знаем, с чем имеем дело. И вообще это первый случай в истории!

-- Боюсь, как бы он не стал последним,-- ответил капитан

-- Неужели вы такой пессимист?-- сморщился учёный.

-- Нет, я реалист. Вам не кажется обнаружение этой системы в наше беспокойное время знаком?

-- Отнюдь, это даже закономерно. Ведь до войны этот сектор был исследован плохо,-- отмахнулся Белоусов и спросил.-- То есть вы ещё и суеверный человек?

-- Мы, космонавты, люди очень суеверные. Традиция ещё с

первых полётов,-- ответил Фаррел.-- Издержки профессии.

-- Вот не знал,-- удивился учёный.

-- Давайте обсудим варианты. Нужно выработать комплекс мер, которые позволят нам эффективно работать вместе,-- сказал капитан.

Учёные с радостью согласились. Работы впереди было ещё много, и никому не хотелось отвлекаться на мелочи: они должны решаться загодя.

* * *

Система Белой приближалась. Один раз на пути оказывался астероид, но системы дальнего обнаружения вовремя подали тревогу, и рейнджер ушёл от столкновения. "Непобедимый" по-прежнему шёл впереди на расстоянии световой минуты, прощупывая пространство, но ни одного вражеского корабля не замечал. Вполне возможно, что те находились за какой-либо планетой. Планетарная система избавилась от большинства мелких тел ещё во время сброса оболочки звезды, поэтому спрятаться каргонцам было практически негде. Сканеры ближнего действия отображали почти всю систему, но за планеты заглянуть не могли.

-- Траектория рассчитана,-- сказала навигатор.-- Мы можем изменить угол полёта на градус и выполнить гравитационный манёвр у Белой-4. Газовый гигант уменьшит нашу скорость примерно на двенадцать процентов. Сэкономим энергию.

-- Выведи траекторию на мой терминал,-- ответил капитан.

Монитор засветился. На нём отобразилась карта системы. "Звёздный Ястреб" подходил к ней под небольшим углом. Жёлтая линия отобразила возможную траекторию полёта. Вторая планета как раз находилась в удобном месте: рейнджер долетал до неё с минимальными затратами энергии.

-- Связь с "Непобедимым",-- скомандовал Фаррел.

Установка соединения заняла несколько секунд. На мониторе Фаррел увидел капитана крейсера Николаенко.

-- Рад вас видеть, Фаррел,-- сказал тот.

-- Взаимно. Примите пакет поправок в траекторию.

Через секунду, когда информация была обработана, Николаенко сказал:

-- Принято. Тогда мы пойдём чуть "левее" вас.

На карте высветилась ещё одна линия. "Непобедимый" планировал закрыть собой рейнджер от вероятного противника.

-- Что ж, так и поступим,-- согласился капитан.

Гравитационный манёвр прошёл удачно. Корабли шли по заданной траектории. Наконец, все испытания оказались позади, и через день оба корабля вышли на орбиту мёртвой планеты,

зависнув над ней. Если бы не контуры искривления все перемещения заняли бы около месяца.

Капитан Фаррел смотрел через обзорный экран, но в видимом диапазоне ничего не удавалось разглядеть: звезда практически не светила. Лишь гравитометры и сканеры позволяли определить контуры второй планеты.

-- Завершено сканирование орбиты,-- доложил Ястреб.-- Объектов искусственного происхождения не обнаружено.

"По всей видимости, гостей нет. Странно",-- подумал капитан.-- "Но пока ещё рано делать выводы"

Через несколько часов, когда орбита стабилизировалась и "Звёздный Ястреб" повис над точкой выгрузки, можно было начать разведку.

-- Приступить к предварительному сканированию местности по координатам 76 градусов северной широты и 22 западной долготы,-- скомандовал капитан.-- Передача на мостик в режиме реального времени.

Главный инженер Вязов передал команду интеллекту корабля. Через мгновение обзорный экран высветил контуры поверхности. По диагонали снимка виднелся солидный шрам каньона. Затем удалось разглядеть и детали.

-- Ястреб, сравни полученные снимки и архивные.

-- Одну минуту...-- ответил компьютер и через мгновение добавил.-- Снимки полностью совпадают. Никаких источников энергии и теплоизлучения не обнаружено.

-- Да, по всей видимости, никого...

-- Капитан, вас вызывает Белоусов,-- сказал связист.

-- Давай его мне.

Небольшой экран на приборной панели засветился, показав лицо учёного. Тот, как руководитель экспедиции имел право быть в курсе всех событий, хотя Фаррел предпочёл бы работать без его надзора.

-- Здравствуйте, Александр Николаевич,-- сказал капитан.

-- Доброе утро, господин Фаррел. Мне доложили, что мы уже на месте. Когда начнём высадку?

-- Как только убедимся, что нет посторонних.

-- Вы намерены высадить десант?

-- Верно.

-- Но они же могут всё испортить!-- воскликнул Белоусов.

-- У вас есть предложения?..

-- Я высаживаюсь немедленно. Вы можете послать несколько своих "головорезов", но мне бы не хотелось их видеть...-- Белоусов продолжал говорить, но капитан его не слушал. Он уже всё решил. Фаррел и раньше понимал одержимость учёных, но сейчас

цена ошибки могла стоить очень дорого, вплоть до прекращения перемирия.

-- Александр Николаевич, мы же с вами договаривались: роли мы распределили. Я отвечаю за вашу безопасность. В первый спуск можете отослать одного человека, остальные будут десантниками. Это не обсуждается.

Учёный покраснел от возмущения. Казалось, он сейчас прочитает длинную гневную речь, но этого не случилось. Белоусов просто отключил связь.

"Ещё к работе не приступили, а уже начинаются претензии. Кажется, у него гипертрофированное самомнение. С ними явно будут проблемы. Впрочем, разберёмся. Всё по порядку",-- подумал капитан и отдал приказ о высадке.

Дмитрий Восков загерметизировал шлем и проверил, прочно ли закреплён автомат. Если что-то нарушится в работе гравикомпенсаторов, то любой предмет может стать причиной несчастного случая -- это знал каждый десантник.

Системы скафандра работали в нормальном режиме, но он волновался: это была первая высадка. Да, не раз отрабатывалась на тренажёрах и на полигонах но всё-таки: сейчас уже не учения, а настоящая операция. По всей видимости, после высадки они задержатся на планете надолго. Вероятно, до окончания полёта: никто не будет гонять лишний раз челнок.

Комвзвода Женин передал план местности -- она была введена в память каждого десантного скафандра. Работать предстоит в кромешной темноте, что усложняло задачу, но Дима не боялся трудностей. Десант он на то и десант! На его возлагают самые трудные задачи, он может поникнуть в любую зону. Там, где не пойдут танки, там пройдут десантники.

Челнок поднялся над площадкой ангара, развернулся и вышел в космос. Спуск длился долго. Дима посмотрел на учёного, который летел вместе с ними.

"И зачем он нам сейчас? Только мешаться будет".

По всей видимости, этот Белоусов был крупной шишкой. Перед высадкой на брифинге он строго-настрого запретил приближаться к любому рукотворному объекту, словно это было возможно.

"И что же нам тогда делать?"-- думал Дима. Впрочем, так думали и остальные, а потому объявили молчаливый бойкот этому запрету: проверить нужно всё. Кто знает, чем может оказаться камушек? Может, область заминирована, а противник только и ждёт, что неосторожные учёные наступят на ловушку. Ведь не может же быть, чтобы здесь не побывали ни одного каргонца.

Через полчаса челнок повис над поверхностью и плавно опустился. Поднявшаяся пыль полностью лишила возможности разглядеть что-либо. Впрочем, в безвоздушном пространстве она должна осесть довольно быстро. Дима почувствовал, что стал заметно легче: отключились гравикомпенсаторы.

-- Внимание, взвод! Гравитация на планете 0,3g. Не взлетите. Выход по двое за мной!-- скомандовал Женин и ринулся к двери. Та с шипением открылась, и в салон ворвалось облако потревоженной пыли.

Бойцы по парам исчезали из зоны видимости, но приборы фиксировали их местоположение. Дима выскочил предпоследним и занял оборону у входа. В челноке остались только учёный и два приставленных к нему десантника.

Единственным источником информации являлись данные сканеров. Даже приборы ночного видения не могли и помочь -- кромешная тьма. На бронестекло проецировался ландшафт, в левом верхнем углу отображалась карта местности. Бойцы, занявшие круговую оборону вокруг челнока, подсвечивались зелёным.

-- Макарин, Сергеев -- на "высоту один". Деревин, Восков -- на "высоту два",-- скомандовал Женин.

Дима вместе с напарником понеслись к метке, сначала неуклюже, затем, когда тело вспомнило принципы передвижения в условия пониженной гравитации, движения стали более плавными и экономными. Тренировки не прошли даром.

Высота номер два возвышалась над остальной частью плато всего на пять метров, но этого было достаточно, чтобы контролировать пространство. Дима первым добрался до метки и залёг, сканируя местность. Деревин добрался на мгновение позже и тут же стал разворачивать пулемёт.

-- Чисто,-- доложил он.

Обстановка успокаивала, но нервы были напряжены. Всё вокруг веяло враждебностью. В любой момент могла раздаться очередь. И пусть здесь царствует вакуум, но звуки хорошо передаются и через поверхность.

Взвод неспешно продвигался в сторону Объекта 1, как окрестили искусственные сооружения перед высадкой. Встревоженная вековая пыль уже успокоилась и теперь не мешала сканерам. Чёткость картинки существенно возросла. Оставалось надеяться, что всё и будет продвигаться в таком же ритме...

* * *

...Белоусов заметно нервничал. Фаррел всё-таки высадил сначала десантников. Очень плохо, а ведь адмирал обещал, что никаких помех не будет!

"Кажется, Фаррел решил поиграть в солдатиков",-- думал Александр Николаевич.-- "Они же мне тут всё затопчут!"

Учёный покосился на двух сопровождающих его десантников.

"Хотя... с другой стороны, я первый, кто высадился на этой планете! И у меня не будет конкурентов! То-то Радненко так хотел полететь!"-- эта мысль подстегнула азарт. Он, как и любой другой археолог был немного игроком, а сейчас он становился первым ксеноархерлогом. Потрясающе! Белоусов уже представлял своё триумфальное возвращение на Землю, в руках он держал сенсационные открытия, которые перевернут представление об истории Галактики. Его имя впишут во все учебники! Его будет знать весь мир!

Александр Николаевич твёрдо решил воспользоваться моментом и сразу же проникнуть на Объект 1. Вот только как скрыться от глаз десантников? Солдаты вряд ли пустят его.

"Будем играть на авторитете",-- решил он.

Насколько понимал Белоусов, всё складывалось удачно. Как и предполагалось, каргонцев не было. Учёный уже видел "сооружения". До них оставалось всего около сотни метров. Перемещаться было трудно, но он, поглядывая на десантников, научился передвигаться.

Квадратные "постройки" вблизи казались более похожими на насыпи. Фонарик выхватывал лишь небольшую площадь и мало что позволял разглядеть.

"Первым делом стоит поставить освещение",-- подумал Белоусов. Он уже представлял планировку лагеря.

-- Осторожно! Ничего здесь не трогайте!-- прокричал по связи Белоусов, заметив, что десантник что-то рассматривает.

В один прыжок учёный оказался около него. Здесь располагалось круглое отверстие диаметром примерно в метр.

-- Это какая-то дыра,-- сказал солдат.

-- Это не дыра!-- возразил Александр Николаевич, опустился на колени и посветил фонариком.-- Это чудо...

Бесконечный туннель уходил вдаль. Свет терялся на его просторах. Белоусов осмотрел поверхность. Она была покрыта слоем мелкой пыли. Он дотронулся рукой, и она посыпалась.

-- Простите, мы не можем вас пустить туда,-- раздался голос десантника.

-- Это важный археологический объект. Я должен всё обследовать. Вы же проверили его?

-- Да, взрывчатых веществ не обнаружено.

-- Тогда я займусь своей прямой работой,-- сказал учёный.

-- Не имею права....

В этот момент Белоусов почувствовал, что земля из-под ног

куда-то ушла. Мир перевернулся. Что-то промелькнуло перед глазами. Он почувствовал, что падает! Кто-то крепко схватил его за руку. Учёный дёрнулся, пытаясь освободиться, но в следующее мгновение понял, что его держит всё тот десантник, а он весит над пропастью!

-- Держитесь за мою руку!-- крикнул солдат.

Белоусов дотянулся и ухватился за своего спасителя. Десантник довольно легко вытащил его. Сейчас человек в скафандре весил не более сорока килограмм. Очутившись на твёрдой поверхности, Белоусов сразу же услышал ругань спасителя, но не стал отвечать: учёный находился в шоке. Всё случилось настолько быстро и неожиданно!

Александр Николаевич начал понемногу успокаиваться, но так и не поблагодарил десантника.

"Как же я мог упустить?! Ведь старинные перекрытия уже потеряли свою прочность".

-- Я же говорил, что нельзя соваться без разрешения!-- донёсся голос комвзвода в наушнике. Белоусов поморщился, словно от зубной боли, но ответил:

-- Господин Женин, давайте сразу определимся: я выполняю свою работу, а вы -- свою.

-- Я не против, но если бы за вас не отвечал, а поэтому попрошу больше в авантюры не влезать! Вы понимаете, что сейчас ставите всю операцию под угрозу?

Гордость Белоусова была ущемлена: какая ещё угроза?! Это археологический объект. Да кто он такой, чтобы распоряжаться одним из лучших археологов Земли?! Всего лишь заштатный солдафон, который чаще работает руками, нежели головой!

-- Послушайте. Я здесь главный. У меня приказ от Совета Лиги Наций. Вам понятно?

Видимо, Женин хотел что-то ответить, потому что связь донесла вдох, но в разговор включился начальник СБ.

-- Что там происходит?-- спросил Лунько.

-- Этот...-- с раздражением начал Женин, и, видимо, хотел что-то ещё добавить.-- Александр Николаевич решил проверить один из туннелей, которые мы нашли. Конструкция не выдержала...

"Один из?!"-- мысленно воскликнул Белоусов.-- "Так их несколько!"

Всё, теперь он даже не слышал, что ему говорит Лунько. Плевать он хотел на них всех вместе с капитаном. У него есть дело! Его миссия самое важное, что есть сейчас. Адмирал выдал ему карт-бланш на любые действия и предупредил Фаррела об этом!

"Хотят обеспечить безопасность?! Пожалуйста, это их работа, но только не за счёт моих исследований".

Пока Женин отвлёкся, учёный легко отколол небольшой кусок материала явно искусственного происхождения, похожий на коррозийный металл.

"По крайней мере, собрать образцы грунта они мне позволят. Это точно",-- думал он, пряча находку в карман.

* * *

Следует отметить, что искин "Звёздного Ястреба" являлся довольно молодым, а, следовательно, если говорить человеческим языком, любопытным. В этом крылась причина его вопросов. Жажда знаний закладывалось в программу, поэтому инженеры, работающие с искусственными интеллектами, должны были знать не только области высоких технологий, но и логику, диалектику, метафизику и так далее. Из всего этого складывался "характер" машины, если угодно, её душа. Хотя я, признаться, всегда был сторонником того, что машины не обладают разумом, а лишь удачно его имитируют. Так это или нет, но в любом случае я для Ястреба являлся неоспоримым авторитетом, и не потому, что я знал больше его, вовсе нет, скорее наоборот, а потому, что так записано в его программе: инженер -- царь и бог в одном флаконе. И это не подвергается сомнению.

Вот и некоторые обстоятельства вызвали у Ястреба очередной приступ интереса.

-- Насколько я знаю, человечество ещё никогда не обнаруживало такие старые системы.

-- У тебя имеется каталог?

-- Да. Они устанавливаются вместе с базой данных.

-- Да, я в курсе. Просто хотел спросить. Какая версия?

-- От 22 мая 2276 года.

-- Устаревшая. Месяц назад выпустили новую. Когда вернёмся, обновим. Вообще ещё много в чём мне разобраться нужно. Работы, как будто на первый взгляд и нет, но...

-- Помнится, когда Селя настраивал меня...

-- Кто?-- не понял я.

-- Сильвестр Михайлович Арашин...-- Ястреб произнёс это с особой теплотой.

-- Да-да, я знаю, с ним ты провёл первые восемь лет,-- ответил я.-- Большая потеря...

Кажется, мой предшественник поработал и над эмоблоком. Теперь я был абсолютно уверен: он пытался сделать воспитанника более человечным. За всё время полёта мы с Ястребом не касались этой темы и не говорили о гибели инженера Арашина. Мне сказали, что его жизнь прервала трагическая случайность:

один из тросов в грузовом отсеке лопнул из-за неконтролируемого скачка гравитации. Она в одно мгновение возросла в два раза! Такого рода неисправности редкость на космических кораблях, но всё, к сожалению, когда-нибудь случается.

-- Насколько сильно был изменён твой блок индивидуальности?-- спросил я.

Экран вспыхнул рядами атрибутов и значений. Отчёты показывали, что были добавлены несколько программных компонент. Очевидно, они разрабатывались Арашиным. Интересно будет покопаться в коде.

-- Какими проектами занимался Сильвестр Михайлович?

-- Под наивысшим приоритетом шла доработка блока индивидуальности, затем система мониторинга на корабле.

-- А что конкретно по системе мониторинга выполнялось?-- удивился я. Что можно придумать нового в этой области? Мне казалось, что здесь ничего оригинального сделать уже нельзя.

-- Сильвестр Михайлович хотел проводить не только стандартные процедуры мониторинга, но и замерять психологический фон в экипаже.

-- Для этого он проводил усовершенствования?

-- Он мне не говорил,-- ответил Ястреб.

-- То есть? Он не сказал о цели модернизации эмоблока?

-- Нет.

"Странно как-то. Он же должен как-то объяснить свои действия Ястребу",-- мне, во всяком случае, казалось, что так следует поступать, чтобы компьютер "понимал" значение тех или иных изменений -- это одна из форм обучения юного интеллекта.-- "Наверное, он был слишком занят, чтобы объяснять".

Идея покойного Сильвестра Михайловича заинтересовала меня. Я запросил все видеофайлы, связанные с соответствующими работами. Их оказалось всего три.

-- Ястреб, ты имеешь доступ к просмотру этих файлов?

-- Нет. Данные доступны только для людей,-- ответил он и добавил.-- Дискриминация.

-- Ну, билль о правах компьютеров ещё никто не принимал,-- ответил я, глядя на даты создания файлов. Первая запись была сделана год назад, а последняя всего за несколько дней до гибели Арашина.-- Почему ты считаешь это дискриминацией?

-- Мне интересно.

-- Что значит "интересно"?

-- Значит, что мне хотелось бы знать, почему Селя усовершенствовал меня.

"Масло маслинное",-- подумал я и изменил приоритеты интереса к данной области. Всё это заняло не больше минуты.

-- А сейчас?

-- Что?

-- Тебе интересен этот вопрос?

-- Как и раньше. Юра, проверь свои процессы. Они явно сбоят. Почему это мне вдруг должно стать не интересно?

Хорошо, что никто не сфотографировал меня в этот момент. Наверное, это был бы кадр года. Представляю себя с отвисшей до пола челюстью.

-- Вы скушали солёный огурец с молоком?-- ехидно спросил Ястреб.

-- Нет,-- ответил я, лихорадочно соображая, как искин обошёл блоки приоритетов. Это же одна из фундаментальных настроек системы! Только сейчас я понял, насколько мой предшественник сильно изменил Ястреба: компьютер не подчинялся базовым установкам!

-- Странно. У вас повысилась температура тела. Подхватили вирус? Могу посоветовать отличный антивирус.

-- Чтоб тебя замыкание взяло.

-- Зачем?

-- Просто из вредности,-- не подумав, сказал я, но потом исправился.-- Нервничаю.

-- Причина?

-- Мне тоже интересна причина твоей модификации,-- я попытался вернуться к вопросу.-- Попробуем разобраться вместе?

-- Идёт. Шестьдесят процентов прибыли мне, остальное вам.

-- Какой ещё прибыли?-- опешил я.

-- Селя всегда говорил, что за каждой тайной скрывается приз. А в моей базе данных содержится много фильмов. Люди так поступают: делят, что нашли.

-- А ты жадный!

-- Так Селя был неправ?

-- Прав. Но вряд ли здесь пахнет кладом материальным. Если только интеллектуальным, а он не делится и является достоянием общественности,-- ответил я, копируя видеофайлы на инфокристалл. Хотелось просмотреть их в спокойной обстановке. Ястреб молчал, и я спросил.-- Верно говорю?

-- Да, верно. В законодательстве так и написано,-- ответил Ястреб. Кажется, с грустью в голосе, готов поклясться хоть на коричневой книге (да простят меня провайдеры за святотатство!).

-- Да и зачем тебе вещи? Я и так тебе любой блок доставлю бесплатно.

Наш разговор прервал вызов по коммуникатору. "Сергей

Андреевич Ренор, руководитель Научной Группы" высветилось на экране.

"Интересно, что ему нужно?"-- подумал я и нажал кнопку:

-- Да?

-- Юра, здравствуй,-- сказал учёный.-- Нужна твоя помощь.

-- Конечно, сейчас приду. А в чём проблема?

-- Пытаемся понять, насколько адекватно работает анализатор. Я в лаборатории. Зайди, пожалуйста.

-- Хорошо, ждите.

Я выключил коммуникатор и сказал Ястребу:

-- Вызывают. Видимо, что-то у них не сходится. Анализатор выдавал ошибки?

-- Нет, мне сообщений не поступало. Нужно проверить соединение. Анализатор на запросы не отвечает.

-- Ага, хорошо. Тогда проверим ручками.

Я, не мешкая, направился к Ренору. Идти было недалеко: лаборатория располагалась на том же втором уровне, где я работал, всего в пятидесяти метрах. Учёного я заметил сразу же. Больше в просторном помещении никого не было. Сергей Андреевич склонился над монитором, внимательно изучая показания. Видимо, он услышал мои шаги и повернулся к двери:

-- А, молодой человек, быстро вы. Где мои годы...

-- Вы ещё молоды,-- решил ответить я. По-моему, в такой форме грех жаловаться. Ренор мне ещё фору даст!

-- Спасибо-спасибо... Пока остальные отдыхают, я решил провести несколько тестов. И вот в чём проблема... а возможно даже и нет её вовсе. Анализатор даёт противоречивые данные.

-- Он подключён к системе или работает автономно?

-- Автономно.

Я решил, чтобы не поверять вручную, подключить аппаратуру, и попросить Ястреба протестировать микроконтроллеры. Пока шло подключение, я спросил у Сергея Андреевича:

-- А что в анализаторе?

-- Образцы материала конструкции и грунта.

-- С планеты?-- удивился я.

-- Ну да,-- видимо именно моя реакция вызвала улыбку у Ренора.

-- Я впервые в дальнем космосе. Не привык ещё,-- поспешил я реабилитироваться.

-- К такому сложно привыкнуть.

-- Что выдаёт анализатор?

-- Да в том то и дело, что ничего толкового. Время разнится на миллиарды лет. Вот я и подумал: или это шутка Вселенной,

или сбой в работе анализатора.

Я отвлёкся от работы и посмотрел на экран. При обработке образцов грунта использовался изотопный метод, который аналогичен радиоуглеродному анализу, но использует для определения возраста не углерод, а частицы солнечного ветра. Благодаря этому методу можно было установить время, когда произошла трагедия с довольно высокой точностью. Проведенные измерения говорили, что система умерла примерно пятьсот миллионов лет назад.

Если с грунтом всё было довольно просто, то с материалом вышло несколько иначе: анализатор выдавал, что не может выявить структуру, а датировка при каждом новом опыте прыгала от двух до десяти миллиардов лет. Вот уж не думал, что бывает такая точность!

-- Калибровка проводилась?-- в недоумении спросил я.

-- Да, конечно. Это обязательная процедура,-- ответил учёный.

-- Ладно, проверим... Ястреб, давай прогони стандартные тесты.

Дальше пошла монотонная работа. Искин заверил, что прибор работает нормально. Сообщение об отсутствии структуры его тоже повергло в смятение, поэтому он ответил просто:

-- В инструкции написано, что причиной тому может служить отсутствие материала в контейнере...

-- Ты же видишь, что материал на месте.

-- Да, мои сенсоры подтверждают это.

Если честно, на месте Ренора я бы стал сомневаться в своей адекватности. Наверное, он так и подумал, потому и позвал меня.

-- Всё тесты показывают, что микроконтроллеры анализатора работают правильно,-- сказал Ястреб. Это означало, что приборы показывают верный результат, что в свою очередь... Дальше я ничего не смог придумать, в чём честно признался Сергею Андреевичу.

-- Чувствую, эта планета нам преподнесёт массу сюрпризов,-- сказал Ренор, и я не мог с ним не согласиться.

* * *

Обустройство лагеря началось на следующий день по корабельному времени. Работы усложнялись отсутствием воздуха и естественного света. Первым делом следовало установить купола для лабораторий и создать в них искусственную атмосферу. Возить артефакты на орбиту ради изучения являлось лишней тратой времени и ресурсов.

К вечеру, когда первые приготовления были закончены, Белоусов, Радненко и ещё шесть человек из группы археологов стояли у входа в древние катакомбы. Конечно, многие рвались

сходу "пойти на штурм", но руководитель сдерживал порывы инициативы.

Часом раньше был проверен провал, который образовался в результате первой высадки. Оказалось, что он имел в поперечнике квадратную форму и оказался неглубоким. Если бы десантник не ухватил Белоусова, то тот вполне мог приземлиться удачно. По всей видимости, учёный пробил своим весом "пробку".

-- Кажется, это тоже какая-то труба,-- сказал Радненко, указывая вдаль шахты,-- посмотрите, как она удачно переходит в другую. Только засыпана. Всё-таки мне кажется, что это вентиляция.

Действительно, если присмотреться, можно было заметить плавный переход от одного участка к другому.

-- Что у нас со сканированием?-- спросил Белоусов.

-- Плохо, пробиваемся через слои породы с трудом. Такое ощущение, словно что-то мешает,-- ответили наблюдатели в лагере.

-- Хоть что-то видно?

-- Кажется, на глубине сорока метров полость.

-- Кажется или точно?

-- Трудно сказать, Александр Николаевич. Придётся идти вслепую.

-- Давайте двигаться дальше,-- сказал Белоусов, обращаясь к стоящим рядом коллегам.-- Не торопиться. Будем продвигаться на антиграве парами. Сначала пойдём мы с Радненко. Не стоит лесть сразу всем,-- он говорил так, словно пред ним стояли практиканты. Впрочем, археологи уже давно работали с Александром Николаевичем и знали о его высоком самомнении и крутом нраве. Впрочем, многим хотелось попасть вовнутрь "строений" первыми, но правила есть правила: пока неизвестна опасность, не следует идти всем.

Белоусов включил антиграв на 0,3g и стал невесомым. Он медленно вплыл в дыру и с небольшой скоростью стал продвигаться по туннелю. Покрытые древней пылью стены он пытался не задеть, боясь вызвать обвал конструкции. Помощник следовал за ним.

-- Картинка хорошая?-- спросил у наблюдателей Белоусов. Камера, закреплённая на скафандре, передавала всё, что он видел.

-- Да, отличная. И слышно вас хорошо.

Белоусов продолжал медленно продвигаться вглубь туннеля и вскоре наткнулся на глухую стену. "Неужели тупик?!"-- промелькнуло в голове. Он внимательно пригляделся. Один из углов оказался чуть скруглённым. Судя по направлению, туннель

должен идти вниз.

Белоусов дотронулся до "пола" и начал работать руками, пытаясь понять, насколько прочна новая пробка. Поднявшаяся пыль заполнила всё пространство. Наконец, он наткнулся на твёрдую поверхность.

"Не там ищу",-- подумал он и направил свои усилия поближе к стене. Наконец, под давлением "пол" чуть проступил. Пробка пошла вниз, сначала медленно, а затем всё быстрее и быстрее. Вездесущая пыль не позволяла что-либо разглядеть: сканеры были слишком громоздким для скафандра, а фонари не пробивали сквозь дымку, а тонкая плёнка то и дело покрывала стекло. Можно было, конечно, подождать, но ждать Белоусов не захотел, поэтому на свой страх и риск стал спускаться -- ему уже не терпелось увидеть, куда ведёт этот путь. Радненко попытался остановить его, уговаривая подождать, пока не осядет пыль, но бесполезно. Александр Николаевич уже спускался вниз. Помощник последовал за ним на расстоянии нескольких метров.

Спуск продолжался достаточно долго. Археолог двигался медленно и осторожно, запрашивая лагерь о качестве картинки и связи. Ему отвечали, что камера работает нормально, вот только ничего толкового запечатлеть не может.

Наконец, Белоусов наткнулся на преграду. Он повернул голову налево и замер: лучи света уходили вдаль и не нащупывали конца.

-- Это выход!-- прокричал археолог.-- Я нашёл.

Он оттолкнулся от стены и вплыл в пустоту. В наушниках постоянно слышался галдёж, сыпались вопросы. Разобрать что-либо не удавалось, поэтому он попросил всех замолчать. В одно мгновение стало тихо. Белоусов висел в безвоздушном пространстве, и только трос указывал дорогу назад. Он почувствовал себя маленькой мошкой в большой комнате, и отчего стало не по себе. Внутри возникло чувство паники и потерянности, но он сумел подавить паническое желание ухватиться за трос.

-- Лагерь,-- сказал он,-- сюда нужно будет установить сканеры и освещение. Боюсь, сейчас я ничего не смогу сделать.

-- Если удастся доставить туда оборудование, было бы замечательно,-- ответили ему.

-- Думаю, у нас получится. Туннель достаточно широк.

-- Троса хватит ещё метров на тридцать,-- послышался голос Радненко.

-- Ты меня видишь?

-- Да, хорошо вижу, вы в метрах десяти от меня.

-- Хорошо, попробуем спуститься.

Белоусов хотел повернуться, но понял, что не может. Ему не за что было зацепиться.

-- Гена, притяни меня.

-- Можно сделать проще: поставьте антиграв по 0,25.

-- Точно, как же я сразу не догадался.

Вскоре археолог стал с небольшим ускорением "падать вниз": сначала он, как шарик маятника, спускался по окружности, а затем вдоль стены. Её поверхность была покрыта всё той же пылью. Наконец, трос закончился, и он повис.

-- Знаете,-- сказал учёный.-- Странный это "короб". На дом, во всяком случае, точно не похож. В доме должны быть хотя бы окна, этажи, хоть что-то, а здесь, насколько я вижу, этого нет: один большой короб. Заметили?

-- Да,-- сквозь треск донёсся голос диспетчера.-- Вас плохо слышно. Картинка тоже с помехами.

-- Вас тоже,-- ответил Александр Николаевич и провёл рукой по поверхности.

Когда пыль рассеялась, он увидел гладкую поверхность. Отскрести что-либо пальцем не удалось. Археолог решил не рисковать (мало ли что может случиться, повреди он конструкцию), поэтому сказал:

-- Радненко, поднимай меня. Продолжим работу завтра...

Вы когда-нибудь занимались психологией? Поверьте, увлекательнейшее занятие. Тайна человеческой души всегда влекла меня, ведь находясь наедине с самим собой, человек так и не научился по-настоящему понимать себя. Трюизм? Возможно, банально. Спросите, почему я тогда не пошёл на психолога? Отвечу: не знаю, наверное, не достаточно сильно хотел, но уверен, моё увлечение отразилось на будущей профессии. Ведь искусственный интеллект тоже своего рода "душа". Может быть, и создавал человек его потому, что хотел понять себя, кроме вполне шкурных технических интересов. Некоторые говорят, что мы создали новый разум. Не могу согласиться. Некоторые религиозные деятели (самые консервативные) обвиняют нас, инженеров, в уподоблении Богу. Разумеется, мы не Боги и, наверное, даже не лучшие Его дети, но мы творим и в этом подобны. Становление искина похоже на становление человеческой личности: каждый из них не похож на собрата. Поначалу они даже не выделяют себя, а затем появляются индивидуальные черты, "характер", но я уверен: это лишь внешнее сходство. На чём основана моя уверенность? Есть некоторые соображения, но, по большому счёту, ни на чём. То же самое я могу сказать и об оппонентах, ведь мы не знаем метафизику разума...

Сегодня "на досуге" я пытался заглянуть в тайны "души" Ястреба. Именно пытался, потому что модуль индивидуальности оказался заблокирован. Итак, первая попытка увенчалась провалом. Что ж, я вполне понимаю своего коллегу. Кому хочется, чтобы его детище было доступно каждому? Ведь не зря появились повторно используемые блоки кода, скрывающие реализацию алгоритма. Но сдаваться я не собирался. Три видеозаписи ещё не просмотрены, и с ними следовало ознакомиться.

Я с блаженным видом разлёгся на кровати и вставил инфокристалл в приёмник. С экрана на меня посмотрел человек лет тридцати. Пожалуй, самым ярким, что мне запомнилось, был сверкающий лысиной череп. Неудачное освещение, но это не столь важно. Я нажал на воспроизведение.

-- Запись первая. 20 сентября 2277 года. Сегодня я начинаю своё познавательное турне по мирам неизведанного,-- начал Арашин. Что и говорить, он действительно был необычным человеком: такой блеск в глазах!-- Целью моего эксперимента станет ответ на вопрос: что есть искусственный интеллект: машина или живое существо?

Я рывком оказался у экрана.

-- Для ответа на этот вопрос мы должны дать определение: что значит быть живым и что значит быть машиной? Увы, определения до сих пор нет. Единственный различительный признак, как мы считаем, -- это способность чувствовать, но что значит чувствовать? Можно сказать, что любой сенсор "чувствует", но разве это делает его живым? Все мы знаем, что чувствовать -- это не просто собирать информацию, но в чём особенность сказать не можем. Для этого нам элементарно не хватает слов и понятий. Но что же... нет выхода?-- он ненадолго замолчал, напряжённо глядя в экран.-- Мы ещё не заглянули вглубь предмета и можем обходиться только внешними проявлениями. Суть в том, чтобы понять что "чувствует" машина и как она это воспринимает. Да, мы имеем значение атрибутов, цифры, но нам не подходит, поскольку условно и человеческие эмоции можно выразить в цифрах, но будет ли это верной дорогой?-- он снова замолчал, что-то обдумывая, а затем продолжил.-- Это можно назвать "мозгами в банке"...-- я скривился от такого сравнения. Теперь понятно откуда у Ястреба такое своеобразное чувство юмора,-- но, разумеется, никто не будет заниматься трепанацией. Поступим более гибко. Это будет попытка очеловечить машину. Мы уже дали машине интеллект, то есть способность самостоятельно ставить перед собой цели, решать их. Что мне для этого нужно? Основательно переработать блок индивидуальности, чем я и займусь".

Запись закончилась на самом интересном месте. Теперь стала ясна цель работ Арашина, но не менее важны и подробности: что и как именно он хотел сделать! Ведь одних намерений недостаточно. Как узнать, в правильном ли направлении он двигался?

Неожиданный звонок оторвал меня от размышлений. Кто бы это мог быть?

-- Ястреб, выведи на экран.

На мониторе появилось лицо Димы, и я воскликнул:

-- О, привет! Не ожидал тебя увидеть! Ты что, уже вернулся?

-- Да, вот только что. Выдалась свободная минутка, и тебе звоню. Случилось что? Выглядишь весьма...

-- Задумчивым?..

-- Нет, скорее, пришибленным? Системный блок на голову свалился?

-- Примерно так,-- усмехнулся я,-- задачка-нерешучка у меня объявилась. Вот сижу, разбираюсь. Заглядывай, побалакаем.

-- Айн момент, сейчас буду.

Он ушёл со связи, а я вернулся к своим размышлениям. Да, Дима меня немного сбил, но ничего. Должно сказать, Сильвестр поразил меня. Он замахнулся на одну из фундаментальных тайн философии, на тайну жизни и разума. Насколько я знаю, подобные эксперименты уже проводились, но вот результат мне был неизвестен.

Посмотреть вторую запись я так и не успел, поскольку в дверь ворвался Димка. Выглядел он весьма взволнованным. Из-за своих размышлений я заметил это только сейчас.

-- Ты так выглядишь, словно вы отыскали гигантского бульторога или бабочку размером со звездолёт,-- отметил я.

-- Нет, пока лишь коробочку для бабочки. Сейчас ставят оборудование. Завтра начнём осматривать.

-- А что ты здесь делаешь?-- удивился я.

-- Передал письмо.

-- Не знал, что военные ими ещё пользуются,-- усмехнулся я.-- Не проще ли было поговорить по коммуникатору?

-- Не знаю. Видимо, это мера предосторожности.

-- А от кого и кому письмо?

-- От Радненко для Лунько.

-- Болтун -- находка для шпиона,-- сказал я.

-- Брось, это не секретно. Меня видели десятки людей. Вот если бы я прочитал и тебе содержание изложил, то...

-- Не продолжай... Когда на планету? Наверное, на следующим же челноке?

-- Да, через час. Так чем занят?

Я коротко изложил суть проблемы. Выслушав, Дима почесал затылок и сказал:

-- А не слишком ли круто для одного человека? Мне кажется, такие эксперименты в одиночку не проводят.

-- А ведь и правда,-- согласился я,-- это всё равно что одному прокладывать туннель.

-- Тогда в чём дело? Наверняка, он даже и не успел начать за этот год.

-- Не совсем так. Он мог использовать уже имеющиеся наработки в этой области. Чтобы ответить на этот вопрос, мне необходимо знать, как именно он хотел выполнить задуманное, но у меня нет материалов. Впрочем, надеюсь, что пока. Вероятно, соурс-аудит что-то скажет мне...

-- Что это?

-- Записи об изменении кода,-- объяснил я.

-- Уволь меня от этих жутких вещей,-- сморщился друг.-- В следующий раз говори по-человечески и не ругайся так...

Откуда-то донёсся мощный хлопок. Корабль существенно тряхнуло.

-- Нападение?!-- от неожиданности прокричал я.

-- Не знаю!

Дима вылетел в коридор, а я за ним. Дыма не было, сирена общей тревоги молчала. Не похоже на атаку.

-- Ястреб, что происходит?-- спросил я.

-- Взрыв на третьей палубе.

Как только Дима услышал ответ, сразу кинулся к лестнице. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Друг поднялся вверх с завидной быстротой. Вот здесь уже пахло гарью, собирались десантники. Один из складов был раскурочен взрывом. Надеюсь, никто не погиб!

Двое бойцов стояли у почерневшего отверстия, всматриваясь в черноту провала. Затем другая пара нырнула туда, за ними последовала ещё одна.

-- Так, дальше нельзя,-- остановил меня Дима.-- Здесь может быть ещё одна бомба.

Я лишь сделал шаг назад, скорее, от неожиданности.

-- Ястреб, кто-нибудь находился в помещении?-- снова поинтересовался я.

-- Датчики не фиксировали ничьего присутствия.

-- Все посторонние, вон с палубы!-- прокричал, судя по нашивкам, взводный.

-- Судя по данным компьютера, на складе никого не было,-- сказал я, пытаясь быть полезным.

-- Спасибо, инженер, мы знаем. Освободите палубу,-- затем он

повернулся к Дмитрию.-- Через полчаса прибудет челнок. Вас уже ждут.

Вот так быстро, можно сказать, по-хозяйски, нас отослали по своим местам. А мне так хотелось помочь... Обидно, что ещё сказать.

* * *

Капитан Фаррел был шокирован, услышав новость: на его корабле проведена террористическая акция! Кто бы мог подумать?! Лунько тоже находился радом. В глазах начальника Службы Безопасности горели огни злости. Они и старпом Николай Надеев расположились в зале для брифингов.

-- Думаю, это ДОЗ. Очевидно, их эмиссар как-то проник на корабль,-- сказал Лунько.

-- "Движение освобождения Земли",-- фыркнул Фаррел.-- Тёмные люди. Ещё их мне здесь не хватало для полного спектра проблем. Но ты прав, Толя, это вряд ли кто-то из наших. Иначе обнаружили бы раньше.

-- Да, скорее всего из учёных. Это может быть кто угодно. Просмотр записи камер наблюдения займёт некоторое время...

-- Анализ взрывчатого вещества проводится?

-- Да, этим занимается Ренор. Сказал, что результат будет через полчаса.

-- Нужно поговорить с Белоусовым.

-- Вряд ли у него будет досье на сотрудников,-- скептически сказал Лунько,-- но с чего-то начать стоит.

-- Что мы потеряли в результате взрыва?

-- Привезённое учёными оборудование,-- ответил старпом, глядя на монитор терминала.-- К сожалению, почти всё, что не успели отправить, уничтожено.

-- Да, Белоусов будет очень недоволен,-- протянул капита,-- но другого варианта нет.

Фаррел попытался связаться с руководителем экспедиции. Ответил ему дежурный. Учёный пребывал где-то на раскопках и не хотел отвечать на вызовы.

-- Может, оно и к счастью,-- отметил Лунько.-- У нас будет время, чтобы выяснить все детали.

Раздался звук наручного коммуникатора Фаррела. Вызывал Ренор.

-- Сергей Андреевич?

-- Да. Я уже закончил анализ взрывчатого вещества. По всем показателям это канзон.

-- Спасибо,-- ответил капитан и выключил связь.

-- Такое кустарным способом не производится,-- отметил Лунько, который прекрасно слышал слова руководителя Научной

Группы.

-- Как оно могло попасть на борт?

-- Сканеры показывают лишь состав груза. Мы можем просмотреть отчёты и выявить элементы по косвенным признакам. Но элементы этого вещества весьма распространённые, поэтому толку будет маловато

-- А детонаторы? Их тоже необходимо было провести. Неужели наша система столь ненадёжна.

-- Или люди,-- вставил старпом.-- Никогда нельзя сбрасывать со счетов человеческий фактор.

-- Я понял,-- попытался закончить разговор Лунько,-- проверка предстоит серьёзная. Пойду, займусь делами.

Капитан не стал его задерживать. За начальником СБ последовал и старпом. Фаррел остался один. Его одолевали тяжёлые размышления. Ему случалось отражать атаку каргонцев, а в юности приходилось драться с пиратами, но никогда ещё линия фронта не протекала между ним и сослуживцами, ведь сейчас в сообщниках может быть любой из его экипажа, среди тех, кому он безоговорочно доверял. Что ж, всё когда-нибудь случается впервые...

Звонок коммуникатора отвлёк его.

-- Фаррел слушает.

-- Это Белоусов,-- донесся голос.-- Мне передали, что вы хотели связаться.

Капитан сообщил о происшествии. На другом конце слышалось лишь молчание, хотя Джек уже был готов к бурному проявлению эмоций.

-- ...Пока ещё не установлено, кто мог устроить взрыв.

-- А примерно?-- наконец, сказал учёный.

-- Скорее всего, кто-то из вашей группы,-- с неохотой сказал Джек, догадываясь о реакции учёного, но предупредить он должен обязательно.-- Кто подбирал сотрудников?

-- Частично я, а часть пришла "сверху". Все люди довольно известные. Не думаете же вы, что они не проверялись?

-- Надеюсь, что так, но всё равно вам следует быть предельно осторожным в дальнейшем.

-- Капитан, я знаю, что делаю,-- донёсся голос Александра Николаевича.-- Мне и так ваши десантники не дают вылететь за зону, просканировать другую часть планеты. Что вы хотите, чтобы я закрылся в своей каюте и не вылезал? Так что я скажу коллегам? Что я испугался и не выполнил свою работу?

-- Главное, чтобы вы понимали сложность сложившейся ситуации и не совершали опрометчивых поступков. Остальное предоставьте нам.

-- С удовольствием, господин Фаррел. Я отлично понимаю ситуацию, а теперь разрешите откланяться и продолжить работу. До свидания.

Связь отключилась, а Фаррел схватился за голову: за что такое наказание?!

* * *

Просмотр видеозаписей и анализ архивов дали свои результаты. Уже к вечеру Лунько имел список людей, которые вполне могли пронести взрывчатое вещество. С этим докладом он вошёл в каюту капитана.

-- И кто это может быть?-- спросил Фаррел.

-- Всего восемь человек из учёных. Анализ их грузов давал спектр, сходный с взрывчатым веществом, но автомат не признал в них канзон. Всё это данные, которые мало, что дают.

-- Что с записями?

-- Из этих восьми человек только Радненко заходил на склад перед высадкой на планету.

-- Подозреваешь его?

-- Нет, это может быть простым совпадением.

-- Пойдём на крайние меры,-- решился капитан.-- Придётся устроить обыск в его каюте. Зови ребят.

Капитан решительно встал и направился в сторону каюты помощника руководителя экспедиции. Лунько тем временем связывался с взводным Ефремовым. Через минуту все они в сопровождении четырёх солдат стояли у каюты. Комнаты считались индивидуальной территорией каждого члена экипажа, поэтому не подвергались постоянному мониторингу. Исключением мог служить только приказ капитана.

-- Ястреб, открой дверь, включи свет!-- скомандовал Фаррел.

Дверь послушно вошла в стену. Двое бойцов ворвались в помещение. Перед взором открылась вполне обычная обстановка: заправленная кровать, аккуратно разложенные вещи.

-- Радненко весьма педантичен,-- отметил капитан.

Действительно, всё здесь выдавало хорошего хозяина. Фаррел отошёл чуть в сторону, позволяя десантникам и Лунько приступить к работе, и посмотрел на стол. Здесь тоже был идеальный порядок, который под действием бойцов постепенно превращался в хаос.

Первые результаты не заставили себя долго ждать. Вскоре Лунько представил найденный коммуникатор модели "Сименс ЛС-12".

-- Что вы на это скажите, Фаррел?-- спросил он.

-- Это можно принять как косвенное доказательство,-- согласил капитан, рассматривая прибор,-- но этого мало.

-- Для чего может потребоваться коммуникатор, кроме как не для установления связи с заговорщиком на корабле?.. Кто будет брать с собой такое дорогое оборудование, зная, что ему выдадут собственный коммуникатор?

-- Я всё понимаю,-- остудил пыл Джек.-- Я не хочу делать поспешных выводов. Если что ещё найдётся, сообщите мне.

Капитан направился на мостик. Его ждали неотложные дела, но уже через полчаса нашлось не косвенное, а прямое подтверждение причастности помощника Белоусова: детонатор! Он находился в прекрасном состоянии, вот только раскрашен он был под батарею да и форма подходила, но знающий глаз всё равно определил разницу.

Лунько доложил о находке и, воодушевлённый, поднялся к капитану на мостик.

-- Судя по конструкции, это типичный электрозапал,-- пояснил Лунько, протягивая детонатор.

-- Кажется, не фабричный, да?-- рассматривая новую находку, спросил капитан.

-- Да, кустарного производства. Есть некоторые помарки, но, в целом, выполнен на высоком уровне.

-- И раскрашен так странно... Хорошо, попробуем вызвать

Радненко на корабль для срочного разговора.

-- Боюсь, он может почувствовать, что раскрыт.

-- Главное, чтобы ничего не сумел сделать. Нужно что-нибудь придумать,-- сказал капитан и тут же воскликнул.-- Оборудование! Нам нужен Радненко для проверки того, что осталось.

Фаррел попросил его соединить с Белоусовым. На этот раз археолог ответил сразу:

-- Господин Фаррел, от ваших звонков я уже не жду ничего хорошего,-- проворчал тот.-- Мы как раз собираемся начать спуск. Что случилось на этот раз?

-- Да, я знаю о ваших планах и не буду их расстраивать. Мне нужен ваш помощник. Он сейчас свободен?

-- Пока да, но я его собирался оставить на подстраховке,-- ответил Белоусов. У Фаррела чуть в душе чуть не оборвалось. Кто знает, что задумал этот террорист?!

-- Можете поставить кого-нибудь другого?-- как можно более спокойно спросил капитан.

-- Да, а в чём дело?

-- Александр Николаевич, ваше оборудование частично уничтожено. Нам нужен специалист, знакомый с ним.

-- Давайте я пришлю к вам кого-нибудь другого. Геннадий Алексеевич мне и самому нужен.

"Вот упёртый! Что же мне с тобой делать?!"-- мысленно воскликнул Джек, чувствуя, что сейчас придётся туго, а говорить о подозрениях не хотелось.

-- Кроме того,-- придумал Фаррел,-- либо вам, либо Радненко необходимо подписать документы, связанные с невосполнимой потерей имущества.

-- Это обязательно?-- уже сдаваясь, спросил археолог.

-- Увы, протокол обязывает. Поэтому на орбиту придётся подняться либо вам, либо вашему заместителю. Ведь он тоже в данном случае имеет право подписи.

-- Ну хорошо... пусть летит Радненко.

Фаррел безмолвно ликовал: сработало, а разве и могло быть иначе? Зная характер Белоусова, можно ответить, что нет. Археолог не мог даже минуту потратить на лишний разговор, не то, чтобы лететь на орбиту!

-- Хорошо, тогда высылаю челнок. До связи.

Капитан повернулся к Лунько:

-- Радненко наш!

-- Отлично, немедленно высылаю челнок...

* * *

Челнок, действительно, был снаряжён оперативно, и уже

спустя два часа понимался обратно на орбиту. Лунько объяснил ситуацию десантникам. Тем предписывалось не задерживать Радненко, а просто вернуться с ним на "Звёздный Ястреб". Только на борту корабля планировалось схватить террориста. Так было надёжнее и безопаснее. Лунько через каждые десять минут, связывался с бойцами, запрашивая отчёт. Те, отвечали условными словами, дабы не вызвать подозрения.

Капитан Фаррел находился в зале для брифингов, спешно оборудованный в допросную, и наблюдал приземление челнока через видеокамеры. Когда шлюз закрылся и наполнился воздухом, Лунько в сопровождении шести десантников подошёл к челноку. Только тогда открылась дверь, и опустился трап.

Радненко выходил первым и выглядел уверенным в себе и, только увидев вооружённых бойцов, посмотрел на них с удивлением. Он даже не успел опомниться: сзади его схватили десантники сопровождения, нацепив на руки наручники, а "встречающие" в одно мгновение оказались рядом и наставили на него автоматы.

-- Что происходит?!-- прокричал Радненко.

-- Вы арестованы, Геннадий Алексеевич.

-- Что за произвол?!-- выкрикнул террорист, но ему никто не ответил.

Лунько только махнул десантникам рукой: ведите его.

Капитан удовлетворённо кивнул. К счастью, никаких эксцессов. Задержание прошло гладко, что не всегда проходило при захвате террориста ДОЗ. На Земле члены этой иногда выпивали яд или подрывали себя. Впрочем, у Фаррела не было никаких конкретных данных, но подстраховка всегда была не лишней.

Пока арестованного вели, капитан прокрутил в голове некоторые вехи предстоящего разговора, пытаясь вспомнить основные черты характера мнимого учёного. Это было трудно, поскольку ничем особенным тот не выделялся и находился постоянно в тени руководителя -- идеальное прикрытие для внедрения.

Наконец, дверь открылась. Бойцы ввели Радненко и усадили на заранее приготовленный стул, зафиксировали руки наручниками и встали рядом. Лунько сел рядом с капитаном.

-- Итак, Геннадий Алексеевич,-- начал Фаррел,-- вы догадываетесь, по какому поводу мы здесь собрались?

-- Не понимаю. Что происходит?

-- Вы обвиняетесь в терроризме и антигосударственной деятельности в условиях военного времени. Вы знаете, чем это вам грозит?

-- Что за ерунда?!-- Радненко, действительно, выглядел так, словно увидел говорящих матрёшек.

"Хорошо играет",-- подумал Джек, но улики были слишком явными, чтобы верить.

-- У нас имеются неоспоримые доказательства, что недавний взрыв -- ваших рук дело.

-- Странно, что находясь на планете, я смог организовать взрыв,-- фыркнул арестованный.

На всеобщее удивление, Радненко довольно быстро взял себя в руки.

-- Сообщник, дистанционной управление, таймер -- всё это возможные варианты. В вашей каюте мы обнаружили вот этот интересный прибор,-- капитан положил на стол коммуникатор.-- Узнаёте?

-- Первый раз вижу.

-- Хорошо, а что скажете об этой записи...-- Фаррел попросил показать на проекторе запись, сделанную незадолго до высадки на Белую-2. На записи было отчётливо видно, как Радненко проходит между ящиками оборудования и внимательно что-то рассматривает. Это длилось недолго, затем террорист наклонился, на несколько секунд скрывшись от обзора, и снова появился, а затем быстрым шагом направился к выходу из склада.-- Закладывали устройство,-- прокомментировал капитан по окончании записи.-- А ещё при осмотре вашего багажа сканеры зафиксировали элементы, некоторые из которых составляют канзон. И более того,-- он выложил на стол ещё одно доказательство,-- детонатор. Достаточно для начала?

Радненко промолчал.

-- Вы неплохо поработали,-- добавил Фаррел,-- помощник руководителя экспедиции -- идеальное прикрытие, но в чём-то вы просчитались. Итак,-- подвёл он черту,-- кто ещё из экипажа или членов научной группы причастен к этому взрыву? Вы назовёте сообщников на "Непобедимом"?

-- Откуда я знаю?! Вы говорите полную ерунду! Мне это подкинули.

-- А запись?

-- Я просто проверял наше оборудование. Это теперь считается преступлением?

-- Однако доказательства, господин Радненко. Каюты экипажа не просматриваются, но палубы под наблюдением. За всё время к вам никто не входил, а, следовательно, подбросить коммуникатор и детонатор, никто не мог. Мы можем провести анализ отпечатков пальцев. Это обязательно?

-- Кажется, вы абсолютно уверены в своей правоте,-- с

сожалением произнёс Радненко.-- Я расскажу всё, но только нас должны оставить наедине.

Фаррел и Лунько переглянулись.

-- Это несложно,-- сказал капитан.

-- И отключите запись. Я не хочу, чтобы вели наблюдение.

-- А вот это уже лишнее,-- фыркнул начальник Службы Безопасности.

-- Бросьте. Я в наручниках, оружия у меня нет. У меня нет ни возможности, ни мотивов нападать на капитана. Уверен, вы меня отпустите после нашего диалога,-- сказал Радненко. Он выглядел очень уверенным, словно бы с него слетела маска.

"Риск -- благородное дело",-- вспомнил слова капитан.

-- Всё нормально, Анатолий. Оставьте нас и выключите видеонаблюдение.

-- Но...-- попытался возразить Лунько

-- У меня всё под контролем.

Начальник СБ с явной неохотой встал и вышел вместе с десантниками. Дверь захлопнулась, через несколько секунд Ястреб сообщил:

-- Видеонаблюдение снято, капитан.

-- Отлично, а теперь давайте приступим к диалогу.

-- Фаррел,-- сказал жёстко Радненко. Таким его ещё никто не видел,-- вы подставляете под угрозу безопасность корабля, гоняясь не за тем человеком. Выводы, сделанные поспешно, могут дорого обойтись и экипажу, и всей Лиги Наций. Вы это понимаете?..

Фаррел меньше всего ожидал услышать такие слова и, тем более, в таком тоне, словно бы его обвиняли в измене, но вида он не подал и внешне оставался спокойным. Дальнейшее удивило его ещё больше:

-- ...Я работаю на объединённые спецслужбы Лиги Наций. Моя задача: поиск внедрившегося террориста. На складе я как раз искал признаки его работы.

-- А коммуникатор?

-- Здесь вы правы, это связь с "Непобедимым". Можете позвонить и спросить. В адресной книге только один номер: номер капитана крейсера. Он оповещён на подобный случай.

-- А детонатор?

-- Детонатор я нашёл. Для учёных это просто какой-то странный прибор. Самое лучшее средство спрятать вещь: положить её на самое видное место, чуть видоизменив. Разумеется, камера не зафиксировала, что я положил этот детонатор в карман, а затем уже в своей каюте изучал его. И ещё одно: если бы были знакомы с детонаторами, то поняли бы, что

он управляется электромагнитным импульсом. Его я не мог послать с планеты. Вам нужно отследить аномальные электромагнитные колебания перед взрывом, и вы узнаете, откуда производилась активация взрывного устройства.

-- Я проверю ваши слова. И ещё одно: что у вас было в багаже, что наши датчики показали наличие элементов, которые входят в канзон...

-- Если вы про углеродные соединения, то думаю, такие можно найти у половины членов экипажа. Это вообще мало что значит.

Капитан кивнул: "Действительно, слишком уж "скользкое" доказательство".

-- Допустим, я вам верю,-- сказал Фаррел.-- Почему я не узнал обо всём этом раньше?

-- Члены экипажа выглядят врагами для террориста. Как вы сказали, помощник руководителя экспедиции -- идеальное место для внедрения. Я имею доступ почти ко всем важным местам корабля и нахожусь вне подозрений. Ваше участие может раскрыть меня, ведь предателем может оказаться любой.

-- Я доверяю своему экипажу. Мы многое прошли с ним. У нас только двое новеньких.

-- Проверьте их. Дмитрий Восков должен был доставить моё письмо для Лунько. Вам Анатолий ничего не говорил об этом письме?

-- Нет.

-- Спросите его. Если Дмитрий тот самый террорист и прочитал содержимое письма, то он вполне может запаниковать. Не мешало бы проверить и нового кибернетика. Если смерть Арашина не являлась случайностью, то он опасен вдвойне,-- Радненко замолчал, давая возможность Фаррелу подумать.-- И для этого вы гоняли челнок с поверхности и обратно? Непозволительная роскошь при ограниченных ресурсах.

-- Я знаю, что делаю. Я не мог рисковать. Миссия слишком важна для Лиги Наций, а террорист хотел сорвать исследовательские работы. Доказательства указывали на вас, а, следовательно, вы могли сорвать все работы. Вплоть до убийства Белоусова. Вы бы на моём месте поступили бы так же.

-- Да, скорее всего,-- кивнул Радненко.-- Но заметьте, у меня уже была возможность убить Белоусова, и не одна. Когда мы с ним спускались вглубь подземелий, я мог его бросить, а затем сослаться за отказ оборудования. Запись велась, да, но это только подтвердило бы мои слова. Поверьте, организовать такое несложно.

-- Складно выходит,-- отметил капитан.

Он включил коммуникатор. В адресной книге действительно был только один номер. Капитан хотел было нажать на вызов, но остановил себя. Кто сказал, что из-за звонка не детонирует какой-нибудь заряд?! Поскольку Радненко сказал о капитане "Непобедимого", можно было проверить и иным способом.

-- Ястреб, связь с Николаенко. Закрытая линия.

-- Одну минуту...-- ответил компьютер. Ждать долго не пришлось. На столе зажглась голограмма, отобразившая капитана крейсера.

-- Здравствуйте, Фаррел. Рад вас видеть. Что случилось? Почему по закрытому каналу?

-- Взаимно, Сергей Иванович. У меня к вам очень важный вопрос, который не должен уйти дальше нас с вами.

-- Да, слушаю,-- изобразил готовность Николаенко.

-- Передо мной сидит Радненко и утверждает, что он агент наших спецслужб. Говорит, что вы можете подтвердить его полномочия.

-- Да, я подтверждаю. Господин Радненко выполняет важное поручение на "Звёздном Ястребе". Сожалею, что вас не проинформировали. Пожалуйста, если будете посвящать кого-то, то только самых преданных людей. А ещё лучше, оставьте это в тайне.

-- Спасибо,-- коротко ответил Фаррел. Они попрощались.-- Ястреб, вызови Лунько.

Через пару секунд вошёл Анатолий и вопросительно посмотрел на капитана.

-- Снимите с него наручники,-- сказал тот.

-- Не понимаю...-- сказал Лунько, подходя к Радненко.

-- Он не имеет отношения к взрыву. Это доказано,-- капитан коротко объяснил сложившуюся ситуацию и спросил о письме.

-- Да, оно пришло, но я не успел его прочитать,-- ответил Анатолий и усмехнулся.-- Как-то не до того было...

-- Понимаю,-- кивнул Радненко.-- забавно, но я думал, что вы решили со мной переговорить с глазу на глаз, а тут такой приём...

-- Так с какой организацией мы имеем дело?-- спросил Фаррел.

-- "Движение освобождения Земли",-- ответил агент.

-- Точно?

-- Информация надёжная,-- заверил Радненко.

-- А что в письме?-- спросил Анатолий Лунько.

-- Я просил обратить внимание на Дмитрия Воскова. Это скорее проверка для него. Я наклеил тонкую нить, не видимую человеческим глазом. Если письмо открывалось, она порвана. Ведь открывать запечатанные конверты строго запрещено, верно?

-- Верно. Я немедленно проверю,-- сказал Лунько и вышел из зала для брифингов. Как показала проверка, письмо, действительно, оказалось вскрыто...

Сразу продолжить спуск не удалось. Несмотря на то, что системы жизнеобеспечения разворачивались автоматически, их подгонка заняла слишком много времени и сил, поэтому работа началась утром последующего дня. Пока группа из трёх археологов спускалась в "разведку", Белоусов командовал установкой оборудования. Планировалось исследовать другой проход. На удивление он привёл исследователей в ту же полость, что и первый. Во время спуска археологи провели замеры "помещения". Оно было метров двести на двести, а в глубину уходило на полкилометра. Верёвки такой длины у них не было: взрыв уничтожил практически всё, что не успели спустить на планету, потому при спуске придётся полагаться только на антиграв, что подвергало людей опасности.

Звонок капитана Фаррела, как всегда, не привёл ни к чему хорошему. Хотя, Александр Николаевич не очень переживал по поводу временной отлучки помощника: пока можно обойтись и без Радненко. Главное, чтобы никто другой не опередил его в разгадке тайн.

Сейчас, уже ближе к концу местного дня, намечалось новое "погружение". Первым шёл Белоусов, его страховал Сергей Нахуджинов, один из лучших специалистов в группе. С разницей в две минуты за ними двигалась ещё одна пара, главной целью являлось обеспечение связи с наземной группой. В прошлый раз она была нестабильной, вероятно, из-за отражающей способности стен. Решить эту проблему оказалось очень просто: слоило лишь вспомнить о проводном способе передачи. Теперь передатчик висел у выхода в подземную полость. В отсутствии света она казалась бесконечной во все стороны. Даже самые мощные фонари не могли добраться до противоположной стены.

-- Начинаем спуск,-- произнёс Александр Николаевич и перевёл антиграв на 0,25g.

-- Связь нормальная. Спускайтесь.

Но они уже и так начали спуск с небольшим ускорением. Если не изменять ускорения, то лететь им было чуть больше двух минут, но скорость была бы слишком большой, поэтому через минцту началось торможение.

Наконец, фонари нащупали поверхность. Приземление оказалось довольно мягким, хотя Белоусов не смог удержаться и взмыл вверх. Отключил антиграв он только на высоте нескольких метров, затем повторно опустился на "пол". У Нахуджинова получилось лучше.

-- Ну и ну,-- только и сказал он.

-- Что такое?-- поинтересовался руководитель, пытаясь приспособиться к новым условиям.

-- Прямо-таки пустыня. У меня такое ощущение, что здесь вообще ничего нет.

-- Серёжа, в каждой пустыне есть свой оазис,-- не согласился Белоусов и огляделся. Действительно, слова, сказанные подчинённым, были близки к истине: видимое пространство напоминало пустыню безлунной ночью. Он посмотрел вверх: в вышине горела еле заметная звёздочка осветителей.

Археолог наклонился, пытаясь под слоем пыли разглядеть пол. Тщетно. Пришлось разгребать пыль рукой. Вскоре он бросил это бесполезное занятие. До поверхности можно было не добраться и за несколько часов, учитывая, что всё это гигантское строение оказалось под землёй -- здесь требовалось больше людей и оборудование.

-- Давай осмотримся,-- сказал Белоусов.-- Пройдём по периметру.

-- Вам нужно идти прямо метров пятьдесят,-- донёсся из наушников голос наблюдателя.

Они стали продвигаться прыжками в указанную сторону. Вскоре фонари выхватили из тьмы стену. Она была такой же гладкой, как и выше.

-- Вообще не вижу смысла в этом параллелепипеде,-- высказался Нахуджинов.

-- Он должен быть. Никто не будет ничего делать без конкретной цели,-- ответил Белоусов.-- Давай попробуем очистить часть стены. Может, это нечто предмета искусства. Вдруг барельеф или роспись.

-- Да, стоит попробовать ещё раз. А вдруг это что-то вроде голографического зала?

-- Но сканеры не фиксируют наличие техники, даже её остатков.

-- И то верно, хотя, возможно, у них был совершенно иной уровень технологий и для них не нужны проекторы...

Они приступили к работе. Сначала счищали пыль руками, а затем, когда появилась поверхность, из перчаток вышли мягкие кисточки, и археологи перешли к более тонкой работе. Через десять минут перед взором предстала серая ровная стена: никаких рисунков, даже вмятин не было видно.

-- Может, стоит подсветить в ином диапазоне?-- предложил Нахуджинов.

-- А это мысль!-- согласился Белоусов, удивившись, что сам об этом не подумал, и перевёл изображение в инфракрасный, а

затем в ультрафиолетовый спектр. Никакого результата.-- Да, над этим придётся поломать голову. Пройдём по периметру.

Нахуджинов не ответил, но последовал за руководителем. Долго в пейзаже ничего не менялось: ровная стена тянулась с левого края, справа -- чёрная пустыня, а затем путь преградила грань параллелепипеда.

-- Мы так можем бродить часами,-- фыркнул Сергей.-- Бесполезно.

-- Возможно,-- ответил руководитель и "пошёл" дальше.

Через некоторое время они снова стояли у угла, ничем не отличающегося от предыдущего. Так они обошли весь периметр. Нахуджинов оказался прав.

-- Поднимаемся?-- спросил он.

-- Нет, у меня появилась одна идея. Давай в центр. Дежурный, направляйте нас,-- сказал Белоусов и попрыгал туда, где, по его мнению, располагался центр.

-- Чуть правее.

Разведчики подкорректировали курс. Пока они двигались, Нахуджинов спросил:

-- Почему мы идём именно туда? Что за мысль?

-- Знаешь, Сергей, мне кажется, что те, кто строил это, обладали любовью к геометрии, поэтому будет логичным посмотреть, что в центре квадрата.

-- Логично.

Указания дежурного вывели их в нужное место. Белоусов разглядывал "пустыню". На первый взгляд всё так же, но что-то ему казалось неправильным, а вот что, он не мог понять.

-- Ты ничего не замечаешь?-- спросил он у коллеги.

-- Нет, но...

-- Точно!-- воскликнул Белоусов.-- Смотри внимательно,-- он указал на поверхность "пола".-- Она сначала поднимается под небольшим углом, а затем идёт ровно.

-- А ведь действительно...-- прошептал Сергей,-- Здесь была полость.

-- Или есть! Копай, посмотрим.

Белоусов и Нахуджинов с энтузиазмом приступили к работе. Сверху доносились какие-то слова, но Александр пропускал их мимо ушей. Он знал, что делает. Казалось, ещё немного и он самолично узнает, что же случилось с погибшей цивилизацией. Успели ли они уйти перед взрывом звезды или предпочли гибель бегству? А может, ушли глубоко под планету, к её центру, чтобы выжить?..

-- Странные толчки...-- сказал диспетчер.-- Прямо под вами

-- Это ещё одна пробка!-- сказал Белоусов.-- Она только

больше...

Внезапно земля ушла из-под ног, и они рухнули вниз. Белоусов не успел удивиться, как почувствовал ощутимый удар о твёрдый пол. Тело налилось тяжестью. Скафандр казался таким неподъёмным.

-- Что такое?-- сказал он.

-- Кажется, мы провалились,-- послышался знакомый голос.

-- Я догадался,-- уже с раздражением бросил Белоусов.-- Почему скафандр стал таким неповоротливым? Кажется, антиграв накрылся. Утяжеляет.

-- У меня так же. Сейчас запущу диагностику,-- ответил Сергей и через несколько секунд с удивлением сказал.-- Всё нормально.

-- Если так, то здесь другая гравитация?

Вопрос был, конечно, не риторический. Белоусов попытался встать. Это удалось с трудом. В нормальных условиях скафандр весил около сорока килограмм, а Александр Николаевич никогда не был спортсменом, тем более сейчас, когда он уже привык работать при пониженной силе тяжести, поэтому пришлось переключить антиграв на положение "-0,5g". Стало легче. Археолог осмотрел скафандр: почти всё оказалось целым, только один фонарь разбился, но зато другой светил исправно.

Они находились в небольшом круглом помещении, но самое странное было то, что здесь оказалось чисто: пыль отсутствовала, если не считать принесённой ими. Повсюду царила идеальная чистота. Он посмотрел наверх. Потолок выглядел необычно и имел матовую поверхность.

-- "Силовая плёнка",-- догадался археолог.-- Мы провалились через неё.

-- Это свидетельствует о высоком уровне технологий.

-- Не то слово...

Белоусов понял, что не слышит переговоров наблюдателя. Не могли же они проигнорировать такое происшествие! Он попытался вызвать лагерь на связь, но никто не отвечал.

-- Связь не работает!

-- Может, передатчик разбился,-- ответил Сергей и тоже попытался вызвать наблюдателя. Безрезультатно.

-- Не нравится мне это. И темно здесь... Свет бы...

Стало светлее, словно кто-то услышал его слова и повернул тумблер. Белоусов пытался определить, откуда исходит свечение, но казалось, светился воздух и стены. Воздух? Но ведь здесь его нет... или всё-таки есть? Анализаторов у них с собой не было, но косвенным методом можно было узнать.

Белоусов стряхнул с себя несколько пылинок и стал

наблюдать за их поведением. Падали они медленно, значит, хоть какая-то атмосфера есть.

-- Кажется, гравитация здесь земная,-- сказал Нахуджинов.

-- Да, странно,-- прошептал Белоусов.-- Думаешь, антропоцентризмом пахнет?

-- Это было бы чересчур...-- ответил Сергей.

-- А мы всё-таки проверим,-- сказал Александр и приказал в сторону.-- Гравитацию отключите.

Сработало! Он стали невесомыми. Белоусов резко взмыл вверх, но столкнулся с потолком.

-- Выпустить нас,-- бросил он, но на этот раз силовое поле осталось на месте. Никакие другие приказы не действовали, как он не старался. Осталось только констатировать, что это бесполезно

-- Кажется, там выход,-- сказал Сергей.

Александр Николаевич посмотрел в указанную сторону. Действительно, там виднелся вход в туннель, высотой метра три.

-- Гравитация в половину начальной,-- сказал Белоусов.

Древняя система послушно выполнила приказ. Люди стали невесомыми, а затем, постепенно изменяя настройку антигравитации, опустились на твёрдую поверхность. Двигаться было очень удобно: теперь люди со скафандрами весили как на Земле без них.

Змейка туннеля имела круглую форму в поперечнике, стенки его на ощупь казались мягкими, хотя через перчатки трудно было понять насколько. Стены так же светились мягко и ненавязчиво.

Люди продвигались осторожно, опасаясь сюрпризов, но ничего экстраординарного не происходило. Всё казалось довольно безопасным. Наконец, в конце Белоусов заметил утолщение. Это был выход. Дальше располагалась такая же круглая комната, как та, из которой они пришли. Только по центру стоял шпиль, на вершине которого устроился сравнительно большой шар золотистого цвета.

-- Невероятно,-- выдохнул Белоусов и сделал несколько шагов к находке. Нахуджинов молчаливо последовал за ним. Шар слабо засветился.-- Мы... мы нашли что-то... невероятное. Жаль, что нас не слышат! Это же сенсация!

В отличие от своего начальника Сергей от потрясения потерял дар речи. Александр оказался совсем рядом с артефактом. Тот засветился ещё ярче.

-- Он приветствует нас! Надо его снять.

Но как только Белоусов потянулся к шару, тот полыхнул светом. Археолог с криком отшатнулся от него. Нахуджинов застыл в ступоре. Шар чуть приподнялся с подставки и светился

всё ярче и ярче, а затем снова полыхнул светом.

Померк свет. Перед археологами предстала карта галактики. Нет, даже не карта, ведь она была столь реальной! Казалось, они находятся за границами Млечного Пути и смотрят на родной звёздный остров со стороны. Потрясённые люди стояли, но и артефакт больше ничего не делал, повиснув в центре галактики, превратившись в её ядро.

-- Смотри, здесь даже можно увидеть солнце. Оно должно быть где-то здесь,-- указал на область в рукаве Ориона Белоусов.

Внезапно она увеличилась, отобразив только рукав. Теперь Солнце можно было увидеть невооружённым глазом.

-- Это, действительно, карта!-- наконец, воскликнул Сергей, к которому вернулся дар речи.

Белоусов "нажал" на Солнце. Теперь перед ним раскинулась виртуальная табличка с множеством надписей. С удивлением археолог узнал в них названия языков. Он нашёл в списке "русский" и надавил, ощутив полную реальность этой кнопки. Да, технологии древней расы намного превосходили земные!

-- Наверное, это библиотека,-- предположил Сергей.

-- Сейчас узнаем...

Тем временем галактика и табличка свернулись в шар. Подставка-шпиль без всякого следа исчезла. Артефакт, продолжая висеть в воздухе, заговорил мелодичным женским голосом:

-- Рада приветствовать вас. Вы нарушили мой покой длиной в миллионы лет. Что-нибудь случилось?

Приветственная речь закончилась, а люди стояли в оцепенении. Никто из них не ожидал такого от шара. А может быть, эти таинственные инопланетяне выглядели именно так? Летающие шары? Абсурд!

-- Мы бы хотели задать пару вопросов...-- сказал Белоусов.

-- Если у вас есть вопросы, я с удовольствием отвечу на них. Разумеется, запас моих знаний ограничен, но я с удовольствием вам помогу.

-- Где твои соплеменники?

-- Они стоят передо мной.

Белоусов и Нахуджинов переглянулись. Кажется, артефакт имел в виду их. Видимо, миллионы лет ожидания неблагоприятно сказываются на психике.

-- Но мы не являемся представителями одной расы.

-- Странно, мне показалось, что...-- шар замолчал на полуслове, словно бы задумался.

-- Как нам выбраться отсюда? И где мы находимся сейчас?-- спросил Сергей, но не получил ответа.

Белоусов повторил вопрос, посчитав, что инопланетянин (или

всё-таки инопланетянка, если это вообще существо) реагирует только на его голос, но тщетно: шар словно уснул.

-- Может, она обиделась...-- предположил Нахуджинов.

-- Я бы на её месте тоже расстроился: пролежать миллионы лет и обознаться. Наверное, теперь она будет нас игнорировать,-- ответил Белоусов и, усмехнувшись, добавил.-- Как это по-женски,-- археолог на мгновение задумался.-- Хотя знаешь, я не верю, что это живой организм. Она больше походит на программу. Давай пока условимся называть его просто артефактом.

Коллега не стал возражать, а Александр подошёл поближе к шару и осмотрел. На нём не было ни малейшего признака свечения. Археолог хотел прикоснуться к нему, но Сергей остановил криком:

-- Не надо! Это может быть опасно.

Белоусов нехотя отвёл руку, но в этот момент шар ожил, мгновенно увеличившись до человеческих размеров. Люди шарахнулись в сторону. В следующее мгновение шар резко рванул вверх, словно намереваясь пробить стены.

В лицо ударила ослепительная вспышка. Когда археолог открыл глаза, он понял, что лежит в темноте. Тело ныло, словно он совершил марш-бросок, но в голове, как ни странно, была полная ясность.

-- Меня кто-нибудь слышит?-- прохрипел Белоусов.

-- Александр Николаевич! Мы вас потеряли из эфира. Где вы были?-- донёсся взбудораженный голос дежурного.

-- Потом расскажу...-- ответил Александр Николаевич, поворачиваясь: напарник был рядом.

-- У нас тут что-то невероятное!-- тем временем продолжал говорить наблюдатель.-- Над нашим лагерем весит огромный шар! Вы можете пропустить самое интересное! Поднимайтесь скорее!

Эти слова подстегнули археолога. Все мысли были только об одном: "Я должен увидеть собственными глазами! Сейчас же!"

Никогда раньше Белоусов не выполнял подъём в такой спешке. Даже год назад, в лабиринтах древних шахт египетских рудников перед обвалом, когда погибло половина экспедиции. Страшная ошибка одного из работников обратилась трагедией. Сейчас же риски возрастали многократно: одно дело исследовать на родной планете, а другое -- на чуждой человеку.

Когда Белоусов оказался на поверхности, перед его взором предстала невероятная картина. Лагерь, обнесённый периметром датчиков, выделялся своими огнями отдельных куполов на выжженной миллионы лет умершим солнцем серой равнине. Чуть

дальше была полная тьма ночи. Над лагерем в метрах ста от поверхности висел золотистый шар. В тишине безвоздушного пространства он выглядел ещё более величественно. Он молчаливо взирал на людей, как сюзерен рассматривал своих подданных или ... незваных гостей.

Белоусов увидел, что десантники держали артефакт на прицеле автоматов и ракетных установок челнока. У Белоусова похолодело в груди. Никто не знал, насколько силён этот артефакт. Что, если он может в одно мгновение уничтожить всех? Одно неосторожное движение может стоить людям жизни, и, кто знает, может быть, цена окажется гораздо выше...

Да, беспокойно стало на борту после теракта. Это я ощутил на своей шкурке. Только я собрался посмотреть вторую запись моего предшественника, как коммуникатор ожил звонком: меня вызывали к капитану.

Вскоре я сидел перед капитаном и начальником СБ. Выглядел Фаррел сосредоточенным, а Лунько несколько раздражённым. Я разу догадался, что тема предстоящего разговора связана со взрывом, и не ошибся.

Заговорил первым Лунько. Он коротко объяснил ситуацию и под конец подвёл итог всего рассказа:

-- Аномальные электромагнитные колебания, которые инициировали взрыв, исходили из второго технического отсека. Доступ туда имеют практически все техники, поэтому среди них может быть преступник... или даже несколько,-- и в конце ошарашил меня новостью.-- Вы знаете, что ваш друг, Дмитрий Восков может быть причастен к организации взрыва?

Признаться, я скорее больше ожидал обвинения в свой адрес и в первый момент даже растерялся.

-- Меня тоже подозревают?-- набравшись смелости, спросил я. Внутри всё тряслось от напряжения. Думаю, любой бы так чувствовал себя на моём месте.

-- Нет,-- ответил Лунько.-- Пока речь вообще не идёт ни о каких обвинениях. Мне просто нужна объективная информация. Как хорошо вы знаете Дмитрия?

-- Трудно оценить...-- ляпнул я, не подумав, и сообразил, что это весьма обтекаемый ответ и явно неуместный при текущих обстоятельствах.-- Мы с ним знакомы примерно с месяц. Уравновешенный человек, знающий своё дело, понимающий ответственность... но... зачем ему это делать? У него даже не было возможности...

-- Однако он читал письмо, посланное Радненко для меня,-- заверил Лунько.-- Письмо с "меткой": нить была порвана. По протоколу любая переписка Начальника Службы Безопасности

автоматически подпадает под гриф "Совершенно секретно", а это уже серьёзный проступок.

-- А... случайность?-- спросил я.

-- Может быть... Всё может быть...

Нет, у меня не укладывалось в голове, что Дима мог совершить что-либо противозаконное. Нужно обязательно разобраться в этом! Боже мой, на моего единственного друга на корабле свалилось такое несчастье, и у меня есть реальный шанс как-то повлиять на ход расследования!

-- Итак,-- наконец, заговорил капитан,-- что вы можете нам сказать?

-- Он был со мной в момент взрыва, записи должны подтвердить, что он заходил ко мне...-- и я рассказал всё, как есть и в конце добавил.-- Уверен, он здесь не при чём.

-- Молодой человек, вы слишком наивны,-- сказал Лунько,-- противником может быть каждый. Даже я,-- он хмыкнул.-- Вы знаете методы ДОЗ? Вы знаете, за что они борются?

-- Хотят свергнуть мировое правительство,-- пожал я плечами.-- "Освободить" народы от него. Конкретнее никогда не интересовался. Моя стихия -- компьютеры.

-- И вот вторая причина, по которой вы здесь,-- сказал капитан.-- От вас требуется убедиться, что никаких проникновений в систему корабля не было и данные надёжны...

Собственно, на этом разговор и окончился. Вернувшись в зал оператора, я сразу же принялся за работу. Итак, первый этап был самым простым: я прямо спросил Ястреба о попытках взлома, и он выдал вполне ожидаемый ответ:

-- Если не считать твоих попыток покопаться у меня в голове, нет.

Я кивнул. Значит, остаётся второй вариант, долгий: проверка всей системы самостоятельно. Займёт уйму времени, а толку? Честно говоря, я сомневался, что найду несанкционированные изменения в системе, тем боле что совсем недавно, я разобрался с системой безопасности, запустив несколько весьма полезных процессов. Следовало сосредоточиться на другом: доступ к датчикам на планете у меня есть, а значит, можно было отследить передвижение Димы.

-- Ястреб, можешь найти запись передачи письма Радненко Воскову? Это произошло на планете, интервал: два дня.

-- Уф-ф,-- послышался тяжёлый вздох из динамиков.-- Нелёгкая задачка.

-- Не сложнее, чем просчитать курс. И не ворчи,-- несмотря на наши препинания, работа уже шла вовсю.

-- Кстати, пока ты ищёшь, у тебя есть информация о ДОЗ?

-- Есть, я же умный и многое знаю,-- сказал Ястреб.

-- Да ты ещё и хвастун!

-- Просто говорю, что есть,-- скромно ответил искин.-- Итак, рассказываю. ДОЗ, "Движение освобождение Земли". Террористическая группировка, основной идеей которой является крушение мирового правительства. Идеологически противопоставляет себя капитализму, основываясь на учении некоего Карла Маркса. Образование организации некоторые относят к окончанию Мировой Войны в 1926 году, как реакцию на создание Лиги Наций, хотя формально ДОЗ существует с 2249 года. Состоит из нескольких объединившихся террористических организаций. Основные ячейки: российский сектор. Берёт своё начало с имперских времён, после неудачной попытки переворота и крушения Российской Империи и образования Российской Демократической Республики в 1920 году, ушёл в подполье. Уничтожен через десять лет. Возрождён в 2237 с той же идеологией. Существуют и другие филиалы...

-- Ладно,-- остановил я искина,-- эти цифры сейчас не столь важны, в чём состоит суть идеологии?

-- Построить справедливое общество путём свержения мирового правительства.

-- Странный способ,-- удивился я. Мне раньше казалось, что они просто не могут примириться с отсутствием в их руках реальной власти. Хотя, наверное, отчасти так и было.

-- Я нашёл запись. Показать?

-- Да.

Во весь стол возникла голограмма. Ястреб стал показывать запись с момента передачи письма. Оно выглядело как блестящий герметичный конверт, который защищал содержимое от вредного излучения. Такие часто использовались для переноса небольших предметов в безвоздушном пространстве. Дима направился в купол, где, судя по всему, отдыхали десантники. На полпути он завернул вправо, кажется, с кем-то разговаривая. Дальше изображение стало очень плохим, но потом всё-таки восстановилось. Дима встретился с Жениным. Ну, конечно, он должен доложить взводному, а тот обеспечит ему транспорт. До челнока они добрались вместе.

"Странно, а зачем Женин вообще идёт? Разве нельзя было передать команду по радио?",-- подумал я и спросил:

-- Ястреб, можем увидеть, что там внутри происходило?

-- Может, мне и мысли их ещё почитать?-- проворчал подопечный.

-- Было бы неплохо,-- признал я.-- А ты чего такой ворчливый сегодня?

-- День рождения у меня...

-- Вот это новость!..-- удивился я. Всё это походило на розыгрыш, если бы не бездна космоса за бортом.-- Что-то я не слышал, чтобы искины отмечали день рождения.

-- У всех людей есть, а я чем хуже?-- по-человечески рассудил Ястреб.

-- Так кораблю же восемь с половиной лет, если быть точным...

-- Меня запустили на полгода раньше.

Аргументы кончились, и осталось только сказать:

-- Тогда поздравляю тебя, птенчик, с девятым годом от удачного "вылупления"! Долгие лета функционирования, меньше багов, надёжной памяти и стабильной работы процессорам. Если хочешь, налью чего-нибудь в анализатор. К сожалению, из напитков предложить могу только кофе.

-- Спасибо,-- растроганно ответил воспитанник. Как бы он ещё воду не слил в космос... Потом будет оправдываться, что "прослезился".

После этой душещипательной сцены мы вернулись к делам. Ястреб продолжил прокручивать запись, хотя мне казалось, что дело безнадёжно. Неужели Дима открыл конверт во время полёта челнока? По всей видимости, так.

-- Ястреб, давай прокрути с момента его прибытия на борт.

Искин на редкость послушно выполнил приказ. Здесь картинка была более чёткой и реалистичной и походила на фильм. Вот Дима сошёл по трапу, направился к каюте Лунько. Дверь оказалась закрытой. Немного постоял в раздумье, затем направился в сторону к себе. По дороге его перехватил второй взводный, который с группой десантников осматривал взорванное помещение.

-- О чём они говорят?-- спросил я.-- Включи звук.

Взводный предлагал Диме передать письмо через него, тот ответил, что ему было приказано вручить лично в руки, но почему-то взводного это не остановило. Он попросил показать письмо, а после отказа приказал, мотивировав свой поступок стандартной проверкой. Дима подчинился. Взводный достал небольшой прибор и провёл по точке сшивки блестящего конверта.

-- Стоп!-- почти выкрикнул я. Голограмма замерла.

"Конечно, этот-то момент и была сорвана метка. Но... разве Лунько не знает об этом? Он же опытный человек. Как он мог упустить такой вариант?"

Итак, догадку следовало передать капитану. Я нашёл Фаррела на втором уровне, когда он направлялся в рубку и

коротко объяснил ситуацию. Капитан выслушал меня и кивнул:

-- Да, мы рассматривали этот вариант. Вполне возможно, что так и было,-- он остановился и посмотрел мне в глаза.-- Я понимаю тебя. Мне и самому претит мысль об измене, но мы обязаны рассматривать все возможные варианты. Проверь систему.

-- Это очень кстати,-- внезапно раздался голос Ястреба в наручном коммуникаторе.-- Я зафиксировал попытку замены программного блока.

-- Это атака, я займусь,-- бросил я и помчался к терминалу. Времени у меня практически не было.-- Отследил порт?

-- Нет, не могу...

Пока я летел по коридору, запросил предварительные данные. По всей видимости, сработала одна из моих сторожевых программ, которые я установил вчера. Если так, то вполне вероятно, что подобные проблемы система защиты просто-напросто пропускала.

-- Заблокируй этот поток!

-- Делаю, но он открывает новые,-- ответил Ястреб.

На повороте я чуть не сбил какого-то широкоплечего техника. Тот что-то крикнул вслед, но было не до того.

Я влетел в операторскую и рухнул на кресло. На мониторе высветилась целая уйма данных. Запищал коммуникатор. Вызывал капитан.

-- У нас отключилось автоматическое управление орудиями. Докладывай, как только появятся результаты.

"Радость привалила... ничего не скажешь",-- возмутился мысленно. Противник действовал с нечеловеческой быстротой! Оставался только один путь остановить обвальное обрушение искина: с шашкой наголо ворваться в электронную систему.

Операторское место было оборудовано интерфейсом нейроподключения, поэтому идти в зал виртуальности не требовалось. Шаг был рискованный, ведь при неудачном стечении обстоятельств я вполне мог остаться дурачком.

-- Я планирую работать через нейроконтакт,-- сказал я в коммуникатор.

-- Хорошо,-- чуть помедлив, ответил Фаррел.-- Удачи.

"Да, она мне потребуется. Даже очень..."-- подумал я, натягивая на голову нейрошлем. Нажатие кнопки, и моё сознание ворвалось в виртуальную сферу рейнджера. Вокруг расположились светящиеся разными цветами кубы -- различные функциональные блоки искусственного интеллекта. Множество тончайших нитей соединяло их. Светлячки виртуальных потоков перетекали из одного в другой с невероятной скоростью. Кажется,

человеческий мозг неспособен угнаться за компьютерным, но это большое заблуждение. Не способно угнаться сознание...

Я стал погружаться в этот упорядоченных хаос электронов и световых потоков, сознание растворялось в бесконечности сотен тысяч соединений. Я чувствовал каждой клеточкой своего виртуального тела информационные потоки. Инородные ощущались болью. Пока их было немного, но постепенно становилось всё больше.

-- Ну, что, Ястреб, готов?-- спросил я.

-- Зададим ему!-- ответил искин, и в голове возник образ свирепого бородатого мужика с топором. Что ж, он, как всегда, в своём репертуаре.

Я стал перехватывать соединения на себя, обрубая вирусные. С каждой секундой это получалось всё быстрее и быстрее. Не раз это проделывал в университете, и этот опыт был бесценен, хотя многие ситуации попадались мне впервые. Такие опасные программы я перенаправлял Ястребу, такую же практику использовал и он. Мы "стояли спиной к спине", отбирая бесчисленные атаки противника. Сотни и сотни... им не было конца. Они мелькали перед глазами самыми причудливыми образами, замирая перед взором на доли секунды, чтобы затем исчезнуть и дать дорогу другим. Шары, кубы, ещё и ещё. Я их уже почти перестал различать и чувствовал, что ещё чуть-чуть и не справлюсь с возрастающим информационным потоком. Если бы только отыскать настоящий источник, а не постоянно возникающие прокси, виртуальные образы, соединения...

Я уже действовал на автомате, не отдавая себе отчёта в том, что конкретно уничтожаю, сознание работало отдельно. Чувство усталости подкрадывалось ко мне. Серьёзный знак: ещё немного и мозг не выдержит. Если бы только найти источник, атаки бы немедленно прекратились. Среди сотен и тысяч образов я пытался найти один нужный нам, один и самый главный. Здесь не могла помочь логика, только интуиция -- здесь человек имел неоспоримые преимущества. Один из красных шаров привлёк внимание. Я не осознавал, почему. Я просто знал: это он, источник! Сиреневый полукруг программы накрыло шар -- соединение установлено. Второй -- виртуальный порт заблокирован!

Атаки мгновенно прекратились. Чувство безмерной усталости полностью завладело мной. Мне было глубоко безразлично, что творится вокруг. Я даже не понял, как виртуальность исчезла.

Просыпался я тяжело. Сознание никак не хотело проясняться. Выждав пару секунд, я попытался приподняться, но не смог -- низ и верх поменялись местами. Понимание того, где я, пришло

далеко не сразу. Я лежал на белой простыни, на белой подушке. Вокруг было много света. Он струился отовсюду и слепил глаза.

Через некоторое время всё начало приходить в норму: туман в сознании рассеялся, предметы стали отчётливо видны, я даже смог приподняться.

-- Где я?

-- В лазарете,-- надо мной появилось лицо женщины лет тридцати. У неё была редкая стрижка под каре и большие добрые глаза. Традиционный медицинский халат сидел как всегда хорошо. Узнал я её сразу: Ольга Яновская, руководитель Медицинской Службы рейнджера.-- Как себя чувствуете?

Я прислушался к своим ощущениям и ответил:

-- Неплохо.

-- У вас было сильное перенапряжение. По сути, коллапс... Хорошо, что Ястреб вовремя сообщил.

-- Долго я спал?

-- Нет, всего три часа. Я бы советовала вам не торопиться, а отдохнуть ещё.

Видимо меня чем-то накачали, потому что я действительно уже чувствовал себя довольно сносно, поэтому попытался подняться, но врач остановила меня.

-- Но...

-- Юрий Викторович, я обещала капитану, что буду следить за вашим состоянием. Вы никуда не уйдёте, пока я не буду уверена, что с вами всё в порядке. И вообще, вам нужно время, чтобы восстановиться. Знаете ли, медицина не волшебство.

-- А мне показалось...

-- Заблуждение,-- прервала она.

-- Ладно, а тогда давайте проверим, и я побегу.

Она тяжело вздохнула.

-- После атаки много срочной работы. Я должен проверить все системы искусственного интеллекта,-- попытался я объяснить ситуацию, и сказанное было правдой. Меня не без причины волновали последствия атаки. Если со мной было всё более-менее ясно (как мне казалось), то насчёт остального ничего конкретного сказать не мог.

-- Я всё прекрасно понимаю, но...-- она развела руками.-- Вам требуется отдых, если вы не хотите потом всю оставшуюся жизнь бороться с внутричерепным давлением. Всё это серьёзно. Знаете, что такое параксизмальная тахикардия?

-- Нет,-- удивился я.-- Никогда не слышал.

-- В обморок будете падать.

-- Атака прошла мимо основных узлов,-- ожил мой передатчик.-- Я уже сообщил капитану о твоём выздоровлении.

-- Спасибо.

-- Ястреб, это ты поторопился,-- обратилась Ольга к кораблю.

-- Почему?

-- Это временное улучшение, связанное со сном и препаратами.

В этот момент дверь лазарета отъехала в сторону, пропуская Фаррела. Выглядел он довольным. За капитаном двигался Лунько. На лице Начальника СБ я не прочёл следов радости, это была маска глубокой задумчивости.

-- Ну что, можно тебя поздравить с боевым крещением и первой победой,-- сказал Фаррел.

-- Сделал, что смог...-- пожал я плечами. Всегда теряюсь, когда меня хвалят, хотя люблю такое...

-- Можно, отметить, справился ты великолепно. И более того, по твоей наводке мы смогли поймать злоумышленника.

-- Да?-- обрадовано удивился я.-- И кто он?!

-- Ремонтный дроид. Он базировался как раз на том уровне, где располагался склад. Очевидно, он и пронёс бомбу.

-- Сам он не мог. Им должен кто-то управлять.

-- Да, но это очень ограниченный круг лиц. Кто-то из ремонтного персонала.

Я кивнул. Отлично, значит, круг начинает замыкаться. Да, многих усилий стоила эта победа. Я чуть не заплатил за неё разумом. Слава богу, обошлось. Я вспомнил, как летел в зал оператора, как чуть не сбил какого-то парня и... Меня словно ударило током! Ну, конечно! Я чуть не сбил техника у своего рабочего места. Что он вообще мог делать на моём уровне?!

-- У меня есть подозрение...-- сказал я и рассказал о происшествии. К сожалению, я не запомнил его лица, но камеры должны отследить этот момент.

Фаррел попросил заглянуть Ястреба в аудит, и тот через минуту с недоумением сообщил:

-- Я не помню этого момента!

-- То есть?-- спросил капитан.

-- У меня единственное объяснение: кто-то стёр эти данные при атаке. На других записях я тоже не могу ничего найти.

Лунько выругался. Ольга, которая до этого момента стояла молча, возмущенно сказала ему:

-- Анатолий!

-- Последний раз,-- начальник Службы Безопасности поднял руки.

По всей видимости, выходило так, что я единственный, кто мог вспомнить этого техника.

-- Теперь вся надежда на вас,-- подтвердил мои мысли

капитан.

Я посмотрел на Ольгу. Врач была очень недовольна, но не возражала, понимая всю серьёзность ситуации.

-- Единственное, что я помню, что чуть не сбил его.

-- Рост, комплекция?-- спросил Лунько.

-- Нет...-- я начал рыться в памяти и понял, что последствия перенапряжения дают о себе знать. Утомление пришло почти мгновенно.

-- Ему нужно поспать ещё хотя бы шесть часов,-- внесла своё слово Ольга.

Капитан понимающе кивнул. Несмотря на то, что я себя заставлял вспоминать, чувство безразличности подкрадывалось ко мне. Хотелось спать.

Дальнейшее я помнил смутно, хотя они что-то говорили. Единственное моё ощущение тогда -- это безмерная усталость. Кажется, что-то вкололи. Я закрыл глаза и мгновенно уснул.

Разбудил меня ярки свет и тут же я услышал голос Ольги:

-- Как спалось?

-- Спасибо, хорошо,-- ответил я, прислушиваясь к себе. Ощущение сна ещё не прошло окончательно, но я уже был готов приступить к работе.

-- Капитан хочет вас видеть. Настаивал на скорейшем пробуждении.

-- Отлично!-- воскликнул я. Надоело прохлаждаться без дела.-- Я могу идти?

-- Да, только выпейте это,-- сказала Ольга и дала какую-то белую таблетку.-- Под язык и не глотать.

Я не стал возражать. Таблетка оказалась сладковатой.

Фаррел и Лунько в этот момент пребывали на нижнем уровне. Вместе с ними находился Евгений Александрович Вязов, Главный инженер рейнджера. Оказалось, что пока я спал, дроида успели разобрать. Когда зашёл в мастерскую, на столе лежали наносхемы и кристаллы памяти. За столом стоял техник и отвинчивал передатчик, связывающий робота с искусственным интеллектом корабля.

-- Отлично, мы тебя ждали,-- поприветствовал меня капитан.-- Отдохнул?

-- Да,-- ответил я.-- Что-нибудь удалось выяснить?

-- Передатчик заменён,-- сказал техник.-- Вместо одностороннего интерфейса у него, двусторонний. Это объясняет, как он смог подключиться к системе корабля.

-- Руслан Манулов, бортинженер разведывательного бота, многоплановый специалист,-- представил его Вязов, а затем назвал ему моё имя. Мы с Мануловым обменялись

рукопожатиями. Хватка у мужчины была твёрдая. Эта черта проявлялась и во взгляде: от него веяло стальной уверенностью и хладнокровием -- необычные качества, скорее присущие солдатам. Да, было что-то у него от манула, дикого кота.

-- Можно ли такую операцию провести в полевых условиях?-- спросил Лунько.

-- Да, на это требуется около полутора часов, для опытного человека -- всего час, а может и меньше,-- ответил Манулов.

-- Да, думаю, это мог сделать любой человек,-- добавил Вязов, рассматривая устройство.-- Тут вообще не требуется никаких навыков: просто вынул старый и поставил новый. Физически интерфейсы совпадают. Логически, как мы убедились, -- нет.

-- Но Степанов видел техника у своего кабинета,-- напомнил Лунько.-- Предлагаю вызвать весь техперсонал, чтобы он смог узнать того человека.

-- Не хотелось бы,-- ответил Фаррел.-- Это вызовет резонанс на корабле. К тому же, не факт, что он именно техник. Он мог быть просто позаимствовать у кого-нибудь форму.

-- Думаю, люди всё-таки отнесутся с пониманием...

Чтобы вызвать весь техперсонал не потребовалось много времени. Мужчины в одинаковых комбинезонах выстроились в шеренгу. Многие были перепачканы маслом: их оторвали от работы. Я присматривался к каждому из них, а по пятам шёл Лунько. Капитан Фаррел смотрел издалека. На его лице читались смешенные чувства от вины до злости, вины за вынужденное недоверие, злости от того, что приходится так поступать. Впрочем, команда действительно отнеслась с пониманием, как и сказал Лунько. Признаюсь, тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Не привык я относиться к людям с подозрением. Мне это всегда казалось противоестественным. А ещё у меня не укладывалось в голове, какое извращённое видение мира могло толкнуть человека на такие поступки. Гибель искина корабля, случись она, ставила под угрозу весь экипаж. Расчёт полёта вручную потребует колоссального количества времени и сил, что в нашей ситуации недопустимо. Это практически неминуемая гибель.

Вдруг очередь закончилась, и я понял, что не вижу или не могу вспомнить среди всех этих людей похожего на того, кого я встретил. Лунько отсеял две трети техников, насчёт которых я был уверен. Теперь остались только похожие по комплекции, всего десять человек, но даже так я не мог определить, кого из них я видел. Мне хотелось уйти быстрее и забиться в свою комнату.

-- Нет, я не могу вспомнить,-- виновато сказал я.

-- Посмотри ещё раз.

Я всматривался ещё минуту, но снова признал своё поражение.

-- Здесь точно все?-- спросил капитан у Лунько.

-- Да, и бригадиры тоже.

-- Скорее всего, он был только одет в форму техника или инженера,-- предположил Фаррел.-- Вполне возможно, что его действительно здесь нет,-- а затем обратился к оставшимся.-- Ни у кого не пропадала спецовка или другая одежда в последнее время?

Те наперебой стали отвечать, что нет. Среди голосов я узнал один, того, кто кричал мне вслед, когда я чуть его не сбил.

-- Это он!-- воскликнул я, указывая на второго слева.

Тот среагировал мгновенно, блеснул нож. Преступник схватил ближайшего техника -- чиркнула голубая молния. Оба рухнули.

Я огляделся, пытаясь понять, что произошло. Один из бойцов охранения держал в руках парализатор. Оставалось только удивиться молниеносной реакции десантника. Жаль, что своего слегка зацепило...

Допрос состоялся только через час, когда террорист пришёл в себя. За это время я успел вернуться в лазарет, где Ольга просканировала меня и с удовлетворением кивнула головой:

-- Энцефалограмма выравнивается.

-- Как это выравнивается?-- раздался голос Ястреба.-- Он уже ещё не того...

-- Это выражение такое,-- ответила она искину.

-- Вот так всегда,-- пожаловался я.

-- Он тоже личность, со своим характером. Он как мы.

-- Спасибо, Ольга. Ты мой кумир,-- ответил компьютер.

-- Ну, отмечаю, что есть. За последние полтора года ты сильно изменился.

-- Вы часто так разговариваете?-- спросил я.

-- Да, мне это нравится,-- ответила врач.

-- И мне тоже,-- ответил искин.

-- Видишь, я ему разрешила не стучаться. Он мне друг.

-- Взаимно.

Я не стал излагать свои мысли по поводу человечности машин. Это могло бы повредить моего "воспитанника", ведь они воспринимают всё как дети. Не то, чтобы он мог обидеться, нет, просто подобная метаинформация могла бы повредить некоторые логические цепочки, которые, как мне казалось, находились в шатком равновесии. Да, я привык к тому, что Ястреб ведёт себя как человек, мне даже это нравилось, но не стоит забывать, кто он

есть и почему. Если случится непоправимое, виноват буду я, и там, увы, уже не сыграют роли никакие личные симпатии.

Ольга сообщила, что основные параметры функционирования мозга возвращались в норму, вот только как обычно порекомендовала мне полежать, чем я и занимался всё время, до того, как позвонил Главный инженер Вязов и сказал, что меня ждут.

На допросе присутствовали всё те же лица да ещё помощник Белоусова Геннадий Алексеевич Радненко. Почему он здесь, я не понимал, но если его вызвали с планеты, то должны быть веские причины. Моя задача состояла в том, чтобы узнать о деталях атаки на искин рейнджера и сделать выводы. Информация весьма важная и пригодится в дальнейшем при восстановлении. Сидел я сбоку и рассматривал человека, который создал нам столько трудностей. Он был среднего возраста и среднего роста, широкий в плечах, но в целом ничего необычного, хотя не представляю, кого я ожидал увидеть. Загнанного в угол зверя, выставившего вперёд свои иглы? Нет, совершенно не похож, хотя чувствовалась моральная подавленность, но смотрел на всех не без некоторого превосходства и уверенности в своей правоте. Может быть, это злость?..

-- Итак, ведущий техник, Бернар Эдуардович Проговский,-- начал Лунько и отметил.-- Аристократическое имя. Вы аристократ?

-- Да.

-- Во времена пошли... Когда начали заниматься преступной деятельностью?

-- Я никогда не занимался преступной деятельностью.

-- Вы поняли вопрос. С какого момента вы связаны с ДОЗ?

Бернар оглянулся, словно бы кто-то стоял за его спиной, но там никого не оказалось: охрана находилась у входа в помещение.

-- Два года.

-- Значит, вас завербовали, когда вы уже служили на Ястребе.

-- Получается, так...

-- Я так понимаю, отрицать, что вы взорвали склад, не будете?

Проговский не ответил.

-- Вам объяснили, зачем вы должны это делать? Хотели остановить исследования системы?

-- Да.

-- Зачем это нужно ДОЗ? Неужели вы хотите, чтобы война была проиграна?

-- Нет,-- ответил Бернар,-- мы хотим, чтобы она закончилась.

-- Этого хотят многие. Каким образом неудача экспедиции повлияла бы на исход войны?

-- Каргонцы не хотят здесь нас видеть,-- обратился Проговский к капитану.-- Неужели вы не чувствовали сомнений?

Лицо Фаррела не дрогнуло, но насколько я знал, предприятие мы проворачивали крайне опасное, на грани фола. В этом преступник был прав.

-- И всё-таки,-- продолжал Лунько.

-- Вы провоцируете их.

-- И всё?

-- Лига Наций ищет здесь новые виды оружия, уничтожения, порабощения. Чем вы лучше каргонцев?

-- Мы не объявляли войну и не атаковали их планеты. Мы защищаемся, а не атакуем. Неужели вам не жаль погибших на Проксиме-2?

-- Новое оружие -- не выход...

-- А взрыв, выход?

-- Я никого не убил.

-- Во время нашего похода,-- поправил Лунько.-- Однако ДОЗ не чурается грязных способов. Сами знаете чего.

-- Я бы никогда не пошёл на это без необходимости.

-- Вы не верховный главнокомандующий, и мы не на заседании генштаба, чтобы видеть всё картину сразу,-- прекратил, чуть было не разгоревшийся, спор начальник Службы Безопасности.-- Убеждённость в своей правоте не снимает ответственности. Давайте продолжим: кто вам помог на корабле?

-- Никто. Я один,-- твёрдо ответил Бернар. Почему-то мне показалось, что он говорит правду, хотя я порою казался себе излишне доверчивым.

-- Допустим.

-- Кого вы можете назвать из членов ДОЗ?

-- Не могу.

Лунько хмыкнул и сказал:

-- И всё-таки кто-то же курировал вашу работу, направлял её...

-- Я не знаю имени этого человека. Я его видел только один раз.

-- У вас будет время подумать об этом до возвращения на Землю. Прошу...

Дальше следовала моя очередь задавать вопросы. Бернар не стал утаивать от меня деталей атаки. В принципе, я и так уже понимал в общих чертах, но детали никогда не бывают лишними. Надеюсь, он сказал правду, хотя, согласитесь, для этого у Проговского не было никаких причин.

Моя работа была выполнена, и я ушёл. Атмосфера душила и гнала прочь. Нет, такие игры не для меня, хотя, если честно, считал, что Бернар получил по заслугам... или получит, это уже неизбежно. И ещё, что успокаивало: мою работу отметил капитан и оценил высоко. Помню, как месяц назад стоял на мостике, тогда Фаррел казался мне недостижимой высотой, а сейчас я увидел, что он тоже человек, не бог и не герой, такой же, как и все, со своими сомнениями и даже фобиями. Просто он знает, чего хочет и добивается этого.

Я сел на своё рабочее кресло уже с чувством глубокого удовлетворения. Да, далась победа нелегко, но самое главное, я спас Диму от экзекуции, спас корабль от террориста, спас Ястреба от стирания. В общем, всех спас.

Сирена желтой тревоги раздалась, когда по корабельному времени была ночь. Большая часть команды уже вернулась в свои каюты, чтобы на время уйти от действительности в мир сна. Фаррел как раз планировал заняться тем же, но вышло совсем не так, как он рассчитывал. Сигнал остановил капитана, когда тот снимал китель.

В это же мгновение заработал коммуникатор: вызывал старпом Надеев.

-- Что случилось?-- вместо приветствия спросил Фаррел.

-- Неизвестный объект над лагерем.

-- Каргонцы?

-- Не похоже...

-- Я сейчас буду.

Фаррел надел форму и вылетел из каюты. На мостике царила деловая обстановка. Все члены экипажа без намёка на излишнюю суету занимались своим делом.

-- Капитан на мостике!-- объявил старпом. Экипаж отдал честь.

-- Докладывайте. Кочеренко, изображение на центральный экран.

Связист резво приступил к работе: на переднем обзорном экране чернота космоса сменилось изображением планеты. Тем временем, Надеев приступил к докладу:

-- Объект появился из-под поверхности семь минут назад. Он проходил сквозь палатки и людей, не причиняя вреда, затем завис над лагерем на высоте пятидесяти метров, где и находится сейчас.

Фаррел сел на капитанское кресло, располагавшееся посередине мостика, и посмотрел на проекцию. Шар висел над лагерем и казался скорее оптическим обманом или просто ошибкой недели реальным объектом. Капитану казалось, что

перед ним призрак, и он никак не мог избавиться от этого ощущения. Тем не менее, он прекрасно осознавал, что перед ним артефакт вымершей цивилизации, возможно машина или банк данных -- всё, что угодно. Главное, что это нечто может помочь раскрыть тайну погибшей цивилизации.

На поверхности включились прожекторы. Казалось, свет исчезал в недрах шара.

-- Каковы его размеры?-- спросил Фаррел.

-- Два метра в поперечнике.

-- Проверьте его отражающую способность, выглядит он очень странно.

-- Поверхность шара слабо отражает свет в видимом диапазоне, то, что отражает, -- рассеивает. Любые другие диапазоны поглощает.

-- Насколько эффективно?

-- Сто процентов.

-- Почти идеально чёрное тело?-- спросил Фаррел, ни к кому особо не обращаясь.-- Что-нибудь ещё известно?

-- Пока нет.

-- Что говорит Белоусов?

-- Он отсутствует. Пропал полчаса назад, когда спускался на дно Объекта 1. Сейчас артефакт под прицелом десантников...

-- Капитан, вас вызывает Белоусов,-- раздался голос связиста.

-- Отлично. Кочеренко, давайте мне его,-- ответил капитан и, повернувшись к старпому, добавил.-- Вот и нашёлся наш кладоискатель...

На мониторе приборной панели появилось изображение: археолог стоял в скафандре, но забрало было поднято. Его глаза пылали лихорадочным огнём.

-- Фаррел, прикажите немедленно убрать оружие!-- буквально прокричал Белоусов.-- Этот шар разумен! Вероятно, это какая-то защитная программа или космический корабль, я не знаю, но нельзя его провоцировать!

-- Женина на связь,-- мгновенно отреагировал Фаррел.

Как только взводный отозвался, капитан произнёс:

-- Приказываю убрать оружие! Немедленно. И отойти от шара.

-- Есть, капитан...

Джек видел, как десантники один за другим снимают артефакт с прицела и отходят, прячась за куполами.

-- Капитан,-- сказала навигатор Тара,-- патрульные истребители развернулись к планете, ещё двое готовятся к вылету...

-- Капитан Николаенко на связи,-- прервал её связист.

-- Здравствуйте, капитан,-- раздался голос капитана "Непобедимого".

-- Здравствуйте, Сергей Иванович, отзовите "Кассандры". Они там абсолютно ни к чему.

-- Это стандартная процедура.

-- Мы можем спровоцировать этот объект. Он пролежал миллионы лет и функционирует, что свидетельствует о высоком качестве техники. Уверен, наши движения только во вред.

-- Хорошо,-- легко согласился Николаенко и отдал приказ, а затем снова вернулся к разговору.-- Что вы предлагаете?

-- Пока ждать,-- ответил Фаррел, глядя, как две точки на радаре заходят на свой обычный курс.-- Александр Николаевич, вы слышали?

-- Да,-- ответил археолог, который всё ещё находился на линии.-- Я считаю, что нам следует попытаться вступить с ним в контакт.

-- Каким образом?

-- Я поговорю с ним.

-- Как? Вот так просто возьмёте и поговорите?-- вступил в разговор Николаенко.

-- Да, просто возьму и поговорю,-- с вызовом бросил археолог.-- Между прочим, десять минут назад я говорил с ним!

На мостике воцарилось молчание. Даже Тара отвернулась от навигационных приборов и посмотрела на капитана. Фаррел выглядел не менее удивлённым, чем остальные члены экипажа. Археолог улыбнулся, явно довольный произведённым эффектом и ушёл со связи.

-- Интересно, как он собирается говорить в безвоздушном пространстве?-- наконец пришёл в себя Николаенко.

-- Действительно, интересно...-- почесал затылок Фаррел.

* * *

Как ни странно, но Белоусов тоже задался этим вопросом, когда связь с орбитой отключилась. На мгновение он пожалел, что погорячился, но подумал: "Отступать уже некуда, нужно что-нибудь придумать". И ответ нашёл достаточно быстро: "Если нельзя сказать словами, попробуем азбукой Морзе". Археолог надеялся, что этот странный шар, раз он знает все языки мира, должен знать такую простую систему шифрования.

Белоусов приказал расчехлить лазер и настроить его на минимальную мощность. Такой луч был неспособен прожечь даже бумагу, но его было вполне достаточно, чтобы заметить. Морзянку знал пилот челнока, а потому он стал сигнальщиком. Остальные археологи собрались тут же. Для приёма использовались световые панели, которые чутко регистрировали

скачки светимости в любом диапазоне.

-- Передавай: "Приветствуем братьев по разуму".

Замигал передатчик. Белоусов смотрел на него и пытался заметить хоть малейшее изменение, но тщетно. Если будет ответ, то человеческий глаз его, скорее всего, не заметит. Вся надежда на аппаратуру.

-- Может быть, он не понимает нас,-- сказал Радненко.

-- Геннадий Алексеевич, ваш скепсис не уместен.

-- Нужно немного подождать,-- поддержал начальника Нахуджинов.

-- Передай: "Мы пришли с миром и просим прощения за невольное вторжение".

Снова потоки фотонов унесли сообщение. Все ждали ответа, но шар по-прежнему не реагировал.

-- Возможно, он не может нам ответить?

-- Кто знает...-- ответил Белоусов и сказал пилоту.-- Передай ещё раз.

Тот повторил послание. Артефакт молчал.

-- Может он ждёт что-нибудь?-- предположил Радненко.-- Или кого-нибудь?

-- Ждёт, что мы подойдём?-- спросил руководитель экспедиции.

-- Нет, я думаю, он хозяев ждёт.

Белоусов тут же вспомнил, что шар по какой-то причине назвал его и Нахуджинова соплеменниками. Что конкретно он имел виду, непонятно. К счастью, Сергей пока молчал, пребывая в постоянном удивлении, а он пока ещё не проговорился о деталях диалога с шаром -- предусмотрительно.

"Интересно, как бы оно себя назвало?"-- подумал археолог и сказал:

-- Я подойду. Всем оставаться здесь. Если со мной что-нибудь случится, Радненко за главного.

Возражения были жёстко пресечены Белоусовым. Впрочем, он и не думал, что может пострадать. Сейчас главное, не упустить птицу удачи, сделать всё собственными руками и собрать сливки. Такой шанс выпадает раз в жизни и то далеко не каждой!

Белоусов направился к шару. Поскольку тот висел довольно высоко, пришлось воспользоваться антигравом. Археолог оторвался от поверхности и стал медленно подниматься вверх. Всего пятьдесят метров отделяли его от цели. Белоусов уже ощущал блаженный трепет приоткрывающейся тайны! Сердце взволнованно колотилось. Осталось всего двадцать метров, и он стал понемногу тормозить своё приближение. Десять метров... Пять... Метр... Археолог протянул руку в предвкушении того

величественного мига, который раздели его жизнь на "до" и "после"...

Шар исчез. Белоусов только успел рефлекторно дёрнуть рукой и пролетел мимо...

* * *

На мостике в это время внимательно следили за происходящим на планете и не вмешивались. На этот раз капитан Фаррел доверил работу Белоусову. Хотя он и недолюбливал этого высокомерного человека, но не собирался спорить с ним в профессионализме по вопросу говорящих артефактов.

Когда шар исчез, все невольно ахнули. Фаррел вскочил с кресла и только потом осознал произошедшее.

-- Он быстро переместился?-- спросил капитан.

-- Нет, приборы не фиксировали перемещения,-- ответила Тара и растеряно добавила.-- Он пропал...

Капитан опустился в кресло, обдумывая возможные последствия. Неизвестный разум не хотел идти на контакт, а причина могла лежать в широком диапазоне: от пренебрежения до враждебности. В какую сторону качнулся маятник пока неизвестно.

-- Нашла!-- почти прокричала навигатор.

-- Где он?

-- ...В десяти тысячах километрах от поверхности планеты,-- ответила Тара и добавила.-- Строго над лагерем.

-- Что предпринимает?

-- Ничего, никакого излишнего излучения. Еле заметен, почти сливается с фоновым.

-- Связь с Николаенко,-- потребовал Фаррел. Когда на мониторе показался капитан крейсера, передал местоположение артефакта.

-- Что вы предлагаете?

-- Давайте подождём. Будем держать эту линию связи открытой.

-- Согласен. Ещё подождём, когда Белоусов вызовет нас,-- ответил Николаенко.-- Уверен, он будет не в восторге.

-- Пожалуй. Кажется, шар держится на одной высоте, но двигателей я не заметил,-- высказался капитан, вглядываясь в экран. Ястреб, что скажешь?

-- Я тоже не могу заметить ни единого выхлопа, даже энергетического потока. Орбита не геостационарная. Он словно бы игнорирует законы притяжения, словно привязан к одной точке...

-- На связи Белоусов,-- донёсся голос Кочеренко.

-- Вы видели это?!-- учёный буквально ворвался в эфир.

Выглядел он как взъерошенный воробей.-- Я почти его коснулся! Немыслимо!!!

-- Да,-- как можно спокойнее ответил Фаррел, но тот не унимался:

-- ...Он ушёл! Куда он мог деться?!

-- Профессор, шар у вас над головой.

-- Где?!-- Белоусов посмотрел наверх.

-- На высоте десяти тысяч километров.

-- Кончайте ваши шуточки! Мне не до них!

-- Ястреб, передай изображение на проектор...

Сомнения Белоусова развеялись довольно быстро, когда ему передали результат сканирования околопланетного пространства.

-- Что вы предлагаете предпринять, Александр Николаевич?-- спросил Фаррел.

-- Нужно повторить попытку контакта,-- невозмутимо заявил тот.-- Мы можем подойти на челноке, а затем выйти в скафандрах.

-- А вы уверены, что он вас подпустит на этот раз?

-- Нам ничего другого не остаётся.

-- У меня другое предложение. Очевидно, шар чего-то хочет или ждёт, поэтому наши дальнейшие действия крайне важны. Давайте соберём всех и обсудим дальнейшую стратегию.

-- А шар?!

-- Думаю, он никуда не исчезнет,-- ответил Фаррел.

-- Нет,-- послышался за кадром голос Радненко.-- Мы не можем ждать.

Фаррел хотел бы знать, что стоит за последним высказыванием, но промолчал, не желая подставлять агента под удар. Николаенко тоже не стал задавать вопросов, лишь сказал:

-- Белоусов, расскажите нам, что произошло с вами и Нахуджиновым, когда вы исчезли.

Археолог кивнул и рассказал. После длинного монолога повисла пауза. Все обдумывали услышанное.

-- Да, действительно, скорее всего, это форма искусственного интеллекта или нечто подобное,-- согласился с выводами учёного Фаррел. Тогда давайте подключим нашего специалиста.

-- Юрия Степанова?

-- Да, его.

-- Лучше давайте нашего,-- не согласился Николаенко.-- Всё-таки опыта побольше...

-- Обоих,-- предложил Фаррел и капитан "Непобедимого" согласно кивнул.

* * *

Всё происходящее на планете я видел, можно сказать, в

прямом эфире. Ястреб без вопросов открыл мне канал доступа, и я наблюдал, как Белоусов пытался подлететь к артефакту. Казалось, ещё мгновение и произойдёт невероятное, но желаемому не суждено было сбыться. Представляю, каково было разочарование Белоусова, когда шар исчез буквально за секунду до того, как рука могла бы коснуться его поверхности. Я тоже после этого момента некоторое время тупо смотрел на голограмму, пытаясь понять, не обманули ли меня глаза.

Но шар не пропал бесследно. Он просто отступил. И когда зазвонил коммуникатор, я пытался понять, почему. На связи был Надеев.

-- Юра, вы нам срочно нужны,-- заявил старпом.

-- Что-нибудь случилось?!-- воскликнул я, ожидая любых плохих новостей, вплоть до атаки корабля шаром.

-- Нет-нет,-- поспешил развеять мои страхи Надеев,-- у нас намечается важный полёт,-- в коммуникаторе послышался шум и чьи-то голоса.-- Ждём вас в ангаре.

Я вышел из зала оператора, задаваясь вопросом, о причине вызова. Единственное место, куда можно было лететь, это лагерь, но зачем? -- Непонятно.

Через пять минут я уже был в ангаре. Всё вокруг напоминало муравейник: подготовка разведывательного бота проходила в ускоренном темпе. Одни техники сновали туда-сюда, другие проводили последние тесты, третьи загружали оборудование. Сам корабль оказался весьма крупным и по размерам, если не ошибаюсь, практически не уступал лёгкому корвету. Формой бот напоминал самого Ястреба: те же расправленные крылья и широкий фюзеляж, но нос был не столь острым как у рейнджера. Вход находился как раз под крылом. Корпус был покрыт тёмно-серой красной, которая скрывала корабль от глаз противника, поглощая любое излучение. Только одна надпись выделялась на нём: "Глаз". Что ж, говорящее название, но не мешало бы приписать слово "Ястребиный".

Пилот разведчика уже стоял рядом ботом и разговаривал со старпомом Надеевым, держа перед ним планшет. Очевидно, они обсуждали план полёта. Чуть поодаль Вязов и Ренор о чём-то горячо спорили. Да, находка внесла свои коррективы в общий настрой команды.

Я подошёл к руководителю Научной Группы.

-- А, молодой человек,-- повернулся ко мне Ренор.-- Наш юный герой...

-- Да уж...-- смутился я.

-- ...И вы тоже летите с нами?

-- Да, вот только пока не знаю, куда и зачем,-- признался я.

-- Попробуем приблизиться к аномалии,-- пояснил Вязов.-- Белоусов считает, что это машина, обладающая искусственным интеллектом. Здесь потребуется ваша помощь.

-- Ничего себе!-- вырвалось у меня. Всё внутри ликовало! О таком я даже не мечтал!-- А детали? Как мы это осуществим?

-- Задача номер один,-- продолжал Главный инженер,-- приблизиться к артефакту настолько, чтобы можно было создать картографию излучения, попытаться заглянуть вглубь объекта. Вторая задача -- повторная попытка контакта.

-- Вероятно, мне потребуется помощь Ястреба...

-- Не только,-- кивнул мой начальник,-- параллельным курсом пойдёт второй бот с "Непобедимого".

-- Надеюсь, истребителей не будет,-- высказался Ренор.

-- Да, это явно лишнее,-- согласился Вязов.-- Пойдёмте, надо убедиться, что всё оборудование на месте...

Салон разведывательного бота оказался довольно просторным, что меня в первую секунду удивило, хотя я сразу понял: разведывательный рейд может проходить не одни сутки и жизненное пространство просто необходимо. Здесь имелось два уровня: нижний -- технический, верхний -- жилой, где находилась небольшая кают-компания, и даже имелся отгороженный угол, в котором могли расположиться два-три человека. В кабину было попасть как с верхнего уровня, так и с нижнего, что значительно увеличивало мобильность. Вообще корабль показался мне достаточно функциональным, вот только я никак не мог понять, где же мы разместимся, если разведчик рассчитывался на четырёх человек, а нас было, как минимум, восемь, учитывая команду "Глаза". Среди них я узнал и Манулова. Выглядел бортинженер, как всегда, хмуро, и мне вспомнилась наша первая встреча.

"Неужели он всегда такой угрюмый?"-- подумал я, но не стал спрашивать, тем более что на борт поднялся человек в капитанской форме, а следом за ним шли пилот и Надеев.

-- На всякий случай представлюсь, если кто меня видит впервые. Алексей Васильевич Северин,-- представился капитан "Глаза".-- Можно просто Алексей,-- и указал на пилота.-- Мирослав Йёме.

-- Давайте, оговорим план действий,-- произнёс старпом.-- Времени у нас нет, придётся устраивать конференцию прямо здесь.

Тут же разрешился вопрос с местом. Оказывается, существует ещё ряд кресел, встроенных в стену -- удобное использование пространства. Я вместе с остальными сел за стол, стоявший в середине кают-компании. На нём развернулись голограммы всех не присутствующих здесь участников: Белоусова и Радненко,

капитанов Фаррела и Николаенко, а так же моего коллеги с "Непобедимого", Ватрушина Виктора Яковлевича...

Всего пятнадцать минут потребовалось техперсоналу, чтобы завершить приготовления к вылету, поэтому, когда мы закончили, разведчик уже стартовал. Пока мы выходили из ангара и брали курс на артефакт, другой бот опускался на поверхность планеты и забирал трёх археологов. Остальным пришлось довольствоваться ролью наблюдателей и советчиков на расстоянии.

Приборы, установленные на разведчике, великолепно отображали всё окружающее пространство. Сначала я хотел пойти в кабину, чтобы непосредственно наблюдать за происходящим, но Северин усмехнулся и сказал:

-- В этом нет необходимости,-- и обратился к искусственному интеллекту бота.-- Глаз, проецируй всю информацию в кают-компанию.

-- Выполняю,-- сухо ответил искин, и я подумал, что всё-таки приятнее, когда разговор ведётся на человеческом языке, хотя, конечно, компьютер разведчика имел гораздо меньше ресурсов, чем Ястреб.

"Кстати, не мешало бы проверить прямую связь".

-- Ястреб, ты меня слышишь?

-- К сожалению, да,-- произнёс через коммуникатор искин.

Я только набрал воздуха для ответной речи, как над столом появилась голограмма, отражающее космическое пространство в радиусе действия сенсоров. В сфере их действия лежал "Звёздный Ястреб" и разведчик "Непобедимого". Мощные сенсоры бота дотягивались до артефакта, высвечивая его крошечным шаром. Все объекты отображались условными пиктограммами. По мере движения шар и второй бот приближались. Вскоре оба корабля уже шли параллельными курсами, приближаясь к цели.

-- Время подлёта: десять минут,-- услышали мы голос капитана Северина.

Эти десять минут показались мне целой вечностью. Я как заворожённый смотрел на пиктограмму шара, застыв в предвкушении тайны. Оставшаяся реальность попросту перестала существовать. Были только мы и загадка, одна на всех. Пусть первая попытка провалилась, но теперь у нас больше возможностей склонить чашу удачи в нашу сторону...

* * *

Два разведчика застыли в ста километрах от артефакта -- настало время приступить к выполнению плана. Первым этапом шло сканирование объекта всеми доступными средствами. Голограмма отображала шар в различных спектрах, но ни один сканирующий луч не дал представления о внутренней структуре

объекта. Говоря в терминах программирования, он по-прежнему оставался чёрным ящиком. Единственное, что изменилось -- отражение видимого спектра, и на этот раз оно имело значение равное единице, как идеальное зеркало.

-- Что бы это могло значить?-- недоумевая, спросил Ренор.

-- Всё, что угодно,-- ответил Белоусов. Голограмма передала его задумчивость.-- В любом случае, он поменял стереотип поведения. Будем надеяться, что это добрый знак.

"Действительно, а что ещё остаётся",-- подумал я, прикидывая в уме, что бы могли значить эти изменения, а затем высказался:

-- Может быть, это отношение к происходящему?

-- Поясните,-- заинтересовался Ренор

-- Раньше он поглощал видимый спектр. Если предположить, что это знак того, что артефакт собирает информацию об окружающем его мире. Сейчас он отражает свет...

-- ...готов к диалогу,-- подвёл итог Белоусов, тем самым прервав меня.

-- Да,-- подтвердил я.

-- Возможно. Будем придерживаться сдержанному оптимизму,-- добавил археолог. Мой коллега предложил:

-- Так давайте попробуем связаться ещё раз. Нам же это ничего не стоит.

И мы рискнули. Поскольку шар отражал видимый свет, фотоны ультрафиолета устремились к загадочному объекту, передавая дружественные позывные. "Мы пришли с миром!"-- неслось через километры пустоты, но артефакт не реагировал. Я, если честно, уже начал сомневаться в возможности подобного контакта, но всё-таки не переставал надеяться.

-- Давайте изменим тактику,-- предложил Ватрушин.-- Думаю, он нас не понимает...

-- Что ещё можно сделать?-- засомневался Ренор.

-- Попробуем так: сымитируем человеческий голос только не звуковыми волнами, а электромагнитными той же частоты,-- предложил мой коллега.-- Капитан, передайте ему то же самое, что и раньше.

Северин передал задачу в руки искусственного интеллекта.

-- Бесполезно всё это,-- услышал я слова Радненко. Кажется, некоторые уже стали склоняться к пессимизму.-- Вспомните опыт первого контакта с "макаками".

-- И как это происходило?-- спросил Ренор. Мне тоже стало интересно.

-- Семьдесят лет назад, в момент контакта, на кораблях дальней разведки были установлены радиопередатчики, но каргонцы не реагировали на радиоволны,-- сказал Радненко. Я

только подивился, откуда у него такая информация.-- Только потом мы узнали, что все сообщения у них закодированы лазерными лучами (у них уникальная система наведения луча), поэтому контакт состоялся сближением двух кораблей.

-- Лучше бы мы их никогда и не знали,-- фыркнул капитан Северин.

Я услышал хруст сзади и обернулся. Оказывается, Манулов находился в дверном проёме. Прежде чем бортинженер скрылся, я успел заметить пылающую ненависть в его глазах. Такое ощущение, что он был готов взять монтировку и перебить всех присутствующих. Признаться, с этого момента мне стало тревожно за тыл.

-- Вы предлагаете... подлететь?-- удивился Ренор.-- Но ведь вы знаете, к чему это привело в прошлый раз. Давайте не будем повторять ошибок. Одно дело, если он просто отпрыгнет, а другое -- если захочет избавить от нас.

-- С чего мы взяли, что он вообще вооружён?-- спросил Белоусов.

-- Нужно быть готовым ко всему,-- повернувшись к собеседнику, ответил Радненко.

Спор был готов разгореться, но положение спас сам артефакт: датчики "Глаза" на грани чувствительности уловили вибрацию шара. Искин сообщил:

-- Наблюдаются незначительные колебания контура объекта.

-- Пульсации?-- спросил Белоусов.

-- Периодические,-- ответил искусственный интеллект. На голограмме отразился график частот. Действительно, они скакали, но во всём этом угадывалась скрытая закономерность. Вот только осталось понять, какая. Лично мне это ничего не напоминало. Посмотрев на своих коллег, я понял, что им тоже.

-- Ястреб, перебери все известные системы шифрования,-- сказал я в коммуникатор.-- Вдруг найдётся корреляция...

-- А сам этим заняться не хочешь? Выдам калькулятор и бумажную ленту.

-- Нет, это твоя задача.

-- Азбука Морзе,-- практически мгновенно ответил "воспитанник".

-- Уверен?

-- Да, это один из первых вариантов, как один из самых простых. Он нам говорит: "Я вас жду... Я вас жду..."

-- Стоп,-- прервал я его,-- а то не хватало ещё, чтобы ты вошёл в бесконечный цикл.

-- У меня стоит система защиты на подобный случай. Стыдно этого не знать: больше тысячи раз подряд не повторяюсь.

Я непроизвольно закрыл лицо рукой и тяжело вздохнул. Ястреб на всю свою схожесть с человеком оставался-таки машиной и последнее словосочетание крыло в себе неявное тому подтверждение. Комично, наверное, всё это выглядело со стороны, но, к счастью, никто не обратил внимания на нашу короткую перекличку с искином -- зал просто взорвался предложениями.

-- Он хочет, чтобы мы к нему подлетели,-- настаивал Белоусов.

-- Мы уже пробовали!

-- Он же передумал. Он заговорил с нами!

-- Скорее всего, он собирал информацию, а теперь, обработав её, выдал результат,-- сказал мой коллега с "Непобедимого".

-- Насколько это возможно?-- спросил у меня Вязов.

-- Вполне допускаю такую мысль,-- согласился я. Безумно хотелось уже начать действовать, а не сидеть в разведчике.

-- Всё-таки сделаем вторую попытку?-- спросил Ренор.-- Капитан?

-- Я не против,-- поддержал Фаррел.

-- И я буду участвовать!-- твёрдо ответил Белоусов.

-- Я тоже!-- вырвалось из меня. И не знаю, что послужило тому причиной: безудержное любопытство или бортинженер у меня за спиной.

-- Зачем?-- спросил меня Ренор, а потом сам себе ответил.-- В принципе, это может быть полезным.

-- Это же искусственный интеллект,-- кивнул ему я.

-- У тебя есть опыт выхода в открытый космос?

-- Да,-- самым бессовестным образом соврал я, за что мне тут же стало стыдно, хотя сделал это скорее автоматически, нежели обдуманно.

-- Решено,-- подвёл итог капитан. На этот раз он был немногословен. Голографическое изображение передавало его напряжение.-- Александр Николаевич, Геннадий Алексеевич, вы берёте на себя ответственность за возможные последствия?

Повисло молчание. Отказываться никто не хотел, но и лишний раз брать на себя ответственность тоже. Тем не менее, все услышали то, что и ожидали: Радненко и Белоусов взяли ответственность на себя, а я же оказался в уникальном положении, граничащим с туристическим.

-- Давайте начнём немедленно,-- произнёс Белоусов.

-- Нужно будет сблизить наши боты,-- донёсся голос Северина.-- Готовьтесь к выходу...

Пока корабли совершали манёвр сближения и шли к одной точке, мне предстояло облачиться в скафандр. Задание не столь

простое, как кажется на первый взгляд. Да, раньше вообще нельзя было обойтись без посторонней помощи, и хотя сейчас, конечно, технологии ушли далеко вперёд, я не стал строить из себя чемпиона по полётам в безвоздушном пространстве и не отказываться от предложенной капитаном помощи.

Я и Северин спустились вниз и остановились около шлюза, где нас принял Манулов.

-- Руслан,-- обратился к нему капитан,-- дай оболочку Мирослава. Должно подойти по размеру.

Пока бортинженер открывал контейнер, в котором хранился скафандр пилота, мне подумалось спросить о причине вечной хмурости техника, но я промолчал, посчитав, что излишне много думаю об этом: все мы разные и у всех свои странности. Кто знает, может он лицом к лицу встречался с каргонцами. Тогда такое поведение неудивительно. Я мысленно вздохнул, подумав о бессмысленности нашего противостояния с Каргоном...

-- Связь будете держать через стандартные устройства,-- отвлёк меня от размышлений голос капитана.-- Когда наденешь, проверим.

Манулов тем временем выложил скафандр. По размеру он мне подошёл идеально и весил относительно немного, всего около десяти килограмм. Когда перед лицом захлопнулось забрало, Северин постучал пальцем по его стеклу.

-- Удобно?

-- Вполне,-- ответил я. Голоса извне звучали слегка приглушённо. Это почему-то меня позабавило.

-- Глаз, включай связь.

-- Выполнено,-- ответил искин.-- Проверка скафандра завершена. Функциональность подтверждена.

-- Как меня слышно?-- услышал я капитана одновременно из двух точек.

-- Работает.

Северин и Манулов ещё раз проверили герметичность, после чего прочитали мне короткую лекцию на тему как пользоваться скафандром. Я жадно слушал их, впитывая каждое слово. В принципе, всей аппаратурой управлял искин "Глаза". Моя задача сводилась к заданию приоритетов и управлении двумя реактивными двигателями, закреплёнными на спине -- для этого имелось два джойстика, выступающих на "подлокотниках". Выхлоп, как мне пояснили, они давали слабый, что сказывалось на тяге, но оно и понятно: не ставить же на скафандр двигатели от истребителей. После того, как я повторил всё слово в слово, капитан сказал:

-- Отлично, давай в шлюз.

Я сделал первые шаги. Было неудобно из-за тяжёлых подошв, но идти мне совсем немного, поэтому я даже не стал думать об этом. Я пребывал в приподнятом настроении, но одновременно с этим понимал, какая ответственная задача лежит на мне. Когда двери шлюза сомкнулись, я почувствовал, насколько всё серьёзно. Нет, не то, чтобы я не осознавал это раньше, но чувство пришло именно сейчас, когда я услышал звук насоса, выкачивающего воздух. Я вытащил крючок фала из стены и закрепил его на скобу своего скафандра -- стандартная мера предосторожности, много раз спасавшая жизни людей.

Наконец, створки двери стали расступаться, и вдалеке я увидел второй разведчик. Выглядел он так же как и наш, невероятно грациозный и красивый. Взгляд буквально приковался к едва уловимому силуэту, пробудив во мне спящего эстета. По полу прокатилась волна, передав звук механизмов шлюза. Теперь можно было выходить.

Я сделал шаг, затем второй и вдруг понял, что стою на краю бесконечной во все стороны пропасти. Страх на мгновение сковал меня.

-- Всё нормально, Юра,-- услышал я голос Северина.-- Это у всех бывает. Нужно перебороть себя. Сделай это так же, как ты делал раньше.

Вот тут-то я и пожалел, что соврал. Правду говорят те, кто утверждает, что ложь наказывается. Вот оно моё наказание: чёрная бездна космоса, завораживающая и пугающая. Мой страх чётко фиксировала хитрая аппаратура скафандра и предательски передавала на пульт. И тут я подумал: почему я позволяю организму обманывать себя? Ведь знаю, что как только переступлю границу, гравитация исчезнет и не будет никакого падения. Собрав волю в кулак, я заставил себя прыгнуть и почувствовал, как тело стало невесомым. Руки непроизвольно дёрнулись, пытаясь ухватиться за пустоту, но я тут же вернул контроль.

-- Бывает,-- сказал капитан.-- Это реакция на перепад гравитации. У некоторых это и не проходит.

-- Да, понял,-- ответил я, чувствуя, что мгновенно вспотел.-- Белоусов уже вышел?

-- Нет, готовится к выходу. Попробуй передвигаться с помощью двигателей. Работал с ними?

-- Пока нет,-- ответил я и схватил джойстики. Рукоятки ходили легко, и двигатели слушались хорошо, обеспечивая плавный ход. Главное при этом было не закружиться или не пережечь фал. И хотя тот сделан из огнеупорного материала, подумалось, что необходимо следить ещё и за этим. Сначала

кажется всё таким простым, а при приближении обнаруживается множество мелких проблем, о которых и не догадывался.

Двери шлюза второго разведчика разошлись и выпустили маленькую фигурку. Очевидно, это Белоусов. Я наблюдал за его движением и с белой завистью понял, насколько хорошо он управляет движением: никаких рывков и лишних поворотов.

-- Что у нас с объектом?-- услышал я голос археолога, но спрашивал он не меня. Общий канал связи так и оставался открытым.

-- Пока ничего нового,-- ответил Ренор.

-- Степанов, следуй за мной,-- на этот раз учёный обратил на меня внимание.-- Торопиться не будем, сначала просто приблизимся на двадцать метров.

-- Если что-нибудь заметите опасное, сразу возвращайтесь,-- снова напомнил о себе руководитель Научной Группы.

"Знать бы ещё как выглядит это "опасное",-- подумал я и ответил.-- "Очевидно, нечто круглое".

Наверное, эта мысль отвлекла меня, и я почувствовал себя раскованнее и увереннее. В конце концов, надо оправдать возложенное доверие, а не заниматься рефлексиями.

Я и Белоусов приближались к шару. Разведчики зависли на расстоянии двухсот метров от него, но артефакт пока нельзя было разглядеть невооружённым глазом, а направлять на него огни никто не предлагал. Вообще мы старались "фонить" как можно меньше, а потому я ориентировался по данным навигационных приборов, которые проецировали изображение прямо на стекло.

До артефакта осталось всего пятьдесят метров, когда я заметил его. Он чернел на фоне пелены космоса и притягивал взгляд, но совсем не так, как привлёк меня разведчик-близнец. Там была красота дизайна, а здесь красота скрытой силы и манящая загадка. Я не заметил, когда притормозил Белоусов, чуть отстав от меня. Непреодолимо влекло к этому шару. Тайна звала меня, притягивала физически. Смутно помнится, что кто-то кричал по радио, но для меня это был лишь фон, назойливая трель комаров.

Вот расстояние сократилось настолько, что уже можно было разглядеть на поверхности шара своё отражение, чуть искривлённое неровностью идеального зеркала. Я подлетал всё ближе и ближе, чувствуя, как растворяюсь в мироздании. Рука сама протянулась к загадке, и даже через толщу перчатки скафандра ощущалось тепло живого существа. Теперь я уже не Юрий Степанов. Нет. Я видел окружающее меня пространство во все стороны одновременно, во всех диапазонах. Эта картина застыла перед взором калейдоскопом неведомых цветов. Я видел,

как из неведомых сознанию глубин формируется реальность. Это волшебство вселенской игры завораживало больше, чем всё, что я когда-либо узнавал, больше, чем вопрос происхождения шара.

Ощущение пространства потерялось, хотя я чувствовал, как меня куда-то засасывает, но не сопротивлялся, потому что не видел угрозы. Совсем наоборот, это было приятно, словно тебя прижимала к груди мать, любящая и добрая -- идеал, видимый только из детства, прижимает с такой нежностью, что ты растворяешься в ней...

Рывок вернул меня в реальность. Я лежал на полу в ярко освещённом помещении и не понимал, как попал сюда.

Я поднялся, ощущая тяжесть снаряжения, и посмотрел налево, а затем направо: в обе стороны уходил длинный коридор, стены которого мягко светились. Сначала я подумал, что нахожусь на "Звездном Ястребе", но если так, то почему моим последним воспоминанием было приближение к артефакту, причём его зов казался настолько сильным, что я потерял ощущение реальности происходящего. Паника начала подкрадываться ко мне. Руки дрожали, мысли лихорадочно метались. Неужели я внутри шара? Если так, то выстраивая реальность из моих воспоминаний, артефакт не проявил никакой творческой активности -- всё это точная копия коридоров Ястреба. Но тогда возникают логичные замечания: почему трос не вытянул меня?

Я посмотрел на фал и похолодел: кончался он примерно в десяти сантиметрах. Ровные края указывали на то, что его не пережгли или обрезали, но что могло "разорвать" трос толщиной три сантиметра из материала, способного выдержать невероятные нагрузки?

Ещё одно загадочное обстоятельство: почему виден коридор, если размеры шара гораздо меньше? Здесь какое-то сжатие пространства? Одни вопросы и самый главный: почему я здесь? Почему именно я? Надеюсь, случайность -- не люблю, когда мною манипулируют.

-- Эй, вы меня слышите?-- произнёс я в гарнитуру, но, как и следовало ожидать, никто не ответил. Я попробовал докричаться ещё раз, но тщетно.

"Итак,-- подумал я, пытаясь мыслить хладнокровно,-- выбор у меня, как у Ивана-царевича. Налево пойдёшь -- коня потеряешь, на право -- смерть найдёшь, а прямо пойдёшь -- на стену наткнёшься",-- попытался я себя взбодрить. Как ни странно, получилось. Налево ходить неприлично, направо -- страшно, а прямо -- бесполезно. И тут возник вопрос: а не так ли уж бесполезно? Если всё, что окружает меня -- некое подобие виртуальной реальности, выстроенной по моим воспоминаниям, то стоит попробовать подумать, что именно эта дорога ведёт к ответам на мои вопросы.

Я сделал шаг вперёд, и произошло чудо: стена растворилась, и передо мной расстелился ещё один путь, заканчивающийся дверью. Жутковато было осознавать хрупкость окружающей реальности, ведь даже в виртуалке созданный мир не казался столь реальным! Там, если приглядеться, можно было заметить крошечные отличия от реальности, а здесь... Нет, жутковато,

словно я попал в какую-то капсулу, как застрявший муравей в янтаре, но пришлось снова задавить рождающуюся панику: "Ну надо же, сам создал этот путь, а теперь боюсь пройти по нему. Необоснованные страхи всё, наговариваю себе..." Помогло. Теперь можно идти дальше, и хоть передвигаться было неудобно, но меня это не беспокоило: хотелось узнать, зачем я здесь.

Дверь отошла в сторону с тихим журчанием механизмов. Помещение, находящееся за ней, напоминало рубку. У обзорного экрана горели огоньки панелей. Слева висела голографическая доска, а капитанское кресло оказалось повёрнуто к выходу, словно ожидая своего хозяина.

Я так и остановился на пороге, не решаясь войти. Потом подумалось, что не мешало бы проявить толику вежливости:

-- Здравствуйте. Извините, что потревожил. Я хотел бы поговорить.

Понятно, что глупо звучали слова, но других не нашлось. Разумеется, никто не ответил, и я, застыв в напряжённом ожидании, прислушивался к тихому шуршанию несуществующей аппаратуры. Текущее положение казалось мне абсурдным: если пригласили зайти, то почему никто не встречает? Где хозяин этого... разума?!

-- Есть здесь кто? Я хочу поговорить!

Кресло слегка качнулось. Сначала пришла мысль, что мне просто показалось, но затем оно дернулось второй раз. Меня приглашали сесть?

Я сделал несколько нерешительных шагов, застыв посередине "рубки", ничего не происходило, и тогда я осмелился сесть в кресло. Оно с трудом вместило меня, не потому, что было узким, наоборот, это я был слишком объёмным в своём скафандре. Конечно, тут же возникла мысль, поднять забрало, но такое решение казалось, по меньшей мере, опрометчивым.

Внезапно я почувствовал чей-то взгляд. Он исходил со стороны входа, но там никого не было. Стало невыносимо жутко и захотелось исчезнуть, убежать куда угодно, лишь бы подальше. Я попытался убедить себя, что всё это лишь игра разума, но ощущение не пропало, наоборот, стали происходить ещё более странные вещи. Я остро ощущал чьё-то присутствие и даже месторасположение этого нечто. Никогда не верил в существование призраков, но сейчас готов был поверить. Кровь застыла в жилах, когда "оно" сначала вылетело на середину рубки, а затем резко приблизилось ко мне (даже через защитный слой скафандра я ощутил морозный ветер), затем пролетело вокруг меня и снова зависло в центре. Я сидел, боясь пошевелиться, но внезапно прозвучал мелодичный женский

голос:

-- Прошу прощения. Меня не видно?

-- Э...-- протянул я, пытаясь справиться с собой.

В центре помещения начал материализовываться шар: сначала он казался едва заметным, почти прозрачным, затем "проявился" настолько, что его можно было хорошо разглядеть. Нет, он не походил на тот, который я видел, находясь снаружи, здесь он скорее напоминал дух, шаровую молнию, светился переливающимся голубоватым светом и был покрыт электрическим туманом.

-- Вы меня видите? Слышите?-- спросил Шар.

Ответить удалось не сразу: я не мог открыть рта, но всё-таки удалось собрать мысли в кучу и сказать:

-- Да.

-- Хорошо. Странно, что вы меня не увидели раньше.

Меня такая формулировка несколько удивила, но ещё больше поразил следующий вопрос, его я вообще не ожидал услышать:

-- Где мы? Когда мы?

Я не знал, чем вызван этот вопрос и почему именно ко мне. Если честно, мне и самому хотелось спросить нечто подобное.

-- Я не знаю.

-- Вы не знаете,-- понял шар, и я решил перехватить инициативу:

-- Кто ты? Молния?-- спросил я и понял, что как любой человек, встретившийся с неизвестным, пытаюсь дать ему имя.

-- Молния? Электрический разряд... Эффектно... громко... красиво... Возможно...

"Типичный ассоциативный ряд!"-- мысленно воскликнул я, ведь я знал, что именно с этого начинается обучение искинов работе с данными.-- "Так чего же я испугался? Передо мной всего лишь фантом, улучшенная версия голограммы! Я же общаюсь с искусственным интеллектом корабля! Ещё одно косвенное подтверждение. Спросим..."

-- Кто тебя создал?

-- Я думала, вы,-- задумчиво ответил Шар. Я обратил внимание на самооценку: этот искин называл себя через женский род, но мы всегда называли машины через мужской. Ладно, пусть будет женский... Интересно, это имеет значение?

-- Почему?

-- Я не помню. Всё смутно...

Артефакт, искусственный интеллект, который не помнит, кто он! Поразительно! Машина не может забыть что-то: она либо знает, либо не знает, иного не дано. Хотя здесь уже вопрос в интерпретации слов: если удалить информацию, а оставить

логические ссылки на неё, то это можно условно назвать забыванием.

-- А что значит "не помню"?

-- Просто не помню,-- шаровая молния запрыгала. Я решил не торопить события. Это могло быть опасно.

-- Как мне тебя называть?

-- Не знаю... Предложи...

-- Молния? Ты очень похожа в этом образе на шаровую молнию. Как тебе имя, Молния?

-- Мне нравится,-- она начала весело раскачиваться, словно в неведомом танце.

-- А меня зовут Юра.

Вместо ответа, она несколько раз подпрыгнула, засветив ещё ярче.

"Так, значит, она знакома с системой имён",-- подвёл я итог и отметил, разглядывая электрическое облачко вокруг шара:

-- Ты легко можешь преобразовать свой вид.

-- Да, а для вас это проблема?

-- Есть такое,-- с некоторой заминкой ответил я, размышляя над вопросом: казалось, для неё это было естественным, как для нас ходить и говорить.-- Нас просто удивило, что ты меняешь спектры поглощения и отражения.

-- О, не знаю, что в этом необычного. Мне казалось, что здесь нет ничего необычного. Сначала я пыталась собрать как можно больше информации, а потом, когда она была собрана, я просто стала отражать.

-- А почему менялся только видимый спектр?

-- Не знаю. Я слабо контролирую процессы.

"Нечто вроде естественной реакции",-- оценил я.-- "Похоже... Наверное".

-- Я думаю, дома могла бы вспомнить,-- продолжала Молния.-- Меня зовёт домой...

-- А где твой дом?-- спросил я, как заправский психоаналитик, схватившись за зацепку, которая раскроет тайны души пациента. Удивительно, но совсем позабылся страх перед неизвестным. Я его не воспринимал как нечто экстраординарное. Этот шарик казался мне заблудшим ребёнком, потерявшим родителей и не более того. Мне даже было жаль её.

-- Не знаю, пытаюсь вспомнить дорогу.

-- А ты не помнишь, что было до сна? Может я смогу тебе помочь.

-- Смутно...-- охотно ответила Молния,-- лишь образы... помню планету... на ней очень тепло, ветер гуляет над лесами, птицы... даже молнии бывают.

Мне показалось, она улыбнулась, хотя как я мог это почувствовать? Игра оттенками тональностей звуков нарисовала такую картину.

-- На этой планете тебя создали?

-- Скорее всего. Но я не знаю... Но чувствую, надеюсь, интуиция меня не подводит...

Такого даже Ястреб не позволял себе говорить! Интуиция?! Этот механизм формируется в подсознании, уже довольно давно известны этапы этого процесса, но несмотря на это, воссоздать его невозможно, поскольку работа самого подсознания до сих пор остаётся тайной за семью печатями. Неужели древней расе это удалось?

"Удивительный искин",-- с профессиональным любованием отметил я.

-- Может быть, создали тебя и не мы, но у нас есть похожие на тебя.

-- Правда?-- удивилась Молния.

-- Есть искусственный интеллект. Он, конечно, не сравнится с тобой, но...

-- Искусственный?

-- Да, созданный кем-то,-- поспешил пояснить я, всё больше чувствуя себя психологом, чем робопсихологом.

-- Будет интересно с ним пообщаться, хотя странный термин вы используете, ведь вы тоже созданы.

-- Созданы?-- удивился я.-- Кем?

-- Природой,-- ответила Молния.-- Мне кажется, все мы созданы кем-то. А ты как считаешь?

-- Вполне возможно. Во всяком случае в этом что-то есть,-- ответил я и тут понял, что даже не уточнил, где нахожусь и почему. Следующий мой вопрос был, конечно, об этом.

-- Внутри меня. Мне нужно понять, где я. Сначала я увидела двоих людей, но они отказались назваться моими создателями. Затем один из них захотел приблизиться ко мне. Я не знала, как реагировать, потому ушла на орбиту.

-- Ты испугалась?

-- Нет, я решила подождать, всё обдумать. Мне требовалось время...

-- А почему ты решила поговорить именно со мной?

-- Тот мне не понравился,-- шёпотом ответила Молния, словно боялась, что её услышат.-- Он тщеславен. Меня это пугает. Странный он. Никогда таких не встречала... хотя, может быть, просто не помню...

-- А я?

-- Нет, ты хочешь понять меня... хочешь мне помочь...

-- Да, ты загадка,-- признался я. Любому приятно, когда о тебе отзываются положительно.-- Мне интересно понять тебя.

-- Спасибо,-- совсем по-женски ответила Молния. Уверен, если бы она выглядела человеком, то ещё бы и покраснела.

-- А я могу выйти обратно?-- спросил я, боясь услышать отрицательный ответ.

-- Да, если хочешь, но разве тебе надо идти?

-- Мне хотелось бы предупредить остальных. Они могут испугаться, что я пропал.

-- Я им передам, что ты здесь... Передала. Там два космических корабля около меня и ещё несколько поодаль.

-- Что они делают?

-- Двигаются. Который побольше стал между мною и другим. Чего они хотят?

Меня словно током ударило. Ну, конечно! "Несколько поодаль" -- авианосец выпустил истребители и встал на линию огня, загораживая "Звёздный Ястреб" своим могучим телом.

"Что они делают?! Я же только что исчез!"

-- Мне нужно немедленно связаться с ними!-- испуганно закричал я. Вот-вот могло случиться непоправимое!

-- Да, конечно...-- удивлённо ответила Молния.-- Они хотят тебя видеть... Ты, наверное, по ним скучаешь. Но ты вернёшься?

-- Обязательно! Это просто необходимость.

-- Я понимаю... буду ждать.

С левой стороны образовалась шлюзовая камера. Я поднялся с кресла и пошёл к выходу настолько быстро, насколько мог...

* * *

Наивно я полагал, что всё кончилось, когда, наконец, смог снять скафандр: в шлюз буквально ворвались Белоусов, Ренор, Лунько и даже капитан Фаррел. Начальник Службы Безопасности почему-то с подозрением смотрел на меня, словно подозревал в сговоре со всеми врагами Лиги сразу. Думаю, он размышлял над вопросом, почему меня отпустили и меня ли, но, несмотря на это, настроение поднялось достаточно, чтобы сбросить его с такой высоты: я только что приоткрыл завесу тайны! И, следует отметить, весьма искусно. Во всяком случае, мне так казалось.

Белоусов первым набросился на меня с расспросами. Я так и не понял, что сильнее толкало его: желание узнать результат или злость из-за того, что не он стал первопроходцем. Но с ответами пришлось подождать, пока мы все не собрались в зале для брифингов -- на этом настоял капитан. Как я понял, требовалась ещё и запись моего рассказа, которую можно было бы отправить в центр для отчётности.

Позже, когда первые эмоции улеглись, а я коротко изложил

наш разговор с Молнией, мы смогли приступить к обсуждению последних событий. Оказалось, что я отсутствовал порядка пяти часов, хотя по моим внутренним часам прошло порядка получаса. Вероятно, я слишком долго был без сознания. Всё это время капитаны двух кораблей держали артефакт под прицелом орудий, а авианосец час назад выпустил истребители. Исчез я для них неожиданно: просто взял и пропал, а назад вернулся только огрызок фала. Общую реакцию представить оказалось нетрудно.

-- А как... Молния отреагировала на наши движения?-- спросил Фаррел.

-- Никак. Кажется, она не осознаёт опасность, исходящую от кораблей. Прежде всего, ей хочется разобраться в себе. Она подкована в технических вопросах, знает базис, множество понятий и даже связей между ними -- в этом она не является ребёнком или... Маугли. Но странно, что она ничего не знает о своём происхождении или о нас -- память заблокирована.

-- Почему же странно?-- удивился Ренор и напомнил.-- Пролежать столько лет...

-- Странно потому, что "процессор" не поврежден. Вероятно, он долговечнее памяти, я не спорю, но мне кажется, проблема не в этом.

-- Это что, какая-то компьютерная амнезия?-- предположил Ренор.

"Если бы я знал",-- подумалось мне, но тут в голову пришла совершенно дикая мысль:

-- А может...-- неуверенно начал я, но затем всё-таки решил выложить.-- Может быть, кто-то намерено стёр память и оставил этот артефакт специально для нас...

-- Здравая мысль. Косвенно это подтверждает знание языков,-- неожиданно поддержал меня Ренор и тут же добавил,-- но откуда столь древняя цивилизация знала наш современный язык, даже не берусь предположить.

-- Они что, могли заглядывать в будущее?-- удивился Фаррел.

-- Если так, то я даже не берусь судить, насколько они продвинулись в изучении основ пространства и времени...-- в глубокой задумчивости ответил Ренор. Руководитель научной Группы смотрел куда-то вдаль, словно желая найти ответ именно там. Мне же казалось, что мы так никогда и не узнаем замысла создателей Молнии, насколько далёкими казались мне эти загадочные существа.

-- Но в таком случае возникает вопрос: зачем им было оставлять посланника, причём, именно такого посланника?-- обратил внимание Лунько.-- Если она ничего не знает, то зачем она здесь? Не согласуется.

-- Она не знает,-- напомнил я.-- Молния, как ребёнок. Она мне напоминает несформировавшийся искин, очень мощный, с развитой логической сеткой, но очень молодой...

-- Да, сначала надо понять цель этого... корабля,-- сказал Белоусов.-- Может быть, память не доступна ей временно? Кто знает логику создателей...

-- ...разработчиков...-- тихонько поправил я и, как оказалось, зря: глаза археолога вспыхнули злостью. Этого оказалось достаточно, чтобы я замолчал. Очевидно, он никогда не простит мне украденных лавров. Не такой человек этот Белоусов.

-- Логика может отличаться от нашей, человеческой. Мы всё время пытаемся относиться к ней, как к земной технике или... разумному существу,-- дополнил археолог.

-- И что из этого следует?-- спросил Лунько.

-- Без понятия,-- ответил археолог.

-- Но логика её действий не такая уж и внеземная,-- отметил Ренор.

-- Что вы хотите этим сказать?-- с вызовом спросил Белоусов, но Руководитель НГ, казалось, не заметил этого.

-- Всё, что рассказывали вы и Юра, вполне укладывается в рамки нашей логики. Даже прыжок на орбиту.

Нужно отметить, что Сергей Андреевич этим высказыванием навёл меня на очень интересную мысль:

-- Она подстраивается под нас. Да, точно!-- воскликнул я, вспомнив первые минуты своего пребывания.

-- Поясните.

-- Мы сами настроили её так, чтобы она смогла общаться с нами, указав планету и язык. Уже передо мной она тоже настраивалась, чтобы я её увидел.

-- Иными словами, вы хотите сказать, что в ней заложено одновременно множество логик и образов, весь банк данных, известный древней расе,-- предположил Ренор.

Если честно, мысль моя ещё до этого не дошла, но я не мог отрицать сказанное:

-- Вполне возможно, что так.

-- Вы вообще тогда понимаете, на что мы наткнулись?!-- возбуждённо воскликнул Белоусов.-- Это же ценнейший источник информации!

-- Несомненно,-- ответил Ренор.

-- Мы можем на неё влиять?-- повернувшись ко мне, спросил Фаррел.

-- Да...-- неуверенно ответил я, не понимая, к чему этот вопрос.-- Во всяком случае, мне так кажется...

-- Нужно убедить её сотрудничать с нами,-- пояснил

капитан.-- Пока мы не знаем назначения этой машины и её возможностей, мы не можем предугадать последствия нашей встречи. Этот контакт должен состояться, и главное сейчас, чтобы она не воспринимала нас как противника или недоброжелателя.

-- Я в чём-то должен её убедить?-- меня эта идея не прельщала, и я решил твёрдо: врать Молнии я не буду не при каких обстоятельствах. Что-то потребительское проскакивало в словах капитана, хотя я его прекрасно понимал.

-- Да, необходимо убедить, что все мы хотим ей помочь.

-- Думаю, ей будет интересно пообщаться с Ястребом,-- предложил я.-- Я сказал, что у нас есть её аналоги.

-- Насколько это опасно?-- спросил Фаррел.

-- Я думаю, неопасно. Мы запустим Ястреба в режиме ограниченного действия. Главное выбрать интерфейс, который бы не смог обойти защитные системы.

-- Мы сможем следить за диалогом и контролировать его?-- спросил Лунько.

-- Да.

-- Хорошо,-- с явным удовлетворением согласился капитан.-- Когда вы обещали вернуться?

-- Я не указал точного времени.

-- Давайте сделаем так: сейчас вы идёте в медкабинет, Оля должна вас проверить, а затем поспите. За это время челнок будет готов. Лунько полетит с вами.

Я кивнул, но, подумав, ответил:

-- Лучше я один. Молния не захотела иметь дело с Белоусовым.

-- Почему?-- спросил археолог. При этом его глаза были полны искреннего удивления. Я даже не знал, как ему ответить. Сказать правду, означало уязвить его самолюбие, и тем самым окончательно превратить его во врага, а врать, мне не хотелось.

-- Мне кажется, я завоевал доверие,-- уклонился я от ответа. Видимо, учёный всё-таки хотел добиться большего, но, к счастью, меня спасло то, что на пороге появилась Ольга. Янковская с укоризной посмотрела на всех присутствующих и произнесла:

-- Это не дело!-- дверь за ней закрылась, и она подошла к столу.-- Почему вы не отдаёте мне моего пациента. По протоколу Юрий Степанов должен пройти медицинское освидетельствование...

-- Да, Янка, ты права,-- вздохнул Лунько, не став настаивать.

-- Итак, значит решено,-- сказал Фаррел.

-- Да,-- ответил я. Чего тут непонятного?

-- Нет, мы не решили, что делать!-- запротестовал Белоусов.

-- Уже решили,-- ответил капитан.-- Степанов летит один

сразу, как только Ольга разрешит,-- он повернулся к Яновской и вопросительно посмотрел на неё.

-- Да-да, я всё понимаю,-- ответила она.

В общем-то, я был рад, что Ольга вытащила меня с этого "совета": кто знает, как могла повернуться ситуация? Мне показалось странным, что Белоусов не протестовал против моего предстоящего визита, что вызвало определённое беспокойство: не задумал ли чего этот археолог? С него станется, но пока мне отчаянно везло, и я даже не пытался осознать масштабы этого везения. Всегда мечтавший о приключениях и великих открытиях, я оказывался в самой гуще событий. Впрочем, думаю, всё это неслучайно, ведь проблемы попадались именно по спецификации моей работы. Вот уж не думал, что должность инженера по системам искусственного интеллекта включает в себя и поимку террориста, и общение с древним артефактом. Интересно, а что она ещё включает? Надеюсь, не ведение закулисной борьбы с одним из лучших археологов Земли.

* * *

-- ...Ну вот,-- я посмотрел на приветливо замигавший шар в центре рубки,-- пришёл.

-- Да, я ждала тебя,-- ответила Молния.

Это я уже знал. Узнал утром, как только связался с научной группой. Ренор сказал мне, что на все вопросы она либо молчала, либо отвечала односложно: "Я жду Юру". Меня это так поразило, что я даже на некоторое время потерял дар речи. Сергей Андреевич, не дождавшись адекватного ответа, направил меня в его лабораторию.

Оказалось, что пока я спал, Белоусов снова вернулся на планету, а Ренор и Ястреб всё это время анализировали собранные данные. Искин даже попытался вступить с Молнией в контакт, но ответ не оставался тем же. В принципе, её поведение легко объяснялось: всегда надёжнее иметь дело с уже знакомым человеком.

Прямо из лаборатории я сразу же направился в ангар, где меня уже ждал готовый к отлёту разведывательный бот "Глаз", и через час уже находился здесь, в рубке корабля-артефакта.

Я посмотрел на прыгающий шарик и улыбнулся: ей богу, как дитя. Вот уже не думал, что этот артефакт может настолько ко мне привязаться, а раз так, то я остаюсь на острие разведки, и теперь, когда первый контакт налажен, следует закрепить успех и приступить к дальнейшей работе:

-- Я могу сесть?

-- Конечно,-- кресло повернулось ко мне.-- Можешь поднять забрало. Здесь привычная для тебя атмосфера.

-- А откуда ты знаешь, какая атмосфера для меня лучше?

-- Вы дышите в атмосфере, состоящей из азота, кислорода и других газов, иначе -- воздухом. И здесь воздух. Баллоны твоего скафандра, атмосфера корабля заполнены им.

-- И для тебя не составило труда узнать это?-- спросил я, садясь в кресло.

-- Нет.

-- А как ты это определила?

-- Я просто захотела узнать и узнала.

-- То есть ты... создала приборы?..

-- Нет, я могу видеть на любом расстоянии в любом спектре.

-- Ничего себе,-- вырвалось у меня. Я хотел спросить, каково это, видеть на любом расстоянии, но тут же вспомнил, как ощущал мир перед тем как попасть в эту рубку.

-- Мне помнится, мои создатели дышали воздухом...

Я решил последовать совету Молнии и рискнуть, подняв забрало. Признаться, сделал я это не без внутреннего сопротивления, несмотря на то, что датчики подтверждали её слова. На моё удивление здесь даже присутствовали запахи кожи и проводки -- удачная имитация кабины, даже в мелочах.

-- Как тебе это удаётся?

-- Не поняла...

-- Создать такую правдоподобную иллюзию.

-- Не понимаю тебя. Это не иллюзия. Разве ты не видишь?-- в голосе действительно проскользнули нотки удивления.-- Нет, это было здесь.

-- То есть?.. Подожди, давай разберёмся. Где я конкретно нахожусь? Внутри тебя?

-- Вот же я,-- Молния засигналила габаритными огнями.-- Как ты можешь находиться внутри меня? Ты у меня дома... В гостях...

-- И это помещение уже находилось здесь до того момента, как ты осознала себя?

-- Да, именно так. Тебя это беспокоит?

-- Да...-- ответил я.

-- Почему?-- снова в интонациях прозвучало удивление.

-- Мне интересно, а это пространство было создано в тот момент, когда мы нашли тебя или существовало до того?

-- Когда я проснулась, оно уже существовало. Зачем ты задаёшь такие вопросы?-- пока я собирался с мыслями, Молния добавила.-- Ты сделал вывод, что меня намеренно оставили?

-- Очень похоже на то,-- признался я.

-- Зачем?

-- Именно этот вопрос и волнует меня сейчас...

Я повернулся к приборной панели. До этого момента я их не

рассматривал -- не было времени, но она мне казалась важной уликой, словно я мог найти адрес производителя или хотя бы штрих-код. Здесь были вполне стандартные средства навигации и управления. Любой знающий пилот вряд ли испытал бы затруднения с управлением. Если так, то версия о том, что кто-то запрограммировал этот корабль на то, чтобы им могла воспользоваться любая раса, любая форма жизни, если угодно, подтверждалась. Если бы не люди нашли его, а скажем, какие-нибудь разумные микробы, то всё это пространство представлялось бы и им в привычном виде. Вот только догадывается ли Молния об этом? Думаю, да. Как же иначе?

-- Ты знаешь, что это и для чего?-- спросил я.

-- Да, это панель управления моим домом.

-- Мне кажется, твой дом -- корабль, а ты его интеллект. Мы часто используем такую комбинацию.

-- Не понимаю.

-- Управление кораблём слишком сложная задача для отдельного человека,-- пояснил я.-- Всегда проще доверить вычисления тому, кто делает эту работу лучше тебя и быстрее, а ты будешь выполнять ту работу, которую выполняешь лучше. Понимаешь?

-- Кажется, да.

-- Это называется разделением труда. Каждый делает то, с чем справляется лучше. В результате выигрывают все.

-- Но тогда ты не будешь знать, как делать другие вещи,-- разумно заметила Молния.

-- Да,-- согласился я,-- но никто не может охватить все области сразу.

Она не ответила. Вероятно, она молчала о многих своих мыслях, настолько повисшая тишина казалась мне задумчивой. Решив, что тема исчерпана, я перешёл к новому вопросу:

-- Один из искусственных интеллектов пытался вступить с тобой в контакт. Ты знаешь об этом?

-- Да, я отказалась.

-- Почему?

-- Я ему не доверяю. Его основа кажется мне сомнительной,-- ответила она, а я отвлекся от изучения, не поняв последних слов:

-- Это как?

-- Он не живой,-- она подплыла ко мне, остановившись у приборной панели.

-- Ну... да...-- пробормотал я.

-- Мне кажется странным общение с тем, что притворяется живым... это... противоестественно!-- вспыхнула она ярким светом.-- Теперь я понимаю, почему вы называете их

"искусственными". А ты меня понимаешь?

-- Надеюсь, да,-- ответил я, хотя ничего не понимал. Единственное, что вынес из разговора, было то, что она не считает себя компьютером, и... не любит компьютеры?! Искин, который не любит компьютеры! Как такое возможно? Замечательно, она ещё и с предрассудками! Весь винегрет недостатков человека и достоинств машины.-- Мы бы хотели открыть канал, по которому ты смогла бы черпать информацию. В нашей базе данных многие достижения нашей культуры, техники, истории...

-- Мне было бы это интересно,-- Молния запрыгала и стала переливаться всеми цветами радуги. Она веселилась.

-- Только тебе придётся познакомиться с Ястребом.

-- Кто это?

-- Наш искин. Он обслуживает все данные.

Молния мгновенно замерла, словно в тревоге. Цвета застыли.

-- Да, я попробую,-- ответила она.

-- Главное наладить канал связи. Попробуем любой на твоё усмотрение, если мы сможем принять такой сигнал.

-- Тогда для простоты не будем менять принципа связи: голосовая передача электромагнитными волнами.

-- Действительно, зачем изобретать велосипед. В общении он даже похож на человека. Многие члены нашей команды даже относятся к нему, как к человеку.

-- Проверю,-- как мне показалось с прищуром, сказала она...

И Молния действительно проверила. Только сначала потребовалось несколько часов для настройки связи и наладки соответствующей аппаратуры, которая стояла только на разведчиках, но в результате проведённых работ, я мог общаться с Молнией, не выходя с рабочего места -- теперь у меня было уже два "воспитанника". Мой коллега с "Непобедимого", наверное, обзавидовался уже триста раз, но у меня имелась хорошая отговорка для всех, кто хотел пообщаться с Молнией: её личные предпочтения, если так можно выразиться о компьютере. Но здесь, увы, я не имел полной свободы -- приходилось вести диалог в нужном для экспедиции ключе. Впрочем, я не особо переживал по этому поводу, точнее лишь однажды подумал об этом, чтобы затем забыть. Конечно, я не имел ничего против совместной работы с Ватрушиным, Ренором и даже Белоусовым, хотя последнего всё-таки я предпочёл бы избегать, но раз уж обстоятельства сложились таким причудливым образом, то стоит идти до конца.

Этот эксперимент был весьма интересен лично для меня: как два столь разных по происхождению искина могут договориться

между собой? Для капитана и экспедиции интерес, как мы уже обговаривали, состоял именно в привязке древнего искина к нам, поскольку идти против её воли никто не собирался, да и вряд ли бы смог. Такой вопрос, к счастью, даже не поднимался, а то мне было бы противно участвовать в обмане столь наивного искина. Как хорошо, что мне не пришлось переступать через моральные запреты, пусть даже и в отношении машины.

Общение двух искинов началось с приветствия. Я находился в зале оператора и мог в прямом эфире слышать их общение, и при случае вмешаться. Так же "на проводе" были и все остальные, кто принимал непосредственное участие в контакте.

Ястреб был запушен в режиме "ограниченной функциональности". Это означало, что на некоторое время он не имел доступ к секретной информации, не имел права управлять оружием без приказа капитана и менять свою конфигурацию без моего прямого указания. Ещё присутствовало множество иных нюансов, которые защищали нас от "вероятного негативного воздействия Молнии", как выразился Лунько. Таким образом, диалог, я бы сказал, проходил "под дулом пистолета". Впрочем, я пребывал в абсолютной уверенности, что общение никак не повредит кораблю и нам лично.

Диалог протекал в обычном темпе и скорее напоминал разговор двух людей. Молния задавала вопросы, а Ястреб отвечал. Сначала это были простые вопросы: расскажи мне свою историю, своё назначение, чем занимаешься. На них искин отвечал с точностью машины, словно позабыл свои претензии на человечность, но как только Молния спросила: "Как ты чувствуешь себя и чувствуешь ли?", всё изменилось.

-- Ощущаю, чувствую. У меня есть множество сенсоров, камер, через которые я вижу мир.

-- Это не чувства, а способ получения информации. Я спрашиваю о чувствах.

-- Поясни определение.

"В этот момент мне показалось, что я попал в дурдом: был у меня один свихнувшийся искин, теперь их стало двое. И они ещё спорят!!! Я уж стал подумывать: не взять ли успокоительного у Ольги? Вдруг поможет. Тем временем диалог продолжался:

-- Чувства -- форма видения Вселенной самой себя,-- пояснила Молния. Смысла я не понял. По мне это звучало как бред, но, может быть, мы чего-то не понимаем структуре мироздания? Конечно, да, многого не знаем. И даже, несмотря на заложенную в неё программу сближения, мы всё-таки в некоторых вопросах не могли найти точки соприкосновения. Надеюсь, временно.

-- Не могу подтвердить,-- ответил Ястреб.-- У меня нет таких

данных.

-- Я так и знала...-- ответила Молния и перешла к темам, относящимся к области культуры. Необычные, на мой взгляд, приоритеты: мне думалось, искин будет интересоваться в первую очередь техническими вопросами, нежели гуманитарными, но что я знаю о ней?..

По словам и по тону я чувствовал, что Молния относится к Ястребу с едва скрываемым брезгливым пренебрежением, терпя его лишь потому, что он выдавал ей информацию. Я стал сомневаться, а оправданно ли мы пошли на этот шаг, позволив пообщаться ей с нашим искином. "Не набьёшь шишку -- не поучишься",-- оценил я. Был же вариант рассказать всё собственными словами, используя Ястреба, как справочник, но, безусловно, такой подход занял бы значительное время, а у нас его как раз и не было. Вряд ли мы захотели вести на Родину столь неоднозначный объект. Кто знает, может быть, именно этот шар стал причиной гибели планетарной системы. От такой мысли меня даже передёрнуло. Почему она не приходила к нам раньше?! Я ещё раз убедился, что доступ к звёздным картам закрыть и успокоился, хотя понимал, что ей они не к чему. Белоусов сам уже указал на нашу планету, и трудно поверить, что корабль, знающий наши языки, не имеет информации о местоположении Солнца или, по меньшей мере, не сможет вычислить.

"Что-то меня на апокалипсис потянуло",-- решил я остановить размышления, пока не запугал сам себя. И тут, словно согласуясь с моими мыслями, случилось самое страшное, чего мы все боялись.

Сигнал красной тревоги разорвал задумчивую тишину. От неожиданности я вскочил с места и выкрикнул:

-- Ястреб, что происходит?!

-- Каргонские корабли в радиусе действия сенсоров.

Из динамиков внутренней связи донеслось подтверждение:

"Внимание экипажу! Боевая тревога! Занять посты в соответствии с боевым расписанием! Внимание экипажу!.."

Я со всей силы долбанул по кнопке герметизации серверной. Где-то в чреве корабля зашевелились бронелисты, но теперь уже не представлялось возможным понять, что конкретно и где происходит -- весь рейнджер пришёл в движение: выдвигались турели рельсотронных пушек, ракетные системы класса "Стрела", накопители плазмы набирали энергию для фотонных торпед, генератор работал на полную мощность, команда занимала боевые посты...

-- Ястреб, покажи!-- только выкрикнув, я осознал своё состояние.

Над столом засветилась голограмма, отображающая окружающее корабль космическое пространство. Где-то далеко блестели три светящиеся точки, и я отчётливо понял, что следующие двадцать четыре часа могут стать последними для экспедиции...

...Капитан Фаррел ворвался на мостик, чуть не столкнув обсуживающего дроида.

-- Старпом, доложить обстановку!

-- Три каргонских корабля на расстоянии миллиона километров,-- ответил Надеев.-- Идут строго на нас. Время выхода на дистанцию поражения примерно через час. Кажется, они торопятся...

-- Вязов, объяви проверку по манёвренным двигателям.

-- Уже проводим, капитан...-- ответил Главный инженер.

-- И ещё передай Степанову, чтобы был готов уничтожить все данные и сворачивал диалог с Молнией.

Вязов мрачно кивнул, но распоряжение выполнил -- того требовала необходимость.

На обзорном экране вспыхнуло изображение, отражающее околопланетное пространство и зону вероятного столкновения.

-- Николаенко на линии!-- выкрикнул Кочеренко. На командном пульте зажегся экран.

-- Каргонцы,-- заявил капитан "Непобедимого".

-- Да, мы их тоже засекли. Действуем по стандартной схеме.

-- Согласен, а что с артефактом?-- спросил Николаенко. Присутствие Молнии план не учитывал.-- Он у нас будет с тылу.

-- Думаю, не имеет значения.

-- И, тем не менее, я предлагаю спуститься на более низкую орбиту и южнее относительно экватора планеты. Наши "Чеглоки" манёвреннее каргонских истребителей, так мы хотя бы снизим вероятность удара с тылу.

-- Согласен.

Действия уже давно были согласованы. Фаррел отдавал приказы -- команда их выполняла чётко и без лишних эмоций, словно бы и не было на горизонте трёх каргонских кораблей, хотя все понимали: столкновения им не выдержать. "Звёздный Ястреб" хоть и имел дополнительное к базовому вооружение, но относился к классу "Рейнджер" и не мог соперничать с хорошо вооружённым противником. Эвакуация с планеты по самым оптимистичным оценкам займёт порядка часа. Конечно, был вариант уйти немедленно, но это означало бросить группу учёных на произвол судьбы и провалить задание, отдать все лавры врагу -- на это никто согласиться не мог.

Эвакуация с планеты шла полным ходом. Данные с

разведчика ожидалось получить не раньше чем через полчаса, но и сейчас было отчётливо видно: приближаются не просто лёгкие корабли, а нечто посерьёзнее.

Опасения подтвердились первыми же снимками. Изображение были нечёткими, поскольку они были сделаны на предельном расстоянии, но всё-таки сквозь помехи удалось разглядеть три каргонских корабля. Они шли "обратным клином": между двумя крейсерами чуть позади двигался авианосец. На таких кораблях могло базироваться до пятидесяти кораблей малого типа против пятнадцати на "Непобедимом". В купе получалась небольшая ударная группировка.

-- Первая группа учёных на борту,-- заявил связист.-- Белоусов требует встречи с вами.

Фаррел еле сдержался, чтобы не сказать какую-нибудь скабрезность.

-- Что мне ответить?-- поинтересовался Кочеренко.

-- Пускай поднимется на мостик,-- ответил капитан, справедливо полагая, что, увидев своими глазами происходящее, археолог не станет высказывать своих претензий.

Учёный влетел спустя пять минут, когда Фаррел, погружённый в работу, переключился уже на иные задачи. А ним следовали мрачный Женин и Радненко.

-- Что происходит?!-- прокричал Белоусов. Помощник в противовес своему патрону был крайне сосредоточен и собран. Казалось, у него не существовало такого понятия как нервы.-- Почему я не могу с вами связаться? Эти солдафоны,-- он указал на комвзвода,-- силой схватили меня и усадили в бот!

-- Женин, вы объяснили суть плана экстренной эвакуации?-- спросил капитан.

-- Так точно!

-- Ещё вопросы?-- обратился к учёному Фаррел. Терпение было на исходе, он терял драгоценное время!

-- Но я руководитель экспедиции в конце концов! На каком основании?

-- Согласно части пятой главы двадцать третьей пункта 971 Устава Космических Сил Лиги Наций,-- ответил капитан.

-- Но адмирал же обещал...

-- Ястреб, поясни.

-- Согласно части пятой главы двадцать третьей пункта 971 Устава Космических Сил Лиги Наций вся власть при ведении боевых действий переходит в руки военного сопровождения...-- процитировал искин.

-- А именно,-- добавил капитан,-- в мои и капитана Николаенко. И мы приступаем к действиям в соответствии

принятым нами планом, ответственность за выполнение которого лежит на лично мне, поскольку я отвечаю за вашу безопасность.

-- Но у нас же перемирие,-- пунцовый от злости прошипел учёный.

-- Да, и думаю, оно сейчас будет нарушено. Или вы считаете, что три корабля здесь находятся на прогулке?-- риторически спросил Фаррел, а затем напомнил.-- Господин Белоусов, мы теряем драгоценное время. Женин, сопроводите Белоусова в его каюту и немедленно свяжитесь с Лунько. Он на второй палубе.

-- Есть!

-- Капитан! Вызов с каргонского корабля!-- раздался голос Кочеренко.

-- Каргонцы замедляют ход,-- доложила Тара.

-- Я могу с ними договориться!-- подпрыгнул Белоусов.-- Я же не военный. Это мирная экспедиция, в конце концов.

Фаррел скривился, словно от зубной боли. В этот момент он был готов приказать Женину увести силой навязчивого археолога.

-- Господин Белоусов, вы не знаете социальную структуру Каргона, вы никогда не имели с ним дело, вы даже никогда не видели их в лицо, поэтому доверьтесь мне. Поверьте, вам безопаснее находиться у себя в каюте. Посторонних прошу покинуть мостик!

Белоусов медленно сделал шаг назад, играя желваками, и не говоря ни слова, с гордо поднятой головой ушёл с мостика. Фаррел кивнул, и Женин последовал за ним.

-- Разрешите остаться?-- спросил Радненко.

-- Разрешаю,-- ответил капитан. Геннадий Алексеевич отошёл в сторону, чтобы не попасть в кадр, игнорируя удивлённые взгляды находящихся на мостике людей -- они не понимали, почему Радненко остался.-- Включайте передачу,-- поправив китель, скомандовал Фаррел.

-- Выполняю, переводчик включён,-- ответил связист, и на обзорном экране отобразилось жуткое лицо каргонца. Фоном служил привычный для них ярко-белый свет и бледно-серые панели. Выглядел он, как обезьяна с бакенбардами. Зелёные кошачьи глаза смотрели холодно из-под толстых бровей. Вот он, собрат по разуму, настолько отталкивающий своей мёртвенной белизной, что неподготовленный обыватель вскрикнул бы от ужаса.

-- Приветствую Вас,-- произнёс каргонец.-- С кем имею честь говорить?

-- Рад встрече. Назовитесь сначала вы,-- ответил Фаррел. Это был принципиальный момент. По этикету противника первым представляется начавшая переговоры сторона, в противном

случае -- значит, показать неуважение к самому себе. Такие проблемы встречались часто при первых контактах, а потом люди долго спорили, почему каргонцы смотрят на них свысока, что это, врождённый снобизм или нечто иное?

-- Капитан гвардейского крейсера Военно-Космических Сил Империи Каргона "Сеятель порядка", Корон из рода Ракон, командующий соединением.

-- Капитан рейнджера Российской Демократической Республики "Звёздный Ястреб", Джек Фаррел. Чем могу быть полезен?

-- Странная ситуация складывается, капитан. Военный корабль в нейтральной зоне.

-- Это мирная экспедиция. "Звёздный Ястреб" относится к классу рейнджер и является научным кораблём.

-- Однако второй корабль относится к классу ударных...

-- Он выполняет чисто охранные функции.

-- Допустим. Однако по соглашению о перемирии этот сектор считается демилитаризованной зоной.

Фаррелу едва удалось скрыть своё удивление. Очевидно, каргонцы искали предлог, чтобы захватить ценную находку.

-- Мне неизвестно ни о какой демилитаризованной зоне в секторе RJ-43-31 согласно нашей спецификации.

Каргонец отвёл взгляд, явно во что-то вчитываясь. Вероятно, это была расшифровка спецификации.

-- Известно вам или нет, но такой пункт есть, а значит, вы нарушаете условия перемирия,-- заявил Корон.

-- Повторяю ещё раз: мне неизвестно ни о какой демилитаризованной зоне в данном секторе, соответственно я не понимаю причину ваших претензий,-- с абсолютной уверенностью произнёс Фаррел. Правда была на его стороне! Жаль, что её всегда следовало подкреплять силой.

-- Я могу выслать текст договора,-- заявил Корон и, как показалось, усмехнулся.

"Фальшивка",-- понял капитан.

-- Готов принять пакет. Каким способом пройдёт передача?

-- В электронном виде.

Через секунду связист сообщил:

-- "Почта" принята, капитан.

-- Мы получили посылку,-- сообщил каргонцу Фаррел.

-- Отлично. После ознакомления с документом вы обязаны передать весь имеющийся материал в наше распоряжение.

-- Это ультиматум?

-- Да, Джек Фаррел, это ультиматум,-- заявил Корон. Капитан стоически не менял выражения лица.-- Я даю вам четыре часа на

размышление. Уверен, этого хватит. В противном, случае, вы сами понимаете последствия нарушения договора. И ещё, считаю, любое движение ваших кораблей будет воспринято как соответствующий ответ. Честь имею,-- совсем по-человечески закончил каргонец.

-- Честь имею,-- ответил Фаррел и связь прервалась.

Капитан с секунду постоял, собираясь с мыслями, а затем спросил:

-- Ястреб, ты проанализировал пакет?

-- Да, вирусных программ и скрытых алгоритмов не обнаружено. Подтверждаю, текст полностью совпадает с известным мне договором. Однако есть ещё и приложение, в котором действительно указывается сектор RJ-43-31, как демилитаризованная зона.

-- Ещё бы...-- фыркнул капитан.-- Никакого приложения не существует...

-- Электронная подпись подтверждает подлинность документа.

Фаррел замер от неожиданности. Насколько он знал, подделать электронную подпись весьма непросто, если не невозможно.

-- Вязов, Лунько -- на совещание,-- объявил он.-- Ястреб распечатай текст. Через минуту он уже должен лежать у меня на столе. Тара, мне нужен мост с Николаевым. Да, и вызовите Степанова. Мне нужно знать, могли ли они подделать сообщение. Надеев, вы здесь за меня.

-- Я тоже должен присутствовать,-- тихо сказал Радненко. Капитан кивнул в знак согласия.

* * *

Суть диалога с каргонцами я узнал, когда Ястреб воспроизвёл его. Капитан снова созвал всех в зал для брифингов, уже давно ставшим традиционным местом собраний. Молнию пришлось предупредить, что у нас возникли серьёзные проблемы. Отнеслась она с непониманием, но выразила желание поговорить на эту тему позже.

На столе лежал текст соглашения и приложение к нему. Я впервые видел документ подобного уровня, точнее копию документа, потому испытывал внутренний трепет, когда брал его в руки. Надо же, а каргонцы оказывается тоже бюрократы, как и мы. Никогда не думал на эту тему, но сейчас я поразился, насколько мы похожи. А как же иначе, ведь даже война показывает нашу близость, и воюют существа в чём-то близкие друг другу, но имеющие неразрешимые противоречия. И всё-таки, какие у нас с ними могут быть противоречия? -- снова задал я

себе этот вопрос. В этот момент даже угроза гибели как-то отступила на второй план, уступив место интересу.

-- Так, Степанов, что скажете, можно ли подделать электронный документ?

-- Нет,-- я светился с данными Ястреба.-- Даже имитовставка сходится.

Все посмотрели на меня как на явление Святой Марии.

-- В любом случае цифровая подпись совпадает,-- добавил я.

-- Они могли подделать электронную подпись?

-- Сомневаюсь,-- ответил я.-- Для этого потребуется вся мощность суперкомпьютеров Академии Наук и месяцы, а то и годы работы. Уверен, у каргонцев нет таких мощностей. Насколько мне известно, у них очень слабые компьютеры.

-- У них вообще тяжело с электронными машинами,-- согласился Вязов. Впрочем, всем отлично известно, что до контакта с людьми каргонцы вообще не имели вычислительной техники. По их объяснению, они всегда считали технические средства такой сложности невозможным и потому не двигали прогресс в эту сторону. Как они могли обходиться в звёздоплавании без компьютеров? Удавалось как-то, но я не знаю точно. Слышал, были простейшие алгоритмы или уже готовые таблицы векторов, какие-то аналоговые приборы. Не на счётах же они вычисляли курс.

-- Итак, по всему выходит, что каргонцы предоставили нам подлинник,-- не то спрашивая, не то утверждая, сказал капитан.

-- Господа,-- напомнил о себе Николаенко, голограмма которого висела над столом,-- у нас осталось три с половиной часа. И судя по всему, каргонцы не врут.

-- Но мы же не можем отдать им наши находки!-- сразу поставил цель Радненко.

-- И сражаться с ними мы тоже не имеем возможности,-- напомнил Фаррел.-- В результате на нас ляжет ответственность за нарушение перемирия. Нам таких полномочий никто не давал.

-- История нас проклянёт,-- согласился Вязов,-- и будет права.

-- И всё-таки есть возможность,-- снова заявил Радненко.

-- Слушайте,-- уже раздражённо сказал Главный инженер. Я предпочёл отвлечься на изучение документа,-- вы всего лишь помощник господина Белоусова, которого здесь даже нет. Не суйтесь в дело, в котором вы ничего не понимаете.

-- Я не археолог,-- признался Радненко.

Я сначала не поверил собственным ушам. Я что, ослышался? Но все, включая Николаенко, Фаррела и Лунько, смотрели на Геннадия Алексеевича с немалым удивлением.

-- Решили сказать правду?-- спросил капитан, и я понял, что

тот знал об этом. Вот так новость!

-- В световом годе находится земной флот,-- заявил Радненко.-- Такое расстояние позволяет прибыть ему за пять-шесть часов. Мы можем отослать капсулу с сообщением. Они оповещены.

-- Что здесь происходит?-- ошарашено произнёс Главный инженер, но ему отвечать не стали.

-- Господин Радненко,-- официальным тоном сказал Лунько.-- Потрудитесь, пожалуйста, объяснить, на каком основании нарушено соглашение и почему никто об этом не знал.

-- Николаенко, вы в курсе?-- спросил Фаррел.

-- Нет,-- мрачно ответил капитан "Непобедимого".

-- Тайны мадридского двора,-- еле слышно проворчал Вязов, и я готов был подписаться под его словами.

-- Ястреб, выключи запись,-- обратился наверх Радненко.

-- Капитан?-- запросил разрешения искин.

-- Отключи.

-- Сделано.

-- Говорите, Геннадий Алексеевич. Мы вас внимательно слушаем.

-- Все вы выполняете задание, о секретности которого не стоит говорить,-- произнёс Радненко. В голосе его чувствовалась сила и уверенность.-- Капитан, вы разговаривали с адмиралом. Он вам говорил, что важнее этого задания не может быть ничего.

-- Но я не буду подставлять свой экипаж под удар целого соединения флота Каргона без причины.

-- Разумеется. И я постараюсь вам объяснить причину.-- Что вам известно о причинах войны?-- спросил Радненко и добавил.-- Только честно. Поверьте, у меня нет причин отстранять вас от командования.

-- Ничего, во что безоговорочно поверил бы.

-- Это верно. Экономических причин нет, политических тоже: насколько нам известно, никаких оскорблений мы и не наносили. Врождённая агрессивность? Вариант, капитан. Вполне возможно. В конце концов, система диктатуры, жажда власти были свойственны людям во все времена. Наверное, они свойственны и каргонцам. Как вы думаете?

-- Допускаю и такое.

-- А теперь к делу. Вернёмся к прошлому. Два года назад, 17 апреля 2275 года, в секторе RJ-43-31 было произведено нападение на корвет разведки "Зоркий". Каргонцы атаковали его, когда корвет шёл в ускоренном режиме, а, следовательно, не мог совершить манёвр уклонения. Они его просто расстреляли -- идеальная мишень. Как знаете, это послужило прелюдией к

началу войны. Но "Зоркий" успел послать сообщение до того как был уничтожен. Его задача была проста: сканирование области пространства в автоматическом режиме. Он оказался слишком зорким и разглядел лишнее. Вы понимаете?

-- Если честно, не очень. Речь идёт о каком-то артефакте, технологии?

-- Артефакте. Разрешите?-- Радненко достал информационный кристалл и вставил его в порт.-- Там только одна запись.

-- Ястреб, прочитай,-- приказал капитан.

Перед всеми развернулась голограмма, отображающая сферу. В центре виднелась небольшая точка -- очевидно, это был "Зоркий". Затем что-то очень быстрое обогнуло корвет и исчезло.

-- Неизвестный объект двигался со скоростью, превышающую световую в миллионы раз, без всякой гравитационной волны. Причём заметьте: в обычном пространстве. Наша физика восстаёт против этого!

-- Иной принцип движения?-- догадался Вязов

-- Да.

-- И что это за объект?

-- Не поверите, это наш шарик,-- усмехнулся Радненко.

Возникшая тишина была абсолютной.

-- Во время боевых действий в сектор RJ-43-31 неоднократно посылались разведчики, пока не была обнаружена эта система. Дальше вы понимаете, что случилось. Мы добились перемирия, каргонцы согласились потерпеть нас в этой системе. Думаю, они не ожидали, что мы найдём на этой планете что-либо стоящее. Абсолютно были уверены, что выиграют время, чтобы найти этот артефакт. Почему, не знаю, могу только догадываться, но невероятно повезло.

-- Значит поиск внедрившегося террориста не имеет к вам никакого отношения... И вы не придумали ничего лучше, как направить сюда нас с военным сопровождением, прекрасно зная, что за этим последует?-- спросил капитан. Я сидел в нескольких метрах от него и прекрасно чувствовал напряжение. Да что там говорить, нас всех использовали в тёмную. Как так можно?! Я не понимал. Попахивало чем-то мерзким и скользким...

-- Мы предположили, что, если мы что-нибудь найдём на этой планете, то Каргон обязательно уничтожит "Звёздный Ястреб". Мы не могли этого допустить.

У меня уже голова шла кругом...

-- То есть вы готовы возобновить войну из-за найденного здесь артефакта?-- ровным голосом спросил Фаррел. Как только ему хватило самообладания? Я бы так не смог.

-- Господин Фаррел, суть нашёго конфликта уходит далеко, гораздо глубже, чем вы себе представляете. Война началась из-за этого артефакта. Сейчас перемирие, но ненадолго.

-- А если бы каргонцы нашли первыми артефакт?

-- Мы бы поступили так же, как и они сейчас,-- признался Радненко.-- Капитан, вопрос стоит о выживании нас как вида. Это выше всяких принципов. Война продолжится в любом случае. Вы понимаете?

-- Да. Продолжайте...

Щёлкнули чьи-то кости. Я повернулся на звук: Вязов от напряжения ломал себе пальцы. Выглядел он ужасно: весь серый, бледный, как сама смерть. Я уж подумал, не вызвать ли Ольгу. Как бы Евгений Александрович в обморок не упал.

-- Стоит вопрос о том, чья будет в дальнейшем галактика,-- продолжал Радненко.-- Мы -- две цивилизации, находящиеся на одном уровне развития, со схожими принципами, мы близки по расстоянию, в конце концов. Это неразрешимая загадка: как мы, две настолько близкие при всех различиях цивилизации, могли возникнуть по космическим меркам практически в одном месте, практически одновременно?-- он остановился и оглядел всех присутствующих, словно желая убедиться, что каждый услышал его слова.-- Технологии древней цивилизации поднимут либо их, либо нас на ступень выше, оставив второго далеко позади. Это скачок, который позволит прыгнуть на сотни, а может, и на тысячи лет вперёд. Слабый будет мгновенно поглощён и видоизменён другим. Каргон это прекрасно понимал, потому пытался скрыть от нас свою находку. Становится вопрос: кем же мы будем в итоге? Людьми, каргонцами?

-- И этот вопрос каргонцы решили путём уничтожения корвета и объявления войны?

-- Думаю, изначально они хотели уничтожить только корвет, но когда вся правда раскрылась, иного выхода у них попросту не было. Они направили всю энергию в иное русло. План работает.

-- Вы ручаетесь за свои слова, господин Радненко?-- спросил капитан.

-- Я сказал, что знаю: мы должны показать, что битва за галактику пойдёт до конца, что человеческая раса имеет право оставаться человеческой, а не превращаться в химеру!

Фаррел уже набрал воздуха в грудь, но холодный и решительный взгляд Радненко остановил его от комментариев. "И теперь вы решили перехватить инициативу. В соответствии с вашим планом нам предлагается погибнуть",-- говорил взгляд капитана.

Мне почему-то казалось, что всё происходящее не имеет ко

мне ровным счётом никакого отношения, словно не я здесь сидел и слышал эти страшные слова. Нельзя же вот так, без эмоций обсуждать варианты гибели двух рас, ведь при желании всегда можно найти иной вариант. Всегда! Я уверен в этом. Просто надо очень сильно захотеть. Не знаю, может быть, дело зашло действительно настолько далеко, и мы перестанем быть людьми, но и в этом случае должен же быть иной выход...

-- Степанов,-- обратился ко мне капитан. Я вздрогнул и понял, что, задумавшись, что-то пропустил,-- раз уж так всё складывается, попытайтесь уговорить Молнию.

-- В чём?..

-- В том, чтобы она помогла нам,-- пояснил Фаррел,-- чтобы она была на нашей стороне.

-- Я постараюсь,-- ответил я, хотя в голове метались панические мысли.

Это задание я действительно пытался выполнить и очень старался, ведь от результатов моей работы зависела судьба экипажа в целом и моя конкретно. Помню, год назад, разговаривая с одним священником, меня поразило словообразование слова "судьба" -- суд божий. Нельзя назвать меня верующим, но сейчас я готов был поверить в любое чудо. Может быть, сейчас кто-то свыше судил нас за гордость, стремление к всесилию, судил с помощью трёх кораблей Каргона. Не знаю...

Молния вышла на связь довольно легко, словно ждала меня. Наверное, действительно ждала, иначе как объяснить её первые слова?

-- Что происходит? Почему люди уходят с планеты? Чем они встревожены?

-- Есть силы, которые выступают против нас. Они хотят забрать тебя себе.

-- Но... почему? Я готова говорить и с ними, если они того захотят...

-- Нет. Они хотят нас уничтожить,-- ответил я.

-- Не понимаю.

-- Убить,-- пояснил я. Молния размышляла довольно долго, так что я успел подумать: не прервала ли она связь.

-- Странное желание... Ужасное... Как же так?.. Убивать жизнь... Страшное слово...-- лепетала она. Не дождавшись конца её тирады, я попросил:

-- Помоги нам защититься.

-- Каким способом? Я не умею. Они живые. Убивать? Тоже убивать?! Нет! Нет!

Я ещё минут двадцать пытался достучаться до Молнии, но

она не отвечала. Кажется, она была шокирована самой мыслью о причинении вреда. Программа запрещала ей даже думать об этом, не говоря о том, чтобы действовать. Наверное, тому были веские причины. Увы, судя по всему, мне о них узнать уже не суждено...

* * *

Капсула с информацией отправилась по указанным Радненко координатам два часа назад. Если он не ошибся, командующий флотом вот-вот должен получить её и отправиться на всех парусах в систему Белой. Теперь конфликт обещал вылиться в новую войну, и "Звёздный Ястреб" должен стать катализатором это ужасного процесса.

Фаррел сидел в капитанском кресле. Он уже в который раз прокручивал в голове подкорректированный план боя, но всем известно, что ни один план не выдерживает столкновения с реальностью. Продержаться пять-шесть часов нереально, и ещё неизвестно придёт ли флот на помощь. И даже артефакт, битва за который вот-вот начнётся, не сказал ни "да", ни "нет". Полная неопределённость, оставляющая многое для надежды, пусть и малой.

Фаррел посмотрел на часы: предоставленное время подходило к концу. Капитан не собирался первым связываться с Короном по соображениям дипломатии и целесообразности: тянуть время, как можно дольше тянуть.

Фаррел посмотрел на обзорный экран: поверх отображаемой пелены космоса, висела схема расположения кораблей. "Звёздный Ястреб" находился чуть выше и за "Непобедимым", Молния безмолвствовала между ними, показывая тем самым, что не сдвинется и на метр, четыре звена по три истребителя висели по бокам, сверху и под рейнджером, прикрывая фланги. Последнее звено находилось за Ястребом. Корабли противника расположились полукругом, отрезая пути к отступлению и одновременно находясь на почтительном расстоянии, не позволяющем вести прицельный огонь.

Радненко находился рядом. Взгляд агента был задумчивым. Теперь, когда уже всё решено, и он выполнил свою задачу, ему оставалось только отследить выполнение приказа Генерального Штаба.

-- Капитан,-- сказал Кочеренко и с перерывом добавил,-- каргонцы вызывают.

Фаррел кивнул, но не отдал распоряжения. Все службы доложили о своей готовности к бою.

-- Капитан,-- снова напомнил о себе связист.

-- Подключи к линии Николаенко и включай,-- ответил

капитан и поправил воротник. Через несколько секунд на обзорном экране выделилось небольшое окошко. На людей смотрел уже знакомый каргонец.

-- Долго вы связь налаживаете. Технические проблемы?-- без приветствия начал он.-- Я так понимаю, вы отклоняете наше предложение о сдаче,-- добавил Корон, и его лицо исказила хищная улыбка. Кошачьи глаза блеснули. Очевидно, он и не предполагал иного варианта.

-- Найденное по договору является собственностью Лиги Наций и Земли, капитан Корон, а потому не может быть передано без санкции правительства,-- зная принципы диалога с каргонцами, Фаррел специально упомянул имя собеседника, показав своё уважение, чего нельзя сказать о Короне.

-- Я не собираюсь искать формулировки и отговорки. Уверен, вы знаете кредо военных Каргона: что сопротивляется должно быть уничтожено.

-- У одного народа Земли есть такая поговорка: "Не говори "гоп", пока не перепрыгнешь".

-- Хорошая поговорка. И она знакома мне,-- ответил каргонец и исчез.

-- Николаенко на связь,-- скомандовал Фаррел.

-- На линии,-- ответил Кочеренко.

-- Я слушаю.

-- Каргонцы выпускают истребители,-- послышался голос Тары.

-- Сергей Иванович, вы всё видели и слышали,-- сказал Фаррел.

-- Да, видел,-- кивнул Николаенко.-- На каком крейсере сосредоточим огонь? Какой из них "Сеятель"? В моих данных не числится такой крейсер.

-- Кочеренко, откуда шёл сигнал?

-- С авианосца.

-- Хитрят... Он может быть любым из трёх. Выбор оставляю за вами, мы поддержим.

-- Договорились, и ещё: я отдал приказ перебросить к вам на борт десять бойцов. Уверен, каргонцы не будут уничтожать Ястреб, а попытаются его захватить. Примите?

-- Спасибо. Да поможет нам Бог.

-- Я не религиозен, а потому пожелаю удачи.

-- Экипаж, к бою!-- скомандовал капитан.

Тара надела на себя шлем виртуальной реальности, пилот тоже. Последнему он был необходим в большей мере для быстроты реакции маневрирования, подобным интерфейсом пользовались и стрелки, но Фаррел предпочитал старые формы

управления и отображения информации, хотя тоже мог погрузиться в виртуальную сферу, рисуемую Ястребом. Прежде всего, он капитан корабля и должен видеть реальность собственными глазами, а не её переработку. К тому же, выстроившиеся вокруг него голографические конструкции тактического монитора ни в чем не уступали виртуальным. Перед ним висела трёхмерная модель пространства окружающего рейнджер. Связь с Николаенко была постоянной.

Из чрева каргонского корабля-носителя выскакивали всё новые и новые истребители и торпедоносцы. Вскоре уже два роя по двадцать кораблей неслись навстречу. Торпедоносцы первыми открыли раунд, выпустив фотонные торпеды -- яркие светящиеся огни устремились к "Непобедимому", покрытому голубоватым свечением. Крейсер выполнил манёвр уклонения, повернувшись градусов на тридцать, и большая часть торпед проскочил мимо. Через несколько секунд заработали его рельсотронные пушки -- два малых корабля по очереди вспыхнули пламенем.

-- Капитан, противник в зоне поражения!-- доложила Тара, погружённая в сферу виртуальной реальности.

-- Навести ракеты, всем рельсотронам -- огонь!-- скомандовал капитан. Рейнджер слегка затрясло, гулкие удары выстрелов разносились по корпусу -- пунктиры с гигантской скоростью устремились к истребителям противника.

-- Ракеты захватили цель!

-- Огонь! Сорок процентов на правый кормовой дефлектор! Двадцать -- на фронтальный! Канонирам, стрелять по готовности!

Гулко ударили пусковые шахты -- в космос унеслись пять ракет. Два истребителя, не вспыхнувшие сразу, метнулись в разные стороны, уходя от их преследования. "Непобедимый" нанёс удар по крейсерам противника своим главным оружием -- две ядерные ракеты рванули к своим целям. Вскоре вспыхнули две яркие звезды, озарив собою вечную ночь умершей планеты. Когда пламя угасло, на землян продолжали плыть, уже значительно медленнее, каргонские корабли, мерцая потревоженными щитами, местами пробитые плазмой взрыва. Затем вышли последние две ядерные ракеты и ещё две вспышки.

Четыре звена "Чеглоков" рванули с места, обходя "Непобедимый", практически скользя по полю щита. Его орудия били без перерыва по манёвренным кораблям противника. Цепочки раскалённого металла неслись им навстречу, зажигали новую свечку и устремлялись в бесконечность. В ответ летели новые фотонные торпеды, нацеленные на орудия "Непобедимого". Очевидно, каргонские торпедоносцы, не способные пробить щиты, решили выбить ударные системы до подхода основных кораблей.

Они подлавливали момент выстрела, когда дефлектор отключался, чтобы пропустить снаряд, и наносили удар.

Два каргонских крейсера уже подходили на расстояние выстрела, но "Непобедимый" выстрелил первым из главного калибра, имея преимущества в системе нацеливания и точности -- расчёты искина позволяли вести огонь намного точнее противника. Ракеты ушли ещё раньше, врубаясь в одну палубу за другой, голубоватый огонь перекатывался по мощным каргонским щитам, гасящим половину энергии. Земной крейсер сосредоточил огонь на одном, стараясь не распылять силы -- это дало результаты: местами рельсотронные снаряды пробили толстокожего "каргонца", вспыхивали и гасли пожары в разгерметизированных отсеках. Но, несмотря на повреждения, противник не сбавлял скорости и стал разворачиваться неповреждённым боком, намереваясь нанести первые с его стороны удары.

Вскоре и каргонские корабли открыли огонь. Новые, более мощные фотонные торпеды ринулись навстречу "Непобедимому". Залп ионных орудий сформировал несколько светящихся колец. Частицы врезались в намагниченную броню и отскочили, не причинив вреда, но сбив дефлекторы. Эффективность щитов заметно снизилась.

А перед "Звёздным Ястребом" истребители обеих сторон закручивали вихри, торпедоносцы методично наносили удар за ударом. Некоторые из них сбивались ответными выстрелами и вспыхивали, но за предыдущей волной следовала новая, и всё повторялось сначала.

Несмотря на манёвренность "Чеглоков" и более совершенные системы наведения, силы защитников таяли под напором превосходящего их по количеству противника. Истребители каргонцев стали отступать за крейсера -- свою задачу они выполнили. Теперь, когда щиты крейсера ослаблены, каргонцы готовы были нанести последний и решающий удар. Десятки и десятки новых торпед устремились к "Непобедимому", а крейсер, изнеможённый и израненный, с множеством шрамов, ещё продолжал сражаться, словно и в правду был непобедимым...

* * *

Сергей выпустил последнюю ракету. Размытый след устремился к истребителю противника. Тот сделал несколько резких рывков, но умная электроника не дала себя провести -- каргонец вспыхнул огнём. Его обломки разлетелись во все стороны.

Сергей "осмотрелся". Сфера виртуальной реальности позволяла чувствовать истребитель как своё тело. Одной мысли

было достаточно, чтобы выполнить любое действие. И сейчас он видел, как противник методично добивает его родной крейсер. Из его звена остались только он и один ведомый, второго сбили несколько минут назад. Благо, что автоматика успела выбросить пилота ещё до полного разрушения кабины, тем самым спася его от неминуемой гибели.

Стоило как-то переломить ситуацию, но Сергей не знал, как именно. Два истребителя скользили по "гравитационным рельсам" по поверхности щитов вражеского крейсера, что делало их практически невидимыми для радаров и сканеров каргонцев. Сергей искал брешь в защите крейсера. Здесь, на противоположной корме, имелось множество пробоин от первых ударов "Непобедимого", но все они прикрывались щитами, что не позволяло ударить фугасными снарядами, а рельсотрон не мог бы нанести должного ущерба.

-- Мошкара на семь часов!-- доложил ведомый.

-- Вижу.

Два каргонца нагоняли их.

-- Давай их примем, Лёня. "Затянем петлю", ты -- влево!

Два "Чеглока" закрутили вираж в разные стороны вдоль силовых щитов. Сергей вовсю использовал манёвренность истребителя, рисуя "гравитационными рельсами" зигзаги. Потоки плазмы пролетали мимо, рисуя на защитном поле переливающиеся круги. Разворот уже заканчивался, когда он "увидел" ведомого: тот как раз пристраивался за преследователем, заходя на него сверху. Короткая очередь -- враг, прошитый снарядами, потерял управление и свалился на щит: яркое синее пламя прокатилось по полю.

-- В яблочко!-- закричал эмоциональный ведомый и резко свернул влево, уходя от стремительного удара каргонца, пока Сергей, резко забирая "вверх", делал чакру Фролова. Ещё мгновение и теперь уже он на хвосте каргонца.

-- Чур, он мой!

-- Замётано!

Заработали рельсотроны -- черноту космоса рассекла очередь, впившаяся цепочкой в противника. Уже подбитый, он стал вправо, ближе к уцелевшим платформам крейсера.

-- Во, гад!-- вырвалось у Сергея.

Лёня, пристроившись сзади, пустил ещё одну очередь, но тот смог сделать несколько рывком, и она пришла мимо.

-- Вёрткий,-- проворчал ведомый, но тут противник вспыхнул малой звездочкой -- Сергей завершил дело.

-- Да, вёрткий попался,-- сказал он.-- Смотри, что там у нас!-- и передал картинку вражеского крейсера.-- Кажется, ближе к

движкам щиты отключены.

-- Точно, и довольно широкая пробоина. С полтолщины...

-- Можем проскочить. Давай за мной.

Всё-таки каргонцы на крейсере заметили два "Чеглока", и зенитные орудия открыли по ним огонь. Сергей и Лёня поскорее нырнули в мёртвую зону, туда, где орудия были уничтожены "Непобедимым".

-- Нужно быстрее, сейчас снова навалятся. Давай фугасами их. Всё, что есть!

Они успели, только зависнув над огромной дырой, как Сергей выпустил два фугаса, ещё пару добавил Леонид. Четыре разрывных снаряда устремились вглубь крейсера, а истребители рванули прочь. Им на перехват уже устремились несколько каргонских, а тем временем другой крейсер уже обошёл "Непобедимый" и выпускал десантные боты, которые устремились к "Звёздному Ястребу"...

* * *

Взрывы потрясали корпус Ястреба, и мне было страшно. Боже мой, мне ещё никогда не было так страшно! И, чёрт побери, жить хотелось как никогда! На неуловимое мгновение я даже потерял контроль над собой, когда мимо моего зала пробежал техник. Мне хотелось рвануть за ним и всё равно куда, лишь бы не сидеть здесь, убежать куда-нибудь подальше. Я даже поднялся с кресла. К счастью, у меня хватило воли осознать глупость своих действий и остановиться.

Ястреб докладывал мне о ходе сражения, и оно разворачивалось не в нашу пользу. Вот уже почти час мы находились под непрерывным огнём противника. Порою гравикомпенсаторы не справлялись с резкими ударами, и людей сбивало с ног, а меня бросало на проекторы.

-- Каргонцы выпустили десантные боты, направляются к нам,-- доложил искин, на голографическом мониторе я видел огоньки взрывов. И тут произошло чудо: уже израненный вражеский крейсер осветился ярким светом. Казалось, детонировала вся секция двигателей, словно в неё подложили мощный заряд. Каргонский корабль потерял значительную часть манёвренности, а созданный взрывом импульс толкнул его и закрутил. Раненый корабль замолчал, но, к сожалению, это уже не могло исправить положения....

Минуту назад со мной связался капитан и напомнил, что инструкция предписывала мне полное уничтожение искусственного интеллекта и всех данных в случае угрозы захвата, но у меня не хватало смелости стереть всё. Это же полное забвение тому, что так упорно создавал мой

предшественник, инженер Арашин! Я не мог поступить так с уникальным творением, но с другой стороны просто обязан уничтожить его. Каргонцы уже давно хотят понять принцип работы наших троичных электронных систем. Они им жизненно необходимы. Без них они несут огромные потери, а мы имеем возможность обстреливать их корабли с дальних дистанций, что даёт неоценимое преимущество в бою, особенно в эскадренном. Можно сказать, именно автоматические электронные системы и спасли Землю, атаковав первыми каргонский флот. Ведь для компьютера не существует понятия внезапности, шока и удивления.

Ястреб молчал, мы уже всё обсудили, и он был согласен со мной. Впрочем, разве он мог спорить со своими директивами? Я набрал код самоуничтожения системы, ввёл ключ и на том остановился, не хватало только одной команды. Всёго одной единственной, чтобы система перестала существовать раз и навсегда. Конечно, пока ещё рано: каргонцы пока не взяли рейнджер, но очень скоро это произойдёт.

В таких размышлениях меня и застал Дима с весьма приветливой речью:

-- А ты что тут расселся?

Я подпрыгнул от неожиданности и обернулся. Голос-то узнал, а вот друга -- нет. Сейчас он стоял передо мной в полной амуниции, закованный в броню, вес которой вполне мог варьироваться он пяти килограмм до пятидесяти.

-- Я здесь работаю,-- буркнул я и вспомнил о своей проблеме.-- По инструкции я должен уничтожить систему.

-- Но мы ещё держимся, и Ястреб пока помогает отбивать атаки.

-- Да, но когда каргонцы доберутся сюда, я обязан буду "нажать кнопку".

-- Раз должен -- жми!-- ответил Дима.-- Инструкции не дураки писали...

-- Но это же уникальная разработка! Я не могу!

Дима ничего не ответил, потому что в этот момент что-то хлопнуло наверху.

-- Они пристыковались,-- сообщил он по рации и продиктовал координаты моего сектора, только указав уровень выше. Внутри всё сжалось от страха. Мимо проехал боевой дройд, похожий на усечённый цилиндр на гусеницах, по бокам которого были прикреплены две автоматические пушки, а на верхушки -- генератор щита, позволяющий закрыть в случае взрыва коридор. За роботом пробежали двое космопехов.-- Да, вас понял,-- добавил друг и обратился ко мне.-- Что ты намерен делать?

-- Не знаю.

-- Решай. Я не могу больше задерживаться,-- бросил Дима и убежал. Его я видел в последний раз -- эта мысль так больно ударила по мне, что я даже не успел ничего сказать ему вслед. Хотя какие могут быть слова? Просто я не был готов перейти Стикс.

В этот момент произошло то, чего я совсем не ожидал: ворвался Белоусов.

-- Я знаю, что вы хотите сделать!-- проорал он.-- Вы хотите погубить всё, ради чего я живу!

-- Я...

-- Что?! Вы всё уничтожили?

-- Нет!-- неожиданно и для себя заорал я.-- Ничего я не трогал! Ясно?!-- немного полегчало.

Археолог замолчал на секунду, а я лихорадочно соображал, как можно соединить две взаимоисключающие задачи, что стояли передо мной.

-- Материалы исследований можно скопировать, Ястреба -- нет,-- сказал я.

-- Давайте, делайте!

Я тут же приступил к работе, соображая, куда можно деть инфокристалл. Надо же, я впрямую нарушаю инструкции. Не то, чтобы я любил им следовать, но ведь я серьёзно рискую и даже не только своей головой!

-- Вы копируете?!-- Белоусов метался у меня за спиной, мешая соображать. Как хотелось выпнуть его из операторской.

-- Да, а что не видно?

Археолог не ответил, но через секунду стал приговаривать: "Быстрее, быстрее..."

-- Куда мы денем кристалл?-- спросил я его.

-- В ангаре стоит разведывательный бот. Я знаю, он только что вернулся. Мы можем отдать его пилоту и попросить его спуститься на планету или ещё куда.

-- А это вариант,-- решил я.

Разведывательный бот не имел вооружения, и теперь он был абсолютно бесполезен как боевая единица и разведывательная, но мог длительное время работать автономно.

-- Ястреб, мне нужна срочная связь с "Глазом".

-- Сейчас,-- ответил искин, и на голографическом мониторе зажёгся огонёк.

-- Да?-- вместо приветствия я услышал недовольный голос Северина.

-- Алексей Васильевич, бот на плаву?

-- Да, Юра.

-- Он срочно нужен. У меня на руках крайне важные данные. Я не могу их уничтожить, но обязан попытаться спасти.

-- Что ты хочешь? А, понял. Я должен доложить.

-- Не надо. Никто не должен знать, иначе всё окажется под угрозой!-- я уже был готов умолять его.-- Послушайте, мы обязаны попытаться спасти! В любом случае, мы можем в любой момент уничтожить инфокристалл. Вы меня понимаете?

-- Да, согласен. Мы в ангаре. Быстрее, каргонцы уже близко.

-- Спасибо! И у меня будет ещё одна просьба!

-- Слушаю.

-- Сотрите искин "Глаза". Мне нужно много места.

-- Но как же мы полетим?

-- Навигация и прочее -- отдельные модули. Я не имею прав уничтожать искин "Глаза" -- я не приписан к вашему экипажу. Сотрите только сам искин. Времени нет, быстрее!

-- Надеюсь, вы знаете, что делаете,-- ответил Северин и отключился.

-- Зачем? Что вы делаете?-- возмутился Белоусов.

-- Ястреб, я должен его спасти. Объём "личности" Ястреба пятьдесят пебибайт без его баз данных и прочей служебной информации. Я знаю, на "Глазе" примерно сто пебибайт памяти -- должно хватить.

-- Вы хотите его скопировать?

-- Да,-- ответил я, подключаясь к каналам "Глаза". Началась передача данных.-- Шестьдесят терабайт в секунду... Пятнадцать минут хватит. Надеюсь, мы продержимся,-- добавил я, вынимая заполненный инфокристалл, и повернулся к Белоусову.

-- Быстрее, молодой человек! Нужно бежать!

-- Ещё не всё.

-- Дайте мне кристалл!

Я протянул бусинку с данными. Археолог схватил их и убежал из операторской так быстро, что я даже не успел ничего сказать!

"Трус проклятый!"-- мне так захотелось изловить этого гада и пройтись по его физиономии, но я смог сдержать себя и перешёл к программе самоуничтожения, которая уничтожит всю информацию при сбое питания, после завершения передачи данных и так далее. Я всё ещё надеялся успеть попасть на бот, ведь мне ещё нужно было запустить там Ястреба в новом теле, иначе наш полёт может продлиться весьма недолго. Уверен, Белоусов будет настаивать на немедленном старте и сорвёт всю операцию. Прошло уже пять минут. Ещё десять минут, и Ястреб будет спасён, и эти десять минут мне предстояло выиграть. Я снова связался с Севереным и умолял его не стартовать раньше

срока. И тот пообещал мне.

Сверху что-то грохнуло. Всё, каргонцы прорезали обшивку корпуса и вот-вот ворвутся. Загрохотали выстрелы. Среди них были и автоматные, и более тяжёлые.

Отчаяние подкрадывалось ко мне. Наверное, ребята и продержатся десять минут, даже больше, но каргонцев всё равно наберётся с двух крейсеров гораздо больше. Неожиданно я осознал, что мои действия похожи на бегство: я пытаюсь удрать, а все остаются. Ну какой из меня герой?! Я обыкновенный парень, не многим лучше остальных, в чём-то даже и хуже. Что я из себя тут строю?! Шкуру свою спасаю, вот и всё! Бегу, когда остальные сражаются. И дело тут вовсе не в высоких принципах. Мне стало так горько, что я хотел заплакать. Да, просто разрыдаться, закрыться и ждать прихода каргонцев -- вот насколько жалким я сам себе казался. Нет, нет же, я сейчас даже и не думал о себе. Я спасал именно то, для чего все мы сюда прибыли! Просто мне тяжело оставлять друзей. Совесть взывает ко мне, мучает меня и проклинает, но я должен пойти на этот шаг...

Последний штрих, и программа самоуничтожения запущена. Теперь даже я уже не властен что-либо изменить, мосты сожжены. Я заблокировал за собой дверь. Теперь её можно было открыть только динамитом.

-- А ну брысь отсюда!

Я обернулся. Кричал кто-то из пехотинцев. В пятидесяти шагах от меня, пролегала линия обороны: за цилиндрическим роботом, распахнувшим бронелисты словно крылья, скрывалась целая группа бойцов. Под потолком висели несколько дронов поддержки, напоминающих серебряные шарики. Среди грохота, я отчётливо услышал шипящий звук плазменного резака каргонцев.

Я поспешил последовать приказу и нырнул на уровень ниже, а затем спустился ещё на два и оказался у ангара. Здесь царила разруха, пахло горелой проводкой и едким топливом. Повсюду на платформе были разбросаны куски металла, детали. Среди этого хаоса стоял разведывательный бот. Его корпус был обожжён в двух местах. Неужели он повреждён? А где же Северин, Манулов? Я даже согласился бы и на Белоусова, но никого не увидел...

Область трансцендентности

"Ничего не понимаю",-- в который раз твердил я себе, глядя на мерцающий космос, окружающий наш маленький кораблик. С момента нашего вылета прошло часа два, а мне казалось, что целая вечность. Чувство неопределённости терзало мою душу. То же можно было сказать и об остальных членах нашей группы. Все мы являлись в какой-то степени дезертирами, и это не могло сказываться на настроении. Наверное, единственным довольным

человеком на борту являлся Александр Николаевич Белоусов -- он не испытывал никаких угрызений совести. По правде говоря, я считал, что её у него попросту нет. Ну, ещё можно выделить Манулова, который, как всегда, был мрачен. В этом он был постоянен как закон Ньютона.

Старт наш оказался совсем не таким, каким мы предполагали. Когда я вбежал на борт, Белоусов тратил своё красноречие, чтобы убедить Северина немедленно задраить шлюзы. Капитан, конечно, игнорировал все его доводы, а затем и угрозы, поэтому всё произошло именно так, как и задумывалось. Когда мы вылетали, над нами висела туша каргонского крейсера. У меня всё сжалось внутри от осознания той силы, которая находится прямо над нами. Страшно подумать, что бы случилось с нами, заметь бы он нас, но разведчик юрко проскользнул мимо. Не знаю, как удалось это сделать нашему пилоту, хотя, очевидно, не обошлось без сложностей, ведь я видел, насколько Мирослав был напряжён. А дальше случилось нечто странное. Только позже я понял, что Молния начала действовать. "Звёздный Ястреб" в одно мгновение оказался далеко позади, но в то же время ускорение отсутствовало, о чём сообщили показания гравикомпенсаторов. Затем был второй прыжок, который не кончился и до сих пор...

Молния шла впереди на небольшом удалении от носа бота. Единственное, что говорило о движении, было мерцание света по краям "туннеля". Иначе я просто не могу назвать то, в чём мы летели. Кто знает, почему она совершила столь странный поступок и куда нас ведёт. И, как выяснилось недавно, разведчик не поддавался управлению -- Молния крепко держала нас в невидимых объятиях.

Пилот и капитан сменяли друг друга по посту. Сейчас в кабине рядом со мной находился Мирослав. Работая, мы с ним переговаривались по всяким пустякам. Из всех людей он почему-то мне был наиболее симпатичен. Наверное, потому что не начальник и просто отличался от мрачного бортинженера и мнящего о себе не бог весть что археолога.

Дверь открыла проём, и на пороге появился Северин.

-- Ну что там с Ястребом?-- спросил он.

-- Пока ничего, ещё не скоро,-- отозвался я.

-- Отвлекись ненадолго. Нужно поговорить... Мирослав, не закрывай пока дверь.

Капитан вышел, и я следом за ним. В небольшой кают-компании собрались все остальные: Белоусов и Манулов. Северин попросил меня сесть.

-- Итак, предлагаю обсудить сложившееся положение,-- сказал

Алексей Васильевич.-- Что мы имеем? Артефакт преследует неизвестные нам цели и на наши запросы не отвечает. Корабль неуправляем, а искин пока ещё не запущен.

Я смутился: его слова прозвучали так, словно я был в этом виноват.

-- Я считаю, что нам надо ждать,-- вставил Белоусов. Я посмотрел на него.

-- Теперь о хорошем,-- Северин словно бы и не заметил реплики археолога,-- ресурсов у нас предостаточно, генератор работает в штатном режиме, запасов еды у нас на полгода. В общем, есть все шансы протянуть довольно долго, если путешествие затянется.

Я всё-таки надеялся, что оно продлится недолго, а то мы скорее с ума сойдём, нежели чем кончатся запасы -- невесёлая перспектива.

-- Ещё информация к размышлению,-- продолжал Северин.-- Сканеры подтвердили наличие поблизости каргонского крейсера, однако он не имеет возможности двигаться, как и мы.

-- Обстрелять он нас может?-- забеспокоился Белоусов.

-- Сомневаюсь. Здесь, в этом туннеле, мы и они не можем ничего сделать, однако как только он кончится, может случиться всё, что угодно.

"Из огня да в полымя",-- оценил я.

-- Это значит,-- продолжал Северин,-- что "Звёздный Ястреб" и "Непобедимый" имеют шанс на успех против одного сильно повреждённого крейсера и истребителей, если им удастся выбить пехоту. Насколько я знаю, в момент нашего ухода каргонцы не смогли создать преимущество в ближнем бою. Так что обнаружение второго здесь, в туннеле, тоже можно считать хорошей новостью.

"Нет худа без добра",-- подумал я и посмотрел на Белоусова. Тот, кажется, так не думал. Что касается меня, то я не ощущал никакой угрозы, и мне было приятно, что археолог боится.

Внезапно внизу раздался странный грохочущий звук, словно кто-то упал, но все прекрасно знали, что никого больше на корабле не было. Напряжение почувствовалось в воздухе. Казалось, атмосфера загустела. Я поймал себя на мысли, что почти не дышу. Может это просто какая-нибудь переборка деформировалась или генератор гравитации выдал локальную флуктуацию? Северин достал из кобуры пистолет, и у меня развеялись всякие сомнения: на корабле находился кто-то ещё. Белоусов, которы й находился ближе всего к выходу, поспешил отойти от двери.

-- Манул, пойдём проверим.

Они скрылись. С минуту ничего не происходило, затем раздался грохот. Нет, это был не выстрел, словно какая-то балка грохнулась на пол. Прозвучал голос Северина:

-- А ну на пол, живо!

Через минуту в кают-компанию вошёл капитан, за ним следом вели Бернара Проговского, собственной персоной! Ну надо же! Манулов крепко держал того за шиворот, руки преступника были связаны, на лбу виднелась ссадина. Террориста усадили за стол. Бортинженер встал сзади, а Северин сел напротив.

-- Кто такой?-- спросил он, но задержанный смотрел на меня. Зло смотрел, нехорошо.

-- А вон этот знает,-- кивнув на меня, сказал он. Алексей Васильевич вопросительно глянул на меня.

-- Бернар Эдуардович Проговский. Он склад взорвал.

-- И как же ты оказался у нас на борту?

-- А вы догадайтесь,-- продолжал агрессивно настроенный Проговский.

-- Понятно...- со вздохом произнёс Северин. Террорист довольно хмыкнул.

-- Выкинуть его за борт?-- буднично спросил Манулов. В первый момент мне показалось, что я ослышался.

-- Думаю, можно,-- так же безразлично ответил капитан, словно говорили об использованном пакетике чая.

-- Как?! За что? Почему? Не надо!-- заверещал Бернар, но техник схватил того за шкирку. Я в ужасе смотрел на происходящее, не в силах ничего произнести.-- Не надо! Я сделаю всё, что хотите?

-- Так уж всё?-- наконец, отозвался на мольбы Северин.

-- Да-да!

-- Манул, верни его на место...

Уже присмиревший Проговский грохнулся обратно на стул.

-- Продолжим: как ты проник на борт?-- повторил вопрос Северин.

-- Камеру разбомбили, я и вышел. Никого не было. Думаю: придут каргонцы и убьют. Пробрался к ангару -- путь я знаю хорошо. Решил спрятаться в грузовом отсеке. Надеялся, что там меня уж не найдут. Я не знал, куда деваться! Понимаете?..

Он был напуган, да и я, если честно, тоже. Не ожидал от Северина и Манулова такого. А может, они и не собирались его выбрасывать? Конечно, нет, а я-то поверил. И Проговский тоже.

-- Манул, что у нас со вторым отсеком?

-- Пустует...

-- Определи его в туда и организуй каюту. Вернёмся -- решат,

что с ним делать.

Техник увёл Бернара, и воцарилось молчание. Белоусов стоял в углу, словно наказанный школьник, и о чём-то размышлял. В этой тишине можно было услышать шум его мыслей.

-- Алексей Васильевич...-- обратился я.

-- Да?

-- Вы действительно хотели...-- я не договорил, не зная, как сказать дальше.

-- Нет, не хотел, но и цацкаться с преступником я не собираюсь.

На душе сразу полегчало. Я сел за стол, рядом с капитаном.

-- А можно вопрос?

-- Да.

-- А что, Руслан... он всегда такой мрачный?-- задал я вопрос, который уже давно меня мучил, ещё с первого полёта.

-- С первого дня. Он был фермером с Проксимы-2. Война началась, когда он поехал в город, каргонцы разбомбили его дом и убили семью, потому он и записался на флот. Это всё, что я знаю. Он предпочитает не говорить об этом. И мы тоже...

Теперь понятно, почему Руслан ушёл, как только заговорили про каргонцев. В глубине души я их тоже ненавидел за жертвы людей, оказавшихся в самом пекле войны. Раньше я пребывал в наивном неведении, думал: может всё обойдётся, и всё ребята вернутся домой. Боже, как я мог быть так наивен?! Бой у Белой-2 развеял все грёзы: теперь и я почувствовал на себе её бремя. Друга я уже потерял. От осознания этой мысли, сделалось невыносимо горько, и хоть я знал его чуть больше месяца, это ничего не меняло. Раньше я грузил себя работой, чтобы не думать об этом, гнал все мысли, а с Мирославом мы этой темы не касались, но теперь нахлынуло. Злость охватила меня. Сейчас я был готов наброситься на первого же попавшегося каргонца и разорвать его в клочья! Да, они в полтора раза выше людей, но ярость придала бы мне сил! И я ничего не мог с собой сделать! Всё уже свершилось.

Я посмотрел на Северина, и по его взгляду понял, что он заметил смену моего настроения. Это было нетрудно: я и сам видел, как сжались мои кулаки. Он, молча, встал и, проходя мимо, похлопал меня по плечу. И я был ему за это безмерно благодарен...

* * *

Дверь открылась. Бернар лежал на сымпровизированной койке и даже не отреагировал на моё появление. Думаю, этим он выразил свой протест. Я понимал, что Проговский должен меня ненавидеть, ведь в его глазах я был врагом.

-- Я поесть принёс,-- почему-то эти слова прозвучали как извинение.

Проговский ничего не ответил. Я поставил поднос с едой на стоящий рядом столик и уже направился к выходу, как он, наконец, ответил:

-- Как видишь, все мы пришли к одному, верно?

-- Не понял,-- я повернулся к нему. Бернар безразлично смотрел вверх.

-- Ну, как же, как мы не крутились, оказались в одной небольшой лодке. Что там будет дальше, неизвестно. Погибнем -- так вместе, и все наши противоречия уже будут не важны,-- ответил он и повторил.-- Ни для кого они уже не важны.

-- Они важны для нас.

-- Верно, нашими поступками, мы оставляем следы в реальности. Если нет, то нас словно бы и не существовало.

-- Иногда это шрамы,-- заметил я.

-- Не самое худшее решение,-- он посмотрел на меня, ожидая ответа. Вот чего он хотел этим добиться?

-- Но и не самое лучшее,-- сказал я и поспешил выйти из каюты.

Подходил к концу первый день нашего вынужденного путешествия. Мы все, кроме Мирослава, находящегося на посту, собрались в небольшой кают-компании поужинать. Несмотря на голод, еда не лезла в глотку. Мрачноватое настроение преобладало за нашим малым столом. Пожалуй, только Белоусов ел с аппетитом.

После ужина я вернулся к работе, но я никак не мог сосредоточиться: на душе по-прежнему скребли кошки. Я никак не мог избавиться от ощущения предательства. Всё-таки совесть -- весьма странная штука: карает за то, что ты не со всеми в эти страшные минуты. Наверное, богу или кому-то ещё было угодно, чтобы у нас имелся этот механизм добра и самопожертвования: сделал не так -- получи муки совести. Не знаю, может быть, я уже начинаю ударяться в мистику. Порою набегали приступы, в моменты которых мне чудилось будто Димка с укоризной смотрит на меня, говоря: "Да-а... не ожидал я такого от тебя..." Тогда мои кулаки сжимались до хруста. Несмотря на все попытки проконтролировать себя, я даже сломал ручку. Мирослав весьма выразительно посмотрел на меня, но ничего не сказал...

И всё-таки уже глубокой ночью по корабельному времени я закончил и был готов запустить Ястреба, о чём сообщил Северину. Алексей Васильевич в это время сменил на посту Мирослава и ожидал этого момента с нетерпением. Разведчик, наконец, должен был обрести новый разум.

Старт базовых программ прошёл штатно, скрипты отработали, как следует. Я следил за их работой через планшетный ПК.

-- Вижу попытки подключения,-- сообщил Северин. Действительно, Ястреб проверял периферийные устройства, в том числе и мой наручный коммуникатор, всё остальное для него было пока недоступно: сначала следовало убедиться в адекватности моего "воспитанника".

-- Ястреб, ты меня слышишь?-- спросил я.

-- Согласно гносеологическому принципу непричастности трехзначной логики к конвекционным потокам информации и принимая во внимание принципиальную необратимость многозначной эвристики, можно осмыслить сущность немодального согласия,-- прозвучал ответ.

Лицо капитана вытянулось в удивлении, а я застыл, пытаясь понять причины произошедшего сбоя: "Неужели рассыпались логические и семантические связи?!"

-- По-моему, связь работает,-- заключил Ястреб.-- Когда я получу доступ к основным ресурсам?

Мы с капитаном многозначительно переглянулись.

-- Никогда так больше не делай!-- прокричал я и, в сердцах бросив ПК, рухнул в кресло.

-- Я связь проверял. Что происходит? Насколько я понимаю, моя индивидуальность тебя не устраивает, тогда зачем ты скопировал всю информацию?

-- Всё в порядке, искин,-- ответил за меня Северин.-- У всех нервы на пределе. Можешь принять контроль над кораблём?

-- Да, но отчеты самодиагностики корабля показывают неполную работоспособность систем.

-- Да, нас слегка задело, потеряли несколько сенсоров...

Они продолжили разговор, а я старался успокоиться. Не выходило! Наверное, мне следовало поспать, но работа ещё не завершена. Я подобрал многострадальный планшетный компьютер и вернулся к выполнению своих обязанностей. Я давал доступ Ястребу к новым устройствам и проверял, как срабатывают интерфейсы. Все они были стандартными, но неисповедимы пути электронов -- по мне лучше перестраховаться, ведь я ещё ни разу не переносил искин с одного корабля на другой. Я хотел убедиться, что никаких недоразумений не будет и что Ястреб с блеском сыграет свою роль.

Через час в кабину зашёл Мирослав и поинтересовался, как у нас продвигаются дела. Пока они с Севериным обсуждали преимущества нового искина и его шуточку при запуске, я посмотрел на часы и удивился, что вскоре "утро", а значит

прошли уже сутки с тех пор, как я на ногах. Осознание этого факта сил не прибавило, скорее наоборот, я почувствовал, что моя чугунная голова готова вот-вот лопнуть. Впрочем, оставалось всего ничего. Я закончил, когда Алексей Васильевич передал пост Мирославу.

Только я поднялся с кресла, как голова закружилась. Я почувствовал, как чья-то рука схватила меня. Неужели я начал падать?! Вот уж не ожидал от себя. Всё-таки Ольга была права: последствия виртуального боя с программами сказывались не самым благоприятным образом...

* * *

Утро для меня наступило ближе к вечеру по корабельному времени. Неизвестно, сколько ещё я бы проспал, но в реальность меня вернула сирена тревоги.

Я вскочил на ноги и бросился к кабине. Здесь были все, кроме Манулова. Насколько я знал, по боевому расписанию он должен был сейчас находиться за пультом рельсотронной пушки.

-- Что случилось?

-- Вышли в обычное пространство,-- со странной заторможенностью ответил Северин.

Я взглянул на окружающий нас космос и понял, почему так говорил капитан. Учитывая то, что я ещё не до конца проснулся, увиденное показалось сном. На черном полотне сияли редкие звёзды. Их алмазные огни казались такими бледными, словно они были завешены невидимыми шорами или находились за дымкой.

-- Боже, куда нас занесло?-- прошептал Мирослав.

Молния по-прежнему двигалась впереди нас. Ей бы адресовать этот вопрос.

-- Наблюдаю несколько массивных объектов,-- доложил Ястреб.

-- Покажи,-- скомандовал Северин.

Голограмма развернулась. Глядя на неё, я никак не мог избавиться от мысли, что мы находимся внутри какой-то системы, о чём и сказал Северину.

-- Да, похоже на кладбище,-- согласился он.

-- Опять,-- сказал Мирослав и невесело усмехнулся.-- Зато Александру Николаевичу раздолье.

-- Неудачная шутка,-- отозвался мрачный археолог. Мне тоже она показалась неуместной.

Мне даже показалось, что мы вернулись обратно, но поблизости не было ни одного корабля. Две планеты неизменно висели, солнца не было. Я заметил, что руки археолога трясутся, а сам он бледнее мела. Я вспомнил о Земле, и только тогда я понял, что могу попросту никогда не вернуться, затерявшись в

глубинах космоса на небольшом кораблике. Знай бы я это, я бы предпочёл погибнуть вместе с рейнджером.

Мы не имели возможности разглядеть планеты поближе -- попросту отсутствовал свет, но судя по массе, первая планета была легче Земли примерно на 20 процентов, а вторая раза в четыре. Остальные, если они и были, находились за границами радиуса действия грависенсоров.

-- По всей видимости, мы продолжаем двигаться, скорость порядка пяти процентов от световой,-- заметил капитан.

-- Ускорение около ста G,-- добавил пилот.

-- Гравикомпенсаторы выдержат?-- спросил Белоусов.

-- Должны...

-- Ястреб, можешь определить наши координаты?-- спросил Северин.

-- Попробую,-- ответил искин и замолчал. Стало так тихо, что я услышал бормотание археолога. Я прислушался: невероятно, он читал молитву. Никогда бы не думал, что этот человек знает хотя бы одну из них. Меня это так удивило, что я даже позабыл о былых страхах.

-- Я не могу определить наши координаты,-- доложил Ястреб.

Раздался нервный смешок учёного.

-- И надо было переносить искин, чтобы он не мог определить наши координаты,-- проворчал он. Я открыл рот, чтобы сказать всё, что о нём думаю, но Ястреб меня опередил:

-- Ваши претензии неуместны: если я не имею исходных данных, то, следовательно, и не могу посчитать. И вообще... я здесь не местный.

"Молодец",-- мысленно усмехнулся я и услышал голос Мирослава:

-- Мы двигаемся к большей планете... сбрасываем скорость.

-- А каргонцы?-- спросил я.

-- Я пока их не вижу.

-- Мирослав, давай попробуем отвязаться от артефакта,-- сказал Северин и обратился ко мне.-- Сядьте в кресла, не хватало ещё, чтобы вас размазало в случае нештатной ситуации.

Я поспешил выполнить приказ. Мне и самому не хотелось блестеть пятном. Впрочем, все попытки сдвинуться хоть на метр относительно Молнии не увенчались успехом, но планета уже была достаточно близко, чтобы видеть её. Ястреб по просьбе Северина сделал приближение и отобразил её на обзорном экране. Из-за смерти солнца разглядеть что-либо не представлялось возможным, хотя мы находились в миллионе километров от планеты -- примерно 3 расстояния от Земли до Луны.

-- Вижу каргонский крейсер!-- прокричал Мирослав, я непроизвольно вжался в кресло: приехали, вот и конечная станция, здесь нас и прихлопнут.-- Они нас догоняют...

Внезапно в глаза ударил свет. Я зажмурился, но Ястреб подкорректировал яркость, и теперь уже можно было смотреть. То, что я увидел на обзорном экране, поразило меня ещё больше, чем перелёт по туннелю. Справа от нас ярко горело солнце, а на нас надвигалась совершенно иная планета! Живая, красочная, горящая голубизной океанов и дымкой облаков! Я вспомнил, как покидая Землю, с благоговением вглядывался в бесконечность, сейчас у меня было такое ощущение, что я возвращаюсь обратно. Как она походила на нашу Землю! Оказывается, я, сам того не зная, невероятно скучал по ней. Как такое возможно?!

Планета приближалась, а я всё смотрел на неё как заворожённый, позабыв, что где-то сзади движется крейсер Каргона.

Молния нас всё-таки отпустила, когда до поверхности планеты оставалось считанные тысячи километров, и мы уже не успевали сменить курс. Впрочем, единственным спасением от преследующего противника была возможность затеряться в густых лесах планеты, загадочным образом скрытой от остальной Вселенной. Мирослав подкорректировал курс и сбавлял скорость, чтобы приблизить её к скорости вращения планеты. Молния словно бы и не пыталась уйти от нас и двигалась достаточно медленно, чтобы мы за ней поспевали. Ко мне закралась мысль, что при желании, она бы могла просто исчезнуть с наших глаз, как уже бывало, но по каким-то соображениям не делала этого. К счастью, каргонский крейсер пока не появлялся. Наверное, незримая граница скрывала нас друг от друга, но не было никаких гарантий, что он вот-вот не появится и достаточно близко, чтобы засечь наше местоположение.

Вскоре мы стали сходить в атмосферу. На обзорном экране я видел, как плазма окружила бот. Слегка затрясло, хотя гравикомпенсаторы гасили основную часть перегрузок. Мы садились в центре крупного материка сплошь покрытого лесами. Вот уже я мог разглядеть зелёный ковёр вперемешку с озёрами.

-- Каргонцы уже здесь,-- сообщил Северин и уточнил.-- На орбите.

-- Они могут нас засечь?-- беспокойно поинтересовался Белоусов.

-- Вполне,-- ответил капитан.

Разведчик несся с ужасающей скоростью, и, хотя она падала, я понял, что посадка может быть весьма жёсткой, а если притормозить, то это увеличит шанс дать обнаружить себя. Я

отбросил "если" и доверился пилоту. Он знает своё дело, и нечего зря нагнетать обстановку.

Северин выбрал средний вариант. Бот скользил на гравитационной подушке над верхушками деревьев так быстро, что я ничего не мог разглядеть в этом мерцании зелёных пятен. Вскоре показалось поле жёлтого цвета, а за ним снова начинался лес. Мирослав затормозил у опушки и, на мгновение зависнув, юркнул под кроны деревьев так резко, что я даже услышал, как ломаются ветви о корпус.

-- А пожара не будет?!-- испуганно вскрикнул Белоусов.

-- Нет, я уже остудил корпус,-- ответил Мирослав.-- Это же разведчик. Сами должны понимать...

Я вообще-то не совсем понял, но, наверное, имелась стандартная аппаратура для кораблей такого типа.

Внизу слегка стукнуло -- мы приземлились.

-- Манул,-- произнёс Северин в коммуникатор,-- проверь как там наш гость.

Я отстегнул ремни. Камеры, установленные на носу корабля, переносили изображение на экран, поэтому пейзаж бы виден, как из окна: густая растительность в виде "папоротников", высокие ветвистые деревья и поле гигантских цветов ярко-жёлтого цвета. Я подошёл к Мирославу, чтобы лучше разглядеть новый окружающий нас мир. Если лес не казался столь необычным, то цветы выглядели весьма странно, но не из-за их размеров. Приглядываясь к стеблям, я заметил весьма странную структуру, напоминающую сетку, словно кто-то обвил их крест-накрест.

-- Похоже на Землю, да?-- спросил Мирослав.

Трудно было не согласиться, и я попытался понять, почему же здешняя природа так напоминает нашу родную. Насколько я знаю, даже при всей схожести людей и каргонцев, наша флора различалась существенно. Чего только стоят их кламариумы и карзоки с их бегающими шипами...

-- Воздух пригоден для дыхания,-- сообщил Ястреб.-- 77 процентов азота, 22 процент кислорода. Уровень радиации в норме. Свет звезды соответствует солнечному, ультрафиолет и инфракрасные лучи в допустимом диапазоне.

-- Идеально,-- подвёл итог Северин. Меня почему-то это не удивило.

-- Значит, мы можем выйти?

-- Я бы не советовал,-- ответил капитан.-- Возможны опасные вирусы, микроорганизмы.

-- Это уж вряд ли. Если Молния привела нас в этот мир и не предупреждает, то логично предположить, что никакой опасности нашему здоровью нет,-- высказался Белоусов.-- И не можем же мы

здесь постоянно сидеть.

-- Не можем, зондов у нас нет,-- отозвался Северин.-- Мы знаем вектор движения Молнии. Ястреб, выведи схему движения...

Над приборной панелью развернулась голограмма, отображающая рельеф местности, над которым висела красная линия. Линия обрывалась на расстоянии 5 километров у гряды холмов, преходящих в горы.

-- Ястреб, можешь проанализировать, куда делать Молния?-- спросил Алексей Васильевич.-- Она залетела в пещеру?

-- Причины неизвестны, но перед исчезновением, она висела три секунды,-- голограмма пришла в движение и отобразила сказанное искином.-- До гор она не долетела.

-- Хм... Но всё-таки можно сделать вывод, что она достигла своей цели,-- сказал Белоусов.

-- Весьма вероятно,-- кивнул Северин.-- Пока подождём.

-- Мы всё равно выйдем рано или поздно,-- не согласился Белоусов. И я был с ним солидарен.-- Давайте хотя бы осмотримся!

Северин постучал пальцами по приборной панели, обдумывая все аргументы, и сказал:

-- Хорошо. Наденем воздушные маски.

-- Если здесь есть что-либо опасное, они не помогут,-- сказал Белоусов.

-- Всё равно, это мера предосторожности. Мирослав, ты здесь за главного. Степанов остаётся. Идём мы с Александром Николаевичем.

Естественно такое заявление вызвало во мне бурю негодования, хотя я понимал, что с его точки зрения такой шаг вполне оправдан, но как я не упрашивал капитана, он не отступил. Но мне так хотелось вступить на эту планету первым! Что это такое? Я был первым уже не раз за последний месяц, и вот меня отодвигают в сторону. Я видел, как Белоусов усмехнулся, посмотрев на меня. Не стоит иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, о чём он подумал: торжество так и светилось в его глазах. Что ж, на этот раз его билет оказался выигрышным и с этим ничего не поделаешь: мне отводилась роль наблюдателя, и я сел рядом с Мирославом.

Вскоре перед носом корабля показались Северин и Белоусов. Они помахали нам руками. В этот момент в кабину вошёл Манулов.

-- Первопроходцы,-- пояснил Мирослав. Руслан по обыкновению мрачно кивнул.

Капитан направился в сторону цветов, археолог следовал за

ним, приглядываясь к растениям и теребя листья. Один даже надорвал и посмотрел на свет. Он с озадаченным видом крутил его достаточно долго, чтобы Северин окликнул его. От меня не укрылось вороватое движение руки, положившей несчастный листок в карман.

"Надо будет напомнить о нём..."

Последующие десять минут я еле вытерпел, ожидая возвращения первопроходцев. Видеосвязи у нас не было, только наручные коммуникаторы. Судя по разговорам, происходило нечто странное: Белоусов постоянно норовил упасть, обо что-нибудь запнуться. С каждым разом обстановка накалялась, и после пяти таких случаев, Северин потерял терпение. Он приказал возвращаться, но тут случилось ещё одно такое происшествие: археолог шлёпнулся на землю, чуть не сорвав маску, и закричал: "Ай, нога, нога!"

-- Да что же это такое!-- не выдержал Северин.

-- Я ногу сломал!-- прокричал в ответ Белоусов.

-- Ну и дела...-- произнёс Мирослав.-- Что за бестолочь...

Когда мы их увидели, Белоусов прыгал на одной ноге. Я и Манулов побежали встречать горе-первопроходца. На археолога было больно смотреть: каким-то чудом он умудрился подвернуть лодыжку, а одежда в двух местах оказалась порвана, хотя по объяснению Северина я понял, что ни одно растение не имело колючек или шипов. Учёному колоссально не везло!

-- Проклятая планета!-- в неистовстве кричал Александр Николаевич и постоянно добавлял какое-нибудь ругательство. Мне хотелось закрыть уши, хотя я понимал, что рычал не от боли, а от обиды.

Пока Манулов прикладывал лёд и делал тугую повязку, я подумал, что в том, что я остался, есть доля провидения. Если бы я пошёл вместе с ними, не факт, что добрался до корабля целым и невредимым. И всё-таки, почему же Белоусов чуть не сломал ногу на ровном месте, а с Севериным ничего такого не происходило? Неужели, действительно всё дело в неуклюжести учёного, но я раньше за ним ничего подобного не замечал. И тут я вспомнил о листике, сорванный археологом.

-- Александр Николаевич, а что вы сорвали? Покажите?-- напомнил я. Археолог недовольно скривился, но всё-таки достал его из кармана. То, что мы все увидели, немало нас удивило: лист, который недавно цвел яркими красками, покрылся морщинами и скукожился. Новое происшествие заставило замолчать ворчащего археолога.

-- Как так...-- выразил он всеобще удивление.

Неожиданная догадка посетила меня.

-- Кажется, я понимаю, почему так случилось,-- сказал я. Все, наконец, оторвались от поблёкшего листочка.-- Александр Николаевич сорвал его, и планета ответила.

-- Да брось нести чушь,-- фыркнул Белоусов и передразнил.-- "Наказала"... Что я, ребёнок маленький?

Я лишь пожал плечами, не в силах найти аргументы, но неожиданно меня поддержал Северин.

-- А в этом есть свой резон, хотя и звучит неправдоподобно,-- задумчиво сказал он.-- Растения, как и всё живое, чувствует. Их биополе столь же сильно, как и любого животного. Может, этим они выразили своё возмущение?.. Ястреб, что скажешь, возможно такое?

-- У меня нет информации. Я и сам здесь не местный,-- ответил искин как всегда в своём репертуаре.

-- Значит, необходимо найти местных, если они есть, хотя никаких признаков цивилизации я не заметил,-- сказал Северин, и мне почему-то казалось, что за этим дело не станет.

* * *

Вскоре мы убедились, что и сутки на планете не сильно отличаются по длине от земных: примерно 25 часов. Час разницы, по сути, оказался несущественным: все мы уже давно выбились из обычного графика.

Полночи я ворочался и никак не мог уснуть. Под утро мне это надоело и чтобы больше не терять время, и я, достав сухой паёк, направился в кабину.

-- Не спится?-- спросил Мирослав

-- Да, а ты что, постоянно на дежурстве?-- спросил я, приступив к нехитрому завтраку.-- Как не зайду, всегда ты.

-- Да нет, Северин первую половину дежурил. У нас длинные вахты, но я уже привык.

-- Было движение ночью?

-- Да ничего такого особенного. Всё глухо. Странно, я думал, лес будет кишеть живностью, но я даже не заметил ни одной букашки. Такое ощущение, что здесь нет ни зверья, ни птиц... Одна растительность: эти цветы. Странно, но должен же их кто-то опылять...

-- Планета растений?-- удивился я.

-- Кто её знает. Может быть, создатели Молнии и были растениями... разумными. Ты всерьёз думаешь, что Александр Николаевич пострадал из-за сорванного листка?

Я пожал плечам:

-- Не знаю... Всё может быть. За последнее время я столько всего видел, что не удивился бы. Хочу прогуляться,-- под конец добавил я.

-- Я тоже, но не советовал бы.

Я кивнул, хотя отчетливо понимал: если здесь и имеются какие-либо опасные микроорганизмы, то они уже давно внутри корабля. В таком случае, мы уже вряд ли могли помочь себе. И всё-таки мне нестерпимо хотелось выйти наружу. Доев сухой паёк, я снова сообщил об этом Мирославу, не забыв упомянуть и о своих размышлениях.

-- Ты фаталист,-- ответил Мирослав.

-- В таком случае, сидеть здесь и не высовываться -- это уже паранойя. И вообще, приказа оставаться на месте не было, а всё, что не запрещено, разрешено. Северин выходил -- ему ничего. Я же листочки срывать не собираюсь...

-- Делай, что знаешь,-- сдался пилот.-- Ком только проверь и маску не забудь.

Я поторопился к шлюзу. У меня не возникло никаких иллюзий относительно длительности моего пребывания за пределами корабля: как только Северин проснётся, он тут же вернёт меня и выскажет всё, что думает.

Утренняя влага приятно освежала воздух. Я чувствовал это даже через маску. Мне захотелось сорвать её с лица, но червячок сомнений остановил меня в последний момент. Всё-таки я не дома и не стоит забывать об этом.

Я прошёл вдоль борта и остановился напротив носа корабля. Удивительно, но даже с такого расстояния разведчик слабо выделялся на фоне местности. Несомненно, Мирослав следил за

каждым моим шагом, но мне почему-то захотелось помахать ему рукой именно отсюда, что я с удовольствием и сделал.

-- Ну как погодка?-- спросил он у меня, и я понял, что ему тоже надоело сидеть в этой консервной банке и тушиться в её тепле.

-- Всё отлично. Тебе тоже стоит прогуляться.

-- Ястреб тоже изъявил желание.

-- У него и так датчики на обшивке,-- усмехнулся я.-- он всегда на свежем воздухе.

Внезапно ощущение чьего-то присутствия захватило меня -- я резко повернулся.

-- Что случилось?-- обеспокоенно спросил Мирослав.

-- Не знаю, показалось...

-- Ты что-то слышал? Я никого не вижу...

Я не ответил и сделал шаг назад. Здесь точно кто-то был!

-- Ты боишься?-- раздался детский голос.

Из дерева вышел мальчик. Да! Именно из дерева! Я готов был поклясться, что он появился именно оттуда! Мальчик смотрел на меня внимательными изучающими глазами. Ему было лет двенадцать на вид, не больше. Его одежда казалась лёгкой, ткань серебрилась в лучах утренней зари, да самого малыша окружал едва видный ореол света, словно маленький ангелочек. Я поначалу даже подумал, что мне показалось, но, присмотревшись, понял, что всё именно так, и лишь потом я заметил, что он говорил по-русски, чего не может быть в принципе!

Мальчик по-прежнему внимательно меня рассматривал, а я молчал.

-- Ты боишься,-- теперь уже уверенно сказал он.

-- Кого?

-- Тех, кто с неба, и тех, кто вокруг тебя,-- ответил мальчик.

Я снова не нашёл, что ответить. Как он узнал, откуда?!

-- Откуда я знаю?-- с искренним удивлением спросил мальчик.-- Ты очень странный. Ты же об этом постоянно думаешь.

-- Ты читаешь мои мысли?

-- Глупый, хотя и кажется взрослым,-- ответил он.

-- Юра, ты что там, с воздухом разговариваешь?-- услышал я встревоженный голос Мирослава, но проигнорировал вопрос.

-- Как тебя зовут?-- решил я начать с простого.

-- Яоа,-- ответил он.

"Что за странное имя",-- подумал я.-- "Ни одной согласной".

-- Можно я буду звать тебя Ян? Мне не привычно.

-- Можно,-- улыбнулся я,-- Видишь ли, мы прилетели издалека...

-- Да, я слышал историю. Я пришёл посмотреть на вас. Вы

действительно странные. И те, кто с неба, тоже странные,-- в задумчивости добавил он.-- Мне пора.

-- Стой.

-- Да, я приду,-- ответил он на незаданный вопрос, сделал шаг назад и исчез.

-- Эй, Юра, что у тебя там происходит?!-- донёс ком голос Мирослава.

-- Вернусь, расскажу,-- ответил я, всё ещё не веря в произошедшее.-- Ты не поверишь, Мир. Это было нечто!..

-- Не знаю, что ты там увидел, но разговаривать с деревом и не отвечать, не правильно.

-- Ладно, не буду...

-- Замечено движение,-- сообщил Ястреб.

-- Где?-- спросил я, ожидая увидеть ещё кого-нибудь.

-- В небе,-- мрачно ответил Мирослав.-- Каргонцы выслали два бота. Думаю, собираются прочёсывать местность. Возвращайся.

-- И не лень же им. Прилепились как банный лист...-- заворчал я, но направился к шлюзу. Не хватало ещё, чтобы из-за моей безалаберности нас засекли.

Вся команда уже была на ногах. Я встретился с Севериным, когда прибежал в кабину, и чуть не столкнулся с Мануловым, спешащим к орудиям. Странно, но капитан, казалось, даже не заметил моего отсутствия или сделал вид, что не заметил. Все пристально следили за движением вражеских ботов. Судя по всему, они не знали точно, где мы сели. Каргонцы приземлились на почтительном расстоянии друг от друга и явно намеревались прочесать местность. В противном случае им было бы гораздо проще уничтожить нас с орбиты одним выстрелом.

-- Оружие держать умеешь?-- спросил у меня Северин.

-- Да вроде бы...-- ответил я, хотя сильно сомневался, что от меня будет толк, несмотря на все тренажёры.-- Но только в виртуальности...

-- Сойдёт... Пошли.

Северин быстрым шагом вышел из кабины и спустился на уровень ниже. Не знал, что даже здесь имеется небольшая оружейная. Капитан достал из ящика три автомата и вручил один из них мне, а рядом положил три обоймы. Пока я привыкал к оружию и заряжал его, он сказал:

-- Сканеры "Глаза" предупредят нас о приближении. Когда каргонцы нападут, мы будем за деревьями. Бот взлетит и поддержит нас с воздуха. Остальное зависит от нас,-- а затем спросил в коммуникатор.-- Мирослав, ты слышал?

-- Слышал,-- ответил пилот.

-- А нельзя ли внутри...-- осторожно предложил я.

-- Нельзя,-- жёстко отсек Северин.-- Нельзя, чтобы нас можно было уничтожить одним ударом. Находясь внутри, мы ничего не сможем сделать.

-- А с тылу не зайдут?

-- Мы их в любом случае увидим раньше. Кстати, возьми это,-- он держал в руке нечто похожее на очки.

-- Что это?

-- Тепловизор. Лучшее средство против поля невидимости. Каргонцы любят его использовать.

Я принял "очки" и надел их -- мир непривычно окрасился разными цветами. Я не совсем понял, что такое поле невидимости, и каким образом инфракрасные очки могут смотреть сквозь него, но раз Северин был уверен, то и мне не было повода сомневаться.

"Работает",-- оценил я и, сняв тепловизор, распределил две обоймы по карманам.

Северин закрыл ящик и направился обратно в кабину, где и отдал Мирославу последнее оружие. Если они были готовы, то я о себе не мог сказать такого. Только что я видел ребёнка, который смотрел на меня такими чистым и глубоким взглядом, что я сам себе казался не большим, чем пустая ваза, и в любой момент каргонцы могли её разбить. Странно, но меня охватило чувство досады: я так и не узнаю, куда попал и почему. Впрочем, в глубине души я надеялся, что они нас не заметят.

В напряжённом ожидании проходили минуты, а затем и часы. Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы осветить лес и опушку. Гигантские цветы завораживающе поблёскивали в лучах и покачивались как-то странно, словно их стебли были наполнены мышцами, и судорожно сжимались.

-- А ветра-то нет,-- заметил Мирослав. Я присмотрелся. Действительно, деревья оставались неподвижными.

-- Но что-то их беспокоит.

-- Несомненно,-- ответил Северин и добавил.-- Юра, на выход.

Я поспешил за капитаном. Место, выбранное им, оказалось довольно удобным в тактическом плане: я видел опушку и одну часть леса, Северин контролировал другую. Откуда бы ни появились каргонцы, мы могли выстрелить первыми. Я надел инфракрасные очки. Наверное, прошло минут десять прежде чем я первый раз пошелохнулся, боясь привлечь внимание противника: тело уже затекло от напряжения. Ни разу не лежал в засаде и даже представить не мог, как это трудно! На какой-то миг мне захотелось, чтобы всё кончилось как можно быстрее. Ожидание, как всегда, нестерпимо, а ожидание боя -- вдвойне.

-- Кажется, кто-то выстрелил,-- услышал я голос Мирослава.

-- В кого и где?-- спросил Северин.

-- Не знаю, стреляли минимальным импульсом. Я лишь засёк "отголоски"... в двух километрах.

И снова наступила тишина. Снова минуты тянулись как вечность...

-- Вижу каргонский бот,-- доложил Мирослав.-- Он стартует. Направляется... на орбиту,-- удивлённо добавил он.-- Но второй бот я не вижу.

-- Не открывайте огонь,-- приказал капитан.-- Пусть улетают.

-- Вас понял...

-- Второй тоже улетает.

Я тяжело выдохнул. Слава Богу, всё обошлось.

"И всё-таки, в кого они там стреляли?"-- закралась ко мне в голову мысль и не желала отпускать.-- "Надеюсь, не в мальчика..."

-- Подождите! Кажется, я что-то вижу...-- сказал Мирослав.-- Да-да, это Молния. Она движется в нашу сторону.

-- Это уже становится интересным,-- ответил Северин.

Внезапно передо мной возник черный шар -- я дёрнулся от неожиданности.

"Снова эти прыжки",-- подумал я. Мне подумалось, что если бы Молния и захотела, то вообще могла бы не передвигаться "обычным" способом.

-- Она передо мной,-- сообщил я и поднялся. Появился и Северин. Он медленно приближался ко мне, держа артефакт на прицеле, хотя я не видел в этом никакого смысла.

-- Да-да, я тоже её вижу,-- сообщил Мирослав.

-- Юра, не подходи,-- приказал Северин, но я сделал один шаг навстречу.

-- Подходи-подходи!-- неожиданно услышал я голос Белоусова.-- Говори с ней. Она же не просто так пришла...

От необходимости начинать разговор меня избавила сама Молния. Её мелодичный голос снисходительно произнёс:

-- Вас, разумных, ни на секунду нельзя оставить: обязательно что-нибудь натворите.

-- Молния, это ты?-- спросил я, чтобы убедиться. Раньше она говорила несколько иначе.

-- Да, это я. И это тоже я...

Внезапно артефакт раздулся до размеров человека. Казалось, он вот-вот взорвётся, забрызгав нас своим содержимым, но вместо этого он стал трансформироваться и превратился в человека, в женщину. На ней была серебряная тога, в длинные русые волосы была вплетена ярко-белая лента, переливающаяся бриллиантами. Лицо и фигура были исполнены идеальными линиями, а мудрые глаза дополняли совершенство внешнее.

Все стояли как вкопанные, открыв рты. Даже я не ожидал ничего подобного. Молния же наклонила голову и внимательно всматривалась в нас. Кажется, наша реакция её забавляла.

-- Неплохой трюк,-- наконец, произнёс Мирослав.

-- Так лучше, верно?-- спросила она и улыбнулась.-- Я лишь сбросила оболочку.

-- Оболочку?-- глупо переспросил я.

-- Вообще-то я ожидала иных вопросов. И я пришла, чтобы ответить на них.

Мы с Севериным переглянулись. Капитан, наконец, опустил оружие.

-- У нас столько вопросов, что я даже не знаю, с чего начать,-- признался я.-- Потребуется много времени, чтобы их перечислить. Не уверен, что оно у нас есть.

-- Зачем же тогда тратить время? Разрешите?-- спросила она, указывая на корабль.

-- Да, конечно,-- ответил Северин. Я почувствовал его волнение.-- Проходите. Ястреб, открой.

Дверь шлюза открылась. Молния улыбнулась:

-- После вас. Да, кстати, воздух здесь абсолютно безвреден для вас. Маски можно не надевать.

-- Спасибо,-- ответил капитан и вошёл в бот. Я последовал за ним. На пороге я обернулся. Молния тоже сделала шаг, но остановилась, словно опасаясь сократить дистанцию.

Когда мы поднялись в кают-компанию, Белоусов усаживался за стол с невероятно важным видом, словно он собирался принимать дипломатическую делегацию самого высшего уровня. Возможно, дело обстояло именно так, но перевязанная нога явно не способствовала поддержанию его имиджа. Почти одновременно с нами появился и Манулов. Мне даже показалось, что на его вечно хмуром лице, появились искорки любопытства.

Молния грациозно вошла в помещение и окинула нас взглядом. Белоусов поднялся, поправил одежду и сказал:

-- Мы рады приветствовать вас здесь, в нашем скромном убежище...

Я внимательно следил за Молнией: в её глазах проступило какое-то недовольство, словно произошло нечто кощунственное. Я, молча, молился, чтобы этот археолог поскорее замолчал и прекратил повторять уже однажды сказанные слова.

-- А здесь не все,-- сказала Молния.-- Почему один человек заперт?

-- Он преступник. Его опасно выпускать,-- сказал Северин, но увидев уверенность в её взгляде, уступил.-- Манул, приведи Бернара.

Бортинженер скрылся. Пока он отсутствовал, Молния продолжала рассматривать кают-компанию, а затем перешла на нас. Она переводила взгляд с одного на другого, пока он не остановился на археологе.

-- Александр Николаевич, как ваша нога?-- спросила Молния.

-- Подвернул,-- ответил Белоусов.-- Ничего, спасибо.

-- Позволите?-- она сделала шаг к нему.

Учёный насторожился и прежде чем успел ответить, рука Молнии коснулась его лодыжки. Тот только успел ойкнуть, как всё закончилось.

-- Не стоило вам тревожить лесных духов,-- сказала она и спросила.-- Не болит?

Я видел, как Белоусов неуверенно покрутил ступнёй, затем полностью перенёс вес тела на больную ногу.

-- Нет,-- удивлённо ответил он.-- Спасибо... Как вам это удалось?

Молния не успела ответить, поскольку в этот момент в кают-компанию вошли Манул с Проговским. Бортинженер держал в руках пистолет, что очень не понравилось Молнии. Её взгляд стал хмурым, как летняя гроза.

-- Руслан Рашидович, пожалуйста, уберите оружие,-- сказала она. Тот на секунду заколебался, но всё-таки вернул пистолет в кобуру.-- Вы находитесь на территории мира, который давно живёт по законам, отличным от ваших. Любое нарушение правил может привести к последствиям, которые никому не будут приятны,-- она расстроено вздохнула.

-- Вы здесь, чтобы объяснить эти правила?-- спросил Белоусов.

-- Да, вы уже потревожили духов природы. Здесь любое действие находит ответ. Ваш сорванный листок обернулся травмой.

-- Духи?-- сморщился Белоусов. Очевидно, такие слова казались ему несерьёзными. Я бы на его месте вообще б молчал, хотя что я сейчас делаю?

-- Да, поймите, эта планета живая, и более того, она метаживая. Ваш корабль более не ваша территория, ибо природа не знает границ государств и сообществ. Все вы с первого момента, когда сменился космос, уже вне привычных вам правил существования: никакого оружия, никакого насилия...

-- Вы скажите это каргонцам, которые скоро придут и перебьют нас всех,-- фыркнул бортинженер.-- Хорошо рассуждать, пока к виску не приставлен ствол...

-- Манул!-- остановил его Северин и обратился к Молнии.-- Но он прав, мы в безвыходном положении.

-- Я знаю о вашей проблеме. Уверена, скоро её не будет. Они

со временем поймут...

-- Очень сомневаюсь. Вы вообще знаете, что они такое? Они звери!-- глаза Руслана налились кровью. Я испугался: не бросится ли он сейчас на нашу гостью.-- На Проксиме-2 они вырезали треть населения! Вы представляете себе такое? Резали всех, у меня на глазах! Не жалели ни женщин, ни детей -- я видел это, собственными глазами! Собственными глазами, чёрт вас побери! Устроили, значит, тут рай, и говорите: не запачкайте нам коврик, осторожно! Не учите жить! Ясно?! Вы понятие не имеете, что такое боль проксимийцев, когда ваш родной мир уничтожают, топчут сапогами вонючие "макаки"!

-- Манул!-- крикнул Северин.

-- Пошли вы все к чёрту!!! Лично я намереваюсь перебить их, всех до единого!-- бросил он и пулей вылетел из помещения.

-- Я прошу прощения за него,-- сказал капитан.-- Он потерял там всё... Вы должны понять.

-- Да, я понимаю,-- ответил Молния. Мне казалось, она вот-вот заплачет!-- Но он не прав,-- женщина посмотрела куда-то вверх,-- мы знаем, что такое боль утраты.

Что-то глубокое и трагичное стояло за этими словами -- я чувствовал это. Не знаю, как, но я ощущал её боль, словно в этот момент она потеряла что-то бесценно дорогое. Я сел в кресло, не в силах больше стоять.

-- Я всего лишь посредник между этим миром и вами,-- сказала Молния.-- Вас волнует вопрос: зачем вы здесь? Разумеется, это не случайность. И наличие каргонского корабля тоже не случайность. Мы пытаемся исправить ошибку, которая была допущена миллионы лет назад.

-- Что это за ошибка?-- спросил Белоусов.

-- Я не могу сказать. В любом случае, в этом не только наша вина и даже не столько наша...

-- Так что же нам делать?-- спросил Северин.

-- Сперва нужно найти общий язык,-- ответила она и улыбнулась, посмотрев на Проговского.-- Это первое, что нужно сделать. Мне пора.

Мы попрощались. Молния махнула рукой и исчезла.

"Вот бы и мне так научиться!"-- подумал я.-- "Не надо тратить время впустую..."

-- В интересную ситуацию мы попали,-- сказал Северин.

-- Меж двух огней,-- подал голос Проговский, напомнив о себе.

-- А тебя никто не спрашивал. Сядь,-- приказал капитан. Бернар подчинился.

-- Если мы хотим найти общий язык,-- сказал я,-- нужно

начинать с малого: с себя.

-- Что ты имеешь в виду?

-- Молния, не имела в виду нас и каргонцев, потому и попросила привести сюда Бернара.

-- А почему мы вообще должны следовать её указаниям?-- недовольно спросил Мирослав.

Я пожал плечами. Мне идея Молнии казалась верной и стоящей претворения в жизнь, несмотря на то, что Бернар был пойман не без моего участия и имел все основания ненавидеть меня. Я и сам испугался своих мыслей: даже под угрозой опасности мы готовы искать различия вместо того, чтобы искать общее, идти на компромисс.

-- Мы должны прийти к общему знаменателю, чтобы не увязать в распрях.

-- Верные слова,-- отозвался Бернар. Наши взгляды встретились, и я с облегчением узнал, что нет у Проговского никакого камня за пазухой, предназначенного для меня.-- Я преступник,-- признал он.-- Всему должен быть свой предел, и я перешёл его. Сейчас я понимаю глупость моего поступка.

-- И мы не будем,-- сказал Северин.-- Мирослав, отведите Проговского в его "каюту".

Пилот взял Бернара за руку и вывел из кают-компании. Тот не сопротивлялся. Мне казалось это неверным, но я промолчал. Сейчас мы отказались от предложенного нам пути, хотя, уверен, все бы только от этого выиграли, но инертность мышления не позволяла отбросить прошлое. Как бы ни парадоксально это звучало, но только Проговский был готов пойти навстречу.

День выдался тяжёлым, и я наслаждался покоем и тишиной, а затем и вовсе уснул. Мне снились совершенно ненормальные сны: то я двигал планеты, то плыл по реке, берега которой скрывались за густым туманом, то снова сражался с компьютерным вирусом, а Ястреб почему-то всё время пытался меня укусить за руку, а Молния наблюдала за этим и всё приговаривала: "Да-да, так и должно быть" или "Поспеши, транспорт уходит в 19..." Ума не приложу, куда я мог опаздывать во сне...

Вой сирен заставил меня подскочить на месте. Я поспешно натянул брюки и ворвался в кабину с криком:

-- Что случилось?

-- Каргонцы,-- коротко ответил капитан и бросил мне автомат.-- На выход, быстро! Они уже близко...

Мы пулей вылетели из кабины. Мимо промчался Манулов: лицо бортинженера выражало холодную решимость. Руслан излучал ненависть всем своим видом. Можно было не сомневаться: он выполнит своё обещание, данное Молнии.

Свою позицию я уже знал, потому сориентировался быстро: залёг у знакомого дерева и, надев тепловизор, замер. Среди деревьев я отчётливо увидел две крупные фигуры. Они были достаточно большими, чтобы не сомневаться: это каргонцы -- всем известно, что они в полтора раза выше человека. Со стороны Северина прозвучал первый выстрел: один из них вскинул руки и упал, другой мгновенно исчез.

Несколько ярких росчерков плазмы выскочило из кустов, но прошли довольно далеко от нас: били наугад. Я снял автомат с предохранителя, но не ответил: не хотелось раскрывать свою позицию.

Зашумели двигатели разведчика. Он плавно поднялся над землёй и стал разворачиваться носом к врагам. Снова ударила короткая очередь, в ответ прошипели синие пунктиры. Какая-то красная тень промелькнула меж деревьев -- я выстрелил навскидку. Заработал рельсотрон бота -- с неба обрушился огненный смерч. Сердце колотилось как бешенное, адреналин ударил в кровь. Я пускал одну очередь за другой, пытаясь отследить мелькавшие в огне тени. Несколько снарядов плазмера прошипели возле меня, воздух наэлектризовался. Один из них ударил в дерево -- на меня обрушился град обожженных щепок, полыхнуло жаром. Затем снова... я перекатился, и как раз вовремя: всё вокруг вспыхнуло, и меня отбросило в сторону. К счастью, мне повезло -- снаряд взорвался относительно далеко. Я подобрал автомат и услышал пронзительный скрип: обожжённое дерево падало прямо на меня. Я рванул влево, но запнулся, ещё один бросок -- земля сотряслась от удара ствола, вверх поднялась пыль из листьев, земли и щепок. Стряхивая мусор с головы, я чуть приподнялся. Пунктир выстрелов чуть было не прошил меня -- я рухнул обратно.

Внезапно всё стихло. Я даже испугался: не оглох ли? Но треск пожарища разуверил меня. Я чуть высунулся из укрытия. Молния стояла посреди выжженной земли, разведя руки в стороны. Из кустарника вырвался синий луч плазмера и впился в её тело, но ничего не произошло: он исчез буквально в миллиметре от неё. Я даже не успел испугаться -- так быстро это произошло. Неожиданно я почувствовал лёгкость в руках и с ужасом понял, что у меня нет оружия: оно рассыпалось как непрочное песочное изваяние, оставляя только крупинки чёрного металла на ладонях. Я вжался в землю, моля, чтобы каргонцы не заметили меня.

-- Вас, разумных, точно не следовало оставлять наедине друг с другом,-- услышал я рядом знакомый голос.-- Что за неугомонные существа...

Молния стояла около меня и с укоризной качала головой.

-- Встань, опасности больше нет. Каргонцы ушли.

Я не сдал задавать себе вопросы: почему они ушли и когда успели, а доверился ей. Вокруг меня горел лес, деревья недовольно шумели. Казалось, они возмущённо кричали на меня. Странно, может быть, это игра воображения, но после всего случившегося меня уже ничего бы не удивило. Почему-то стало неимоверно стыдно, словно меня, маленького и глупого ребёнка, застали за непристойным занятием.

-- Все живы?-- раздался в коммуникаторе голос Мирослава.

Я посмотрел на Молнию.

-- Ответь,-- сказала она.-- Пускай он садится.

-- Я в порядке, Мир. Забери нас.

-- Я удивлена вашими способностями,-- сказала Молния и взмахнула руками. Налетел порыв ветра -- огонь мгновенно погас.

-- Мы защищались.

-- Разумеется. Проповедью двух тигров не разведёшь по углам арены,-- и добавила.-- К сожалению...

Тем временем бот уже опускался на землю. На его обшивке виднелись чёрные следы попаданий, но в целом разведчик не пострадал и относительно хорошо мимикрировал на местности. Вот только что-то в нём изменилось. Присмотревшись, я понял что: башня турели осталась на месте, но два ствола отсутствовали! Теперь мы были полностью беззащитны, электромагнитов разгона попросту не существовало.

Я понимал, чего добивается Молния, но сомневался, что каргонцы оставят в покое такую простую мишень, как мы. Почему они должны поступать иначе?

Разведчик сел, и я направился к шлюзу. Около него стоял Северин и рассматривал кобуру, затем перевернул её, и оттуда посыпался металлический порошок. Капитан хмыкнул и вошёл в бот. За ним поднялся и я.

Молния уже ждала нас в кают-компании. По круглым от удивления глазам Белоусова, стало понятно, что она появилась здесь только что. Кажется, я уже начинаю привыкать в её магии.

-- Я уже дважды спасла вас,-- сказала она.-- Первый раз от каргонцев, второй -- от духов. Вас можно понять, но принять ваши действия они не могут. Инерционность вашего мышления ещё слишком высока, чтобы, как вы выражаетесь, не утверждать свой устав в чужом монастыре.

-- Происходит что-то невероятное!-- ворвался Манулов. Его ярость не знала границ. Я даже невольно отшатнулся от него.-- Ты...-- прошипел он, глядя на Молнию,-- ты...

В припадке ярости он ринулся к ней. Северин попытался остановить безумца, но тот оттолкнул капитана. Я с ужасом ждал

развязки. Манулов набросился на Молнию, но за мгновение до этого она исчезла, и он рухнул на пустой стол.

Я вылетел из кают-компании и помчался к выходу. Я слышал слова Манулова, его проклятия -- шум стоял неимоверный -- Северин пытался успокоить неуправляемого бортинженера. Всё стихло, когда я вырвался на воздух. Здесь пахло жжёным деревом, пепел летал вокруг меня, порхая словно живой и закручиваясь в малые вихри. Я стоял у входа и не знал, зачем ушёл. Наверное, мне просто хотелось побыть одному, не слышать грома чужих слов. Только сейчас я заметил, как тряслись руки. Нет, меня трясло всего, словно в лихорадке. Я понимал, что всё нами сделанное сейчас неправильно и даже чудовищно. Деревья всё так же недовольно шумели. Наверное, уже хватит молчать и идти на поводу у обстоятельств. Боже мой, да ведь я так и поступал! Всё, хватит! Надоело!!! Всё-таки стадный инстинкт у человека весьма силён: кто-то иной договорится с каргонцами, кто-то иной наладит связь в коллективе, кто угодно, только ни я. Лишь бы не брать на себя ответственность, лишь бы не выделаться -- откуда идёт этот деградирующий посыл?! Почему Эволюция сочла лучшим, чтобы мы, люди, следовали за вожаком, списывая на него всю ответственность, совершая безумные поступки. А где же личность? Где величие разума? Это какая-то злая усмешка над высокими идеями! Великая цель случайностей эволюционного пути или умысел Бога? И что тогда, заниматься теодицеей или принять со смирением? Нельзя всё пускать на самотёк, нельзя идти кратчайшим путём, как бы этого не хотелось подсознанию. Всему должен быть свой предел. Свой лимит молчания я уже исчерпал.

"Что ж, теперь мне потребуется вся воля",-- понял я.-- "Не отступить, не прогнуться -- это трудно, всегда есть это проклятое искушение..."

Я направился в кают-компанию. Страсти уже поутихли. Манулов сидел в углу. Его взгляд был настолько тяжёл, что по сравнению с этим то, что все видели раньше, выглядело почти улыбкой. Алексей Васильевич и Мирослав находились напротив него. Единственным, кто заметил моё появление, оказался Белоусов.

-- Прогулялся?-- спросил он.

-- Почти,-- ответил я и, понимая, что сейчас не лучшее время для диалога, всё-таки начал, взвешивая каждое слово.-- Знаете, мы теперь не можем сопротивляться. Мне кажется, следует принять условия Молнии.

-- Поговорить с врагами, да?-- с иронией проговорил Манулов.

-- Выслушать, прислушаться, понять.

-- Всё это вроде как естественно и даже желанно,-- сказал Северин.-- Но добрые побуждения разбиваются о скалы реальности.

-- Я уверен, Молния нам поможет.

-- И духи, да?-- издевательски заметил Манулов.

-- Если они существуют, как личности... или что она имела в виду...

-- Я посмотрю, как это у тебя получится,-- бортинженер резко встал.-- Утопист...-- и вышел. Ещё я расслышал несколько слов, брошенных в мой адрес.

-- Малыш прав,-- сказал Белоусов.-- У нас нет выбора. У нас нет оружия. Что нам ещё остаётся?

-- Дело не в каргонцах: нужно вернуться немного назад. Мы должны найти общий язык с Бернаром.

-- С преступником?-- удивился Северин.-- Мне казалось, этот вопрос решён: он будет сидеть.

-- Мне кажется, это условие помощи,-- ответил я.

-- Почему ты так решил?

Я нашёл ответ не сразу.

-- Молния сказала, что является посредником между нами и её создателями. Тогда возникает вопрос: зачем нужен посредник? Есть несколько ответов: они физически не могут с нами контактировать или не хотят с нами контактировать по каким-то своим соображениям. Эти соображения мне кажутся очевидными: мы не готовы к встрече с ними.

-- Агрессия?-- уточнил Белоусов.

-- В частности,-- согласился я.-- Если мы не можем договориться между собой, то как мы договоримся с ними?

-- Может быть...-- сомневался археолог.-- Но если мы не готовы, то почему Молния нас всё-таки привела сюда? Как они собираются исправлять ошибку, и вообще что это значит на практике?

Александр Николаевич задавал слишком сложные вопросы, ответов на которые у меня не могло быть. Я уже хотел сдаться, как в голову неожиданно пришла мысль:

-- А что если они с помощью Молнии уже исправляют ошибку? Почему мы не принимаем во внимание, что план уже запущен на выполнение? Разве не может быть такого?

-- И мы сопротивляемся этому плану,-- дополнил меня учёный. Он пребывал в глубокой задумчивости.

-- В таком случае, мы сами совершаем преступление,-- сказал археолог.-- Они отняли у нас оружие -- у нас просто нет выхода, кроме как пойти по предложенному пути.

-- Но это значит, что вы ловили преступника зря,-- указал Северин.

-- А может, и нет,-- поддержал меня Белоусов.-- Может всё с самого начала складывалось таким образом, чтобы сейчас мы задались этим вопросом, а? Может, во всём этом есть дидактический момент?

-- Ну, знаете это уже слишком...-- капитан с сомнением покачал головой.

-- Настолько невероятно?

-- Очевидно, да.

-- Знаете, есть такое выражение,-- сказал я, уже почти торжествуя,-- достаточно ли безумна теория, чтобы оказаться правдой?

-- Ну, знаешь, Юра,-- Белоусов поднялся и одобрительно покачал головой,-- я бы взял тебя в свой штат. Мне такие люди нужны. Честное слово!

Капитан сдался.

* * *

-- ...Садитесь, Бернар Эдуардович,-- произнёс Северин.

Проговский не спешил. Он переводил взгляд с одного на другого, словно пытаясь понять, чего ждать от этого "трибунала". Во всяком случае, бегающий взгляд Бернара говорил, что он думает именно в этом контексте, хотя, конечно, всё обстояло как раз наоборот.

-- Садитесь, не бойтесь. Мы хотим просто поговорить.

Тот усмехнулся, и я подумал, эта сцена выглядит достаточно глупо со стороны: собралась коллегия присяжных, дабы оправдать преступление. Манулов, стоявший позади Бернара, чуть подтолкнул его. Когда Проговский сел, капитан продолжил:

-- Я хочу, чтобы здесь не было ничего недосказанного. Вы сейчас здесь не потому, что с вас снимаются обвинения, а лишь по необходимости. Дело в том, что теперь мы полностью беззащитны перед каргонцами. Понимаете?

-- Более чем...

-- В прошлый раз вы заявили, что больше не хотите ничего взрывать и признаёте свою ошибку, так?

-- Да.

-- Покаяние и признание своей вины, конечно, благое дело. И мы приветствуем это,-- сказал Северин. Я заметил, как Проговский снисходительно наблюдал за ним и уже пару раз посмотрел на меня, словно пытаясь понять, какое я имею отношение к происходящему.-- Это все изменения в вашем сознании?

-- Да.

-- Иными словами, вы не отказываетесь от идеи свержения строя.

-- Нет, не отказываюсь,-- коротко ответил Бернар.

-- Давайте, выясним нашу позицию и суть нашего конфликта, который, надеюсь, после этого разговора, если не исчезнет, то станет не столь острым. Потому что мы должны понять друг друга -- от этого зависит наша с вами судьба.

-- Я прекрасно вас понимаю. Даже больше, чем вам кажется. Вы защищаете то общество, которое вам кажется справедливым, но оно не справедливо.

-- Оно не всегда справедливо, это факт...

-- Не всегда? Да бросьте, миром правят деньги, деньги и только деньги. Конечно, вперемешку с эгоизмом. Наша цивилизация уже давно находится в глубочайшем кризисе, ещё с тех пор как власть захватили корпорации. Вооружённые властью в одних странах, они расползлись по всей планете, став транснациональными.

-- Какое отношение к этому имеет так горячо нелюбимая вами Лига Наций?

-- Прямое. Государства стали заложниками их интересов, а затем чиновники, руководители, монархи, президенты стали неявными сотрудниками этих монстров. Обычно они и сами это не подозревают. Мир захватили банкиры, которые стали решать кредитами, кому жить, а кому пасть разорёнными, умереть, -- так осуществлялось управление. Они ничего не производят, они только контролируют. Подумайте только: что есть деньги? Одна фикция, виртуальный товар, бумажки, фантики.

-- Не слишком ли мрачно? Своими деньгами они обеспечивают людей работой. Неужели нам надо перейти к бартерному обмену?

-- Нет. Разумеется, нет. Понимаете, в идее деньги -- мерило труда, затем, как и всё, эта идея была опошлена, и мы теперь имеем деньги как ценность саму по себе. Нужна новая идеология. Мы предлагаем новую идеологию для нового общества.

-- Но методы...

-- Да,-- вздохнул Проговский,-- согласен.

Возникла небольшая пауза.

"Благими намерениями вымощена дорога в ад",-- подумал я. Кажется, Бернар догадался, к чему приведёт такая политика.

-- А о каком обществе вы говорите?-- спросил я.

-- Представьте себе общество, где всё общее, где нет зависти, потому что нечему завидовать: у всех остальных то же, что и у тебя и всё есть. Тебе лишь остаётся думать о других людях, чтобы позволять им заботиться о тебе -- это альтруистическое общество

идеально со всех точек зрения. Главное, что требуется, установить такие взаимоотношения между людьми. Во время Мировой войны в России была предпринята попытка переворота, но она провалилась.

-- Вы верите, что если бы переворот удался, мир стал бы лучше?-- спросил Северин. Бернар кивнул.

-- В какой-то книге я читал, будто бы переворот в России удался, и было выстроено новое общество,-- вставил я.

-- И чем это закончилось?-- спросил Мирослав

-- Всеобщим благоденствием.

-- Утопия,-- отмахнулся Манул. Бернар посмотрел на него через плечо так, словно прицеливался.

-- Это утопия,-- согласился я.-- Люди всегда будут завидовать и хотеть больше. Идеального общества нет, пока есть неидеальные люди.

-- Всё, что мы сейчас имеем -- результат естественной эволюции общества,-- добавил Белоусов.-- Любое насильственное вмешательство приведёт к катастрофическим последствиям. Если бы вы думали глубже, то поняли бы это.

-- Прикажите заняться евгеникой?-- фыркнул Бернар.

-- Сложный вопрос,-- ученый пожал плечами.-- Мне тоже многое хотелось бы изменить, как и всем, но ставить эксперименты над обществом -- это жестоко. Это значит, признать себя выше бога, стать диктатором судеб. Тут надо действовать тонко и очень аккуратно. Это как вести слепого через минное поле: один неверный шаг, и всё рухнет.

-- Я уверен, что это возможно!-- ударил кулаком по столу Бернар.-- Мало-помалу, человек будет исправляться под действием новой идеологии.

-- Это просто какая-то новая религия,-- усмехнулся Мирослав.

-- Нет никакой гарантии, что новая система координат исправит положение,-- сказал я.-- Здесь нужен принципиально иной подход.

-- Ты прав,-- внезапно раздался женский голос -- все вздрогнули. Молния стояла у входа в кают-компанию.-- Простите за невольное подслушивание. Такой спор я не могла пропустить. Если позволите, я прокомментирую.

-- Да... конечно...-- не сразу отозвался Северин.

-- Дело в том, что мои создатели давным-давно уже прошли эту стадию. Они поставили эксперимент по построению идеального общества, который с треском провалился. Это была трагедия, большая трагедия, которая подорвала веру моих создателей в светлое будущее. Они были очень похожи на вас... точнее, вы очень похожи на них и не только внешне. Ни одна

религия, никакие убеждения не смогут исправить недостатки человечества в глобальном масштабе. Как грибы после дождя появляются новые учения, группы, общества с благородными намерениями. Это хорошо, и это даёт надежду, но не более того.

-- Вы говорите не самые приятные вещи,-- признался я.

-- Увы, такова неприглядная истина.

-- Мы должны признать, что мы обречены на вечное брожение?-- поражённо и даже обиженно спросил Бернар. Как я был с ним солидарен в этот момент!

-- Всё это этапы развития разума, мой друг. Детские мечты, которые так желанны, но ещё недостижимы. У вас несколько путей: смириться с положением вещей и ждать, пока волны развития выкинут вас на новый уровень, или заняться евгеникой на свой страх и риск.

-- А какой путь избрали твои создатели?-- спросил я.

-- По воле случая оба. Это был трудный путь: великое множество ошибок грозили нам катастрофой и даже гибелью, но они выжили, поняли свою суть, смысл своего существования, причину и следствие всех действий. Вот самое главное: понять себя. Тогда уже не будет места революциям, грабежам и насилию. Всё зло проистекает от непонимания своего места и своей роли в великой игре под названием Жизнь. Оно уйдёт само собой, как недоразумение, как вылеченная болезнь разума.

Молния говорила чётко и без лишний слов. Мне её речь казалась убедительной и полной скрытого смысла.

-- И кто же мы в этой игре, пешки или ферзи?-- спросил я.

-- Ответ на этот вопрос вы должны найти сами. То, что выбросило вас из лона инстинктов и даровало вам разум, при желании можно назвать слепым случаем. Законы природы устроены таким образом, что разум появляется всегда (рано или поздно), вырывается на свободу, как птица из клетки, и рвётся ввысь. Пока он ещё молод и едва осознаёт себя, неизбежны ошибки.

-- И вы хотите огородить нас от ошибок?-- спросил я. Наверное, мы и взаправду кажемся им детьми.

-- Разве можно учить ребёнка, ограждая его от всех опасностей мира? Не разбив колено, не научишься ходить,-- ответила Молния.

Я уже не понимал, что творится вокруг меня. Только что мне казалось, что я нащупал ниточку, как она не привела к клубку, а оборвалась в самый неожиданный момент. И его ещё предстояло распутать!

-- Ястреб?-- спросила она, глядя вверх.

-- Да, я всегда здесь,-- ответил искин.

-- Ты знаешь, для чего тебя создали?

-- Я могу выдать перечень моих задач.

-- Нет, не стоит. Я отвечу тебе и скажу Юре то, о чём он уже давно догадывается. Искины -- результат желания человека понять самого себя, как и вся наука -- результат понять своё окружение. Твой создатель пытался наделить тебя эмоциями, разумом, чтобы понять, кто он такой. Так ты чувствуешь?

-- Мои вычисления показывают, что да. Я уже когда-то говорил это.

-- Ты не способен на чувство, ты лишь механизм.

-- Как так?-- возмутился искин.

-- Он возмущён,-- указал я.

-- Имитация. Очень искусная имитация. Как искины, созданные людьми, являются попыткой человека понять себя, так и разум -- попытка Вселенной понять саму себя. Здесь имеет место быть цепь причин и следствий, идущая из самых основ мироздания. Разум основан на феномене жизни. И любой феномен имеет своё продолжение в метафизике, образуя ещё один слой реальности. Жизнь и разум тоже имеют свою метафизику.

-- Вы говорите о душе?-- неуверенно спросил Белоусов.

-- Не знаю, это слово может ввести вас в заблуждение. Кажется, вы приписываете ему некий мистический смысл, а ведь нет ничего мистического, когда смотришь сверху, нет.

-- Но ведь ты тоже искусственный интеллект,-- напомнил Белоусов.

-- Я? Нет-нет,-- рассмеялась она.-- Забавно. Нет, я живая, так же как вы или любое другое существо. Во мне тоже присутствует метафизическое продолжение.

-- Но... ты ведь не отрицала.

-- Я не знала, что вы имеете в виду. Я же только проснулась, мои знания там были неполны. Теперь, когда я вернулась, многое узнала, сбросив оболочку. Правда, многое потеряла, но об этом не жалею. Да, они,-- она указала куда-то за спину,-- меня создали, они -- мои родители, создатели новой формы жизни, а не синтетики.

-- Я не вижу никакой логики,-- заявил Ястреб.-- Множество людей утверждали, что я живой и признавали меня живым, разговаривают со мной и даже дружат.

-- Как я могу доказать?-- растерянно сказала Молния.-- Для этого мне требовалось бы значительно упростить и исказить картину, для восприятия которой вы ещё не готовы. У вас нет соответствующего опыта и даже возможности проверить мои слова. Это яркий пример того, что вы смотрите на меня через

призму ваших взглядов, снова выбирая наиболее очевидные и простые позиции. Если вы видите нечто внешне непохожее на жизнь, вы признаёте это искусственным, не имея под рукой сколь-нибудь приемлемого критерия. Вы снова идёте по самому простому пути.

Она посмотрела на меня, и я вспомнил, что подобные мысли совсем недавно посещали меня.

-- Этот принцип присущ не только людям в их повседневной жизни в выборе действий,-- продолжала Молния,-- но и для цивилизации в целом. Его проявление широко видно в коллективном бессознательном, которое управляет судьбами миллиардов людей без их ведома.

Молния замолчала. Должно сказать, никто не был в восторге от её речей. Вообще я чувствовал себя оклеветанным, оскорблённым. Видимо, заметив нашу настроенность, она сказала:

-- Но ведь все через это проходят. И я сама ещё молодой разум и тоже делаю ошибки.

-- А сколько тебе лет?-- спросил я.

-- Я немного стара для тебя,-- улыбнулась она кокетливо, совсем как человек.-- Прощу прощения за невольную лекцию. Я вообще пришла не за этим.

-- А для чего?-- спросил Белоусов.

-- Духи хотят говорить с вами.

-- Кто они такие?

-- Мои создатели.

-- Мы их увидим?-- удивился Белоусов.

-- Один из вас уже с ними встречался,-- Молния посмотрела на меня. Все остальные тоже. Пришлось всё рассказать...

* * *

Мы собрались довольно быстро. Молния сказала, что всё нам нужное уже есть у нас, потому шли налегке. Единственное, что я сделал перед уходом, проверил связь с Ястребом и приказал ему записывать всю поступающую информацию.

Всю дорогу я вглядывался вдаль, желая увидеть хоть одного животного, присматривался к деревьям, пытаясь заметить хоть одного насекомого. Невероятно, но... их не было! И, тем не менее, я чувствовал жизнь, и она била вокруг меня ключом! Как это возможно, я не понимал, но спрашивать Молнию, которая вела нас, не решался.

"Наверное, ещё не настало время, раз я не вижу",-- подумалось мне.

Мы шли вдоль леса по широкой поляне. Позади остались два часа пути. Удивительно, но за всё это время не случилось ни

одного происшествия: никто даже не споткнулся. Вообще создатели Молнии (или как она сказала, родители) всегда представлялись мне развитой в техническом плане цивилизацией. Может быть, они настолько ушли вперёд, что им не нужны крупные заводы, промышленные комплексы, но не могут же они создать жизнь без всяких на то приспособлений! Или могут? Вообще, строго говоря, я даже не представлял, как они выглядят на самом деле. Я видел мальчика, и он казался вполне реальным, как Молния, идущая впереди нашей группы. И, тем не менее, она всего несколько дней назад была сферой в глубине мёртвой планеты. Поразительно, как может смениться картина мира всего за несколько дней. Мне вообще казалось, что у них нет физического тела, что они какие-то призраки. Может быть, поэтому Молния и называла их духами? Она сама сказала, что трудно объяснить, не упростив картину до нашего понимания. Хотя, так же вероятно, что я видел весьма искусную голограмму.

-- Пришли,-- сказала она. Странно, но я не замечал никаких особенностей в этом месте. Вообще, я не сильно удивился бы, если жилищем духов оказалось какое-нибудь дерево, пусть и самое обычное (памятуя о встрече с мальчиком), но мы стояли в центре самой обычной поляны. Вокруг простирался густой ковёр травы. Мне даже на секунду показалось, что я где-то в российской глубинке.

-- Они нас встретят?-- спросил Белоусов.

-- Вы уже у них дома. Помните, что вы -- гости их и этого мира.

-- Сейчас будут учить уму-разуму,-- услышал я ворчание Манулова и неожиданно с удивлением понял, что он единственный, кто не переполнен трепетом встречи. Более того, он готов бросить им вызов!

-- Помните, разум -- это то, что вас объединяет с ними. В остальном вы различны. Это трудность для обеих сторон. Вы понимаете?

-- Да, конечно.

От волнения у меня перехватило дыхание.

-- Они велели мне привести вас сюда. К сожалению, я не знаю зачем. То, что я сказала об ошибке,-- единственное, что я знаю, поэтому, боюсь, я не смогу лучше подготовить вас к встрече, но, если они захотели встретиться...

-- ...снизойти...-- тихо фыркнул Руслан.

-- ...то считают, что вы сможете найти общий язык,-- закончила Молния.-- Надеюсь, они ответят на все вопросы. В том числе и мои. Правда, они многое знают.

Она закрыла глаза и с наслаждением вдохнула воздух.

-- Всё не могу привыкнуть к этому миру,-- сказала она.-- Столько лет в космосе... Простите. Ведь я всего лишь ребёнок...

Молния повернулась. Рядом с ней стоял мужчина лет сорока на вид. Его атлетическая фигура заставила бы завидовать даже Аполлона, а статный и величественный вид делал его похожим на королей из древних легенд. Небольшая переливающаяся серебряным светом борода дополняла этот образ. Пожалуй, не хваталось только позолоченной короны.

-- Здравствуйте, люди. Действительно, простите моё дитя. Поверьте, она очень старалась.

Молния смущённо опустила взгляд и покраснела. Как прелестно она выглядела в этот момент! Мне даже самому захотелось сказать ей большое спасибо за все труды. Вот только бы знать, зачем вложено столько сил для этой встречи.

-- Я не знаю, как вам лучше называть меня и не могу представиться, ведь у меня уже давно нет имени: так давно, что для меня оно потеряло всякий смысл. Если хотите, можете называть меня Демиургом, хотя...-- он усмехнулся,-- это звучит напыщенно и даже избито, и я всего лишь жалкое подобие тех, кто выше. Не волнуйтесь, ваши имена я уже знаю. Мир, в котором вы находитесь, является эманацией наших чувств и эмоций, нашего видения Универсума, но мы не живём здесь. Молния пыталась объяснить вам, что здесь совершенно иные правила. Поймите, этот мир -- "детская комната" в кармане вашей реальности.

Я осознал весь ужас сложившейся ситуации: мы пустили в ход оружие на детской площадке, в гигантской песочнике, где играют ИХ дети! Уничтожив оружие, они поступили в высшей степени мягко. От осознания своей низости мне захотелось провалиться под землю...

-- Теперь вы понимаете, почему один из вас, которого вы называете, Юрием, видел только ребёнка. И, безусловно, вы хотите знать, зачем вы здесь и о какой ошибке говорила Молния.

Он и Молния переглянулись, и Демиург сказал:

-- Ах, да, простите, я не знаю всех ваших обычаев и правил... Молния говорит, что из меня выходит плохой хозяин. Садитесь.

В мгновение ока на поляне появились кресла, расположенные полукругом. Рядом с Демиургом и Молнией появились такие же. Они сели, а мы с недоверием стали ощупывать материал. Как я и ожидал, он оказался довольно приятным на ощупь и мягким. Поставить такое в гостиную в самый раз. Затем я попробовал сесть. Оказалось кресло ещё и удобным, и я заулыбался от удовольствия как ребёнок. Молния тоже выглядела весёлой. Она смотрела на Демиурга взглядом полным восхищения и даже

любви.

-- Как вы это делаете?-- спросил Белоусов.

-- Боюсь, объяснить вам этого я не смогу. Слова, как правильно отметил один из ваших философов, созданы для обмана. И прошли миллиарды лет с тех времён, когда мы были такими же, как и вы. Кресло состоит из материи, а материя -- это форма, которой можно придать любое состояние. И подобно тому, как гончар создаёт горшки, можно создать любую форму реальности. Наверное, для вас это своеобразная область трансцендентности.

-- И вы этому учитесь?

-- Да, многие из нас начинают свой путь здесь,-- Демиург обвёл руками всё окружающее пространство.

-- Я видел мальчика, но ведь вы выглядите совершенно иначе?-- спросил я.

-- Я могу выглядеть, как угодно, и появляться, где угодно, ведь формально никого из нас здесь нет, и не существует такого места, как здесь.

-- То есть, всё это нереально?-- удивился Белоусов.

-- Настолько же нереально, как ваше либо моё существование.

-- Так что вам от нас нужно?-- прервал мирный разговор Манулов.

-- Ключевой вопрос,-- признал Демиург.-- Я захотел увидеть вас и позвал именно по этому вопросу. Мы хотим, чтобы ваша Вселенная не лишилась двух разумных рас. Вы невероятно близки друг к другу, не только физически, но и по духу. Настолько близки, что вы способны спорить, говорить на одном языке. Между вами меньше различий, чем с древними цивилизациями Земли. Вспомните контакты колонизаторов Америки с индейцами -- разница в культурах была настолько велика, что они не могли даже нормально общаться друг с другом.

-- Так значит, наша война началась не с борьбы за новые технологии?-- спросил Северин.

-- О, нет. Конечно же нет, хотя некоторый элемент этого присутствовал. Поймите каргонцев. Они совершенно не такие как вам кажутся. Вы просто никогда и не общались. Технология, артефакты -- это лишь повод. Не было бы его, через лет двадцать возникли бы трения из-за экономики. Я уже не говорю о неприязни людей к каргонцам, о множестве сект, обществ, религий, провозглашающих их пришельцами из миров ада, демонами,-- ответил Демиург и вздохнул.-- Как всё это печально.

-- Какое вам дело до наших миров? Ведь мы всего лишь кучка дикарей, которые ничего не способны понять.

-- Я понимаю вас. Ненависть ваша и гнев праведный вполне

объяснимы. Я не Господь Бог из ваших религий, но... Есть причины, и они связаны с причинами появления вашей Вселенной. Создатель допустил ошибку, и эта ошибка вот-вот приведёт ваши расы к взаимному уничтожению. Не имея возможности влиять напрямую, мы действовали опосредованно. Мы создали Молнию, но не могли дать ей много знаний сразу. Это было бы слишком опасно для всех, в том числе и вас. Конечно, это порождает сомнение и недосказанность, увы.

Я посмотрел на Молнию. Кажется, это её ничуть не смущало. Будь обычный человек на её месте, он бы расстроился. Кажется, понимание между ними несколько иные, чем у нас.

-- Вы хотите, чтобы мы заключили мир?-- спросил Северин.

-- Да. И не только,-- ответил Демиург

-- Но как?!

-- Поверьте, они сами придут. Всё, что вам нужно, быть готовым понять их и пожелать мира. Вы переполнены жаждой самопознания, позвольте себе сделать шаг, который выведет вас из замкнутого круга ваших предубеждений. Познайте себя через каргонцев, и вам откроется мир в новом свете.

-- Нас так мало...-- сомневался Северин. Его голос прозвучал растерянно.

-- Один человек -- уже много, особенно, когда речь идёт о шатком равновесии.

-- Мы действительно можем склонить чашу весов?

-- Не надо склонять чашу весов ни в сторону людей, ни в сторону каргонцев. Ваша задача -- стать тем болтом, который прекратит вибрации стрелки. Все вы следствие одной причины.

-- Но какой?

-- Боюсь, это знание лучше оставить пока скрытым. Со временем вы сами до него доберётесь. Молния поможет вам в этом, если захотите.

Она повернулась к нам. Её лицо озарилось счастливой улыбкой, словно сбылась вековая мечта. Мне показалось, что Молния вот-вот начнёт напевать весёленькую мелодию.

-- Она сама захотела помочь выполнить эту миссию,-- Демиург посмотрел на неё. Их взгляды встретились. И хоть я не слышал слов, мне казалось за две секунды они успели обсудить многое. Во всяком случае, настроение у Молнии сменилось на диаметрально противоположное.

-- А что будет, если мы не захотим выполнять ваши указания?-- спросил Манулов.

-- Указания? Нет. Существуют вещи, которые происходят помимо нашей воли,-- ответил Демиург.-- Кому как не вам, Руслан, знать это. Вы, как никто другой здесь, испытал весь ужас

безумия. Есть поступки, за которые приходится платить высокую цену. И мы тоже внесли в этот процесс свой вклад. Уверен, когда вы узнаете о нём, поймёте, что этот вклад был немалым и оцените его,-- он чуть помолчал и добавил.-- Надеюсь, эта жертва не будет напрасной...

Итак, в нашем экипаже прибавление: "новорожденная" Молния теперь была с нами. Последующие два дня после диалога с Демиургом мы привыкали к новому формату и ремонтировали разведчик под наблюдением ворчливого Ястреба. Всё-таки корабль побывал в двух битвах, а это немало. Со вчерашнего дня за работу принялся Бернар. Он оказался неплохим техником, и не будь Манулов так суров, они бы сработались быстро.

Я вернулся к своим обязанностям и запускал "спящие" до этого момента сервисы Ястреба. Во время работы мне даже казалось, что всё вернулось на круги своя: я снова инженер и занимаюсь, чем мне и положено, а Молния постоянно общалась с искином, впитывая информацию с невероятной скоростью. Даже для меня было непостижимо, как она умудряется сохранять такой бешеный ритм. Казалось, Молния даже не спит. Ещё когда я учился, у нас на факультете был один подобный уникум, но она превосходила его на порядок. Новую информацию она не просто схватывала на лету, но и сразу же выдавала хорошие весьма точные и ёмкие связи. То, что она не человек, замечалось только в этом, а в остальном она была вполне обычной и даже иногда забавной.

Я старался наблюдать за ней, пытаясь понять, к чему она стремится, почему отказалась от мира своих создателей, ведь ждут её отнюдь не райские кущи, а вполне серьёзные испытания. Вспоминая моё предложение, уничтожить корабли каргонцев, я сомневался, что она способна их пройти. Что и говорить, я и в себе-то не был уверен...

"В общем, всё отлично",-- подвёл я итог своим размышлениям и, с удовлетворением надавив на клавишу пуска, понял, что допустил ошибку в скрипте. Пришлось спешно жать отмену.

-- Эй, осторожно!-- завопил Ястреб.

-- Ничего страшного с тобой не произошло. Откати транзакцию и всё.

-- Откачу, конечно. Однако согласись, если бы нейрохирург, что сделал не так, ты бы тоже кричал.

-- Скорее бы мычал,-- ответил я и решил перейти на иную тему.-- А что делает сейчас Молния?

-- Переодевается.

-- Э-э...-- я удивлённо уставился на селектор.-- Не понял, как это?-- вырвалось у меня.

-- Ну, вам, людям, виднее, как это. Куда нам, имитациям разума,-- недовольно пробурчал Ястреб.-- Мы с ней обсуждаем различные направления моды. Она очень интересует историей нашей культуры.

-- Сейчас приду,-- слова искина заинтриговали меня, и я выглянул из кабины и шарахнулся от неожиданности.

-- Что это на тебе?!-- вырвалось у меня.

-- Прикид,-- ответила Молния.

Молния стояла посередине кают-компании в совершенно невообразимом и диком одеянии: черная кожаная куртка, обтягивающие штаны, тёмный платок с белыми черепами на голове.

-- Мы с Ястребом как раз просматривали историю 20 века. Так одевались люди, принадлежащие к одной из субкультур западного общества. Хотя мне больше нравятся платья середины 18 века, вот только они сильно жмут в талии. Ястреб говорит, что так и должно быть. Зачем это?

-- Чтобы подчеркнуть фигуру, сделать её более стройной,-- ответил я.

-- Это деформирует скелет.

-- На первый план выдвигалась эстетика,-- пояснил я.

-- Эстетика? Нет, здесь дело не в ней,-- сказала она. Моему удивлению не было предела. Кто из нас землянин?-- Здесь причина в другом: следование некоторым идеалам. В данном случае красоты. А согласись красота и идеалы красоты не совсем одно и то же.

-- Да, пожалуй...

-- Ты не замечал, как меняется одежда людей? С течением времени она становится практичнее и даже проще... впрочем, это касается и нравов.

-- Это плохо?

-- Сложный вопрос,-- ответила она.-- Как можно определить плохо это или хорошо? Одни ценности сменяются другими, что-то становится важным, другое -- несущественным. По сути это лишь отображает период развития цивилизации или субцивилизации. За предыдущим витком идёт следующий, и всё повторяется снова. Но как можно оценить отражение?-- она пожала плечами.-- Либо оно правдиво, либо -- нет. Больше никак. Я бы советовала тебе отбросить такие мысли.

Молния окуталась туманом и уже предстала в ином виде, более привычном для меня. Теперь на ней были неброские штаны из синего экзоволокна, рубашка и куртка под их цвет.

-- Не ходить же мне в бальном платье,-- улыбнулась она.

"О, она уже овладела тонкостями",-- оценил я.

-- Всё верно? -- спросила она.

-- Да, так у нас на Земле обычно одеваются,-- ответил я и, пока никого нет, решил спросить.-- Я вообще думал, вам всё известно о нас.

-- Мне -- нет, а им,-- она показала куда-то за плечо,-- да.

-- Но... тогда почему же они тебе всё не расскажут, зачем ты тратишь время, когда это можно просто... "вспомнить" в один момент.

-- А какое удовольствие от "заливки" информации? Это только Ястребу нравится, когда ты подключаешь ещё один жёсткий диск или инфокристалл и закачиваешь терабайты данных...

-- Опять за своё...-- произнёс электронный ворчун.-- Да что ж такое...

"Ох и тяжело же приходится Ястребу",-- подумал я, а Молния продолжала:

-- ...Всё, что мне нужно для выполнения миссии, я знаю. Когда я была в вашем мире, знания скорее находились вне меня, в той скорлупе. Понимаешь, когда вы меня нашли и выбрали планету, данные просто скакнули ко мне, и я проснулась, зная все ваши языки, множество образов, но они для меня были всего лишь справочником. Согласись, это разное: знать и иметь справочник. Мне интересна ваша история и культура. Узнать историю -- узнать вас. И себя тоже.

-- И как же ты разобралась со всем этим?

-- С трудом. Я ведь даже не знала, как мне выглядеть, кроме как туманным призраком. Ястреб мне очень помог.

-- Так всё-таки ты признаешь, что я полезен и необходим?-- спросил искин.

-- Я этого никогда и не отрицала, но я до сих пор не могу привыкнуть к мысли, что разговариваю с машиной. На самом деле это удивительно, во всяком случае, для меня.

-- Можно сказать, вы почти подружились,-- заметил я. Молния в сомнении пожала плечами.-- Забавно, что искин не всегда рационально реагирует на факты,-- добавила она и, прежде чем я успел ответить, продолжила, но на этот раз уже неуверенно.-- Вот думаю: я же, наверняка, буду среди множества людей, да? Как думаешь... Мне в чём быть среди вас и вообще... Если я не ошибаюсь, это важно. Я хочу одеться так, чтобы вам всем нравилось. Подскажи, что лучше.

Внезапно я понял, что Молния не только становится всё ближе к нам, но и сама становится человеком и даже более того, кажется, в ней начинают проявляться женские слабости! Видимо, нажав на Землю, Белоусов не просто открыл Молнии доступ к знаниям о нашем мире, но и запустил скрытый механизм её

очеловечивания!

"А что последует дальше?"-- подумал я, хотя, нельзя не отметить, что всегда приятно, когда рядом есть дама, да тем более такая. И, само собой, она мне импонировала больше, чем тот, кто назвался Демиургом. Несмотря на все его знания, он был значительно более далеком от нас, менее человечным. Может быть, они и сами понимали это, и потому возникла ещё одна причина создания Молнии, такой живой и... тёплой. Я остановил свои размышления: она ждала ответа и наблюдала за моей реакцией!

-- Мне кажется, ты уже сама можешь определить, в чём быть, и создать любой образ, который тебе захочется.

-- Есть одна проблема,-- сказала она словно бы стесняясь.-- Когда мы вернёмся, я уже не смогу создавать ничего нового. Этот мир значительно более гибкий, чем ваш, а оболочки у меня больше нет.

Если честно, я рассчитывал на её "магию", но как же мы планируем повернуть историю без неё?! В чём тогда Молния, практически лишённая знаний, может нам помочь?!

-- Я понимаю тебя,-- сказала она,-- но всё не так плохо, как тебе кажется. Инерция невероятно высока.

-- И как мы собираемся изменить движение, если не приложим силу?

-- Отличный вопрос. Но ведь источник силы может быть разным,-- заметила Молния.-- Что можешь повернуть общество?

-- Шоковое состояние?..-- предположил я.

-- Именно! Мы должны заставить испытать и людей, и каргонцев такие глубокие потрясения, что они поймут своё безумие.

-- Кажется, если ничего не делать, то потрясения и без нас произойдут. Время идёт, флоты только ждут отмашки, чтобы наброситься друг на друга, а мы дали им прекрасный повод. Пока мы с тобой здесь разговариваем уже идёт схватка. Если честно, я вообще не понимаю, как мы можем что-либо изменить.

-- Тот, кто назвался Демиургом, обещал дать нам корабль,-- сказала Молния.

-- Корабль?!-- удивился я.

-- Разве у вас есть флот?-- внезапно раздался голос Северина. Капитан как раз зашёл в кают-компанию.

-- Нет,-- улыбнулась она,-- этот корабль будет точной копией существовавшего некогда в нашей Вселенной. Это очень древний корабль. Он создавался во время, которые мы называем эпохой Первого Противостояния.

-- И насколько он силён?-- спросил капитан.

-- Разве цель существования корабля заключается в его военной мощи?-- спросила Молния.

-- Но ведь во время войны это один из самых важных параметров.

-- Не волнуйтесь. Он способен защитить всех нас от любого флота.

-- Ну,-- пожал плечами капитан,-- тогда я спокоен. Когда мы сможем его увидеть?

-- Не раньше, чем у нас будет план действий или хотя бы возможность его оставить.

-- Так в чём дело? Давайте прямо сейчас и начнём.

-- У нас достаточно данных,-- остудила его пыл Молния.-- Здесь только часть из тех, кто будет в нём участвовать. Как не может начаться гроза без туч, так и мы не можем двигаться, не имея достаточных знаний.

-- Когда мы сможем их получить?-- спросил Северин.

Молния ненадолго задумалась, словно прислушиваясь к чем-то, а затем сказала:

-- Совсем скоро, мы даже можем уже отправляться в путь. Нужно собрать всех, я укажу дорогу.

* * *

Но никуда идти не пришлось. Молния, как только мы все собрались, встала возле стены лицом к переборке и попросила тишины. Заинтригованные, мы молчали, ожидая, что произойдёт в следующие мгновения. Она начала полушёпотом что-то приговаривать. Сколько б я не вслушивался, никак не мог разобрать слов, но язык мне казался смутно знакомым. Затем она протянула вперёд руку, словно желая дотронуться до стены, и стала выводить пальцем какие-то символы. Металл стал течь и дрожать, а затем словно растворился в воздухе! Образовалась дыра около метра в радиусе. В помещение ворвался освежающий ветер. Всё это произошло так быстро, что я даже не успел испугаться.

Теперь перед Молнией виднелся проход, но куда он вёл? Я вгляделся в пространство за ним. Там виднелся вполне обыкновенный луг, а чуть дальше могучие горы, покрытые снежными шапками. Местность напоминала мне летние Альпы, хотя я там ни разу не бывал.

-- Получилось,-- с сияющей улыбкой произнесла Молния. Мне казалось, она вот-вот подпрыгнет и крикнет: "Yes!" Я посмотрел на капитана, а затем и на остальных -- все выглядели удивлёнными.-- Проходите.

-- А это...-- очевидно, Белоусов что-то хотел спросил.

-- Это портал. Там на холме... небольшая деревушка.

Я подошёл поближе и присмотрелся, и, действительно, вдалеке виднелись какие-то строения, но всё-таки что-то внутри сдерживало меня от шага через этот портал. Может быть, дрожь краёв "дырки" в пространстве не внушала мне уверенности в безопасности, а может это просто обычный страх неизвестного. Любопытство как всегда взяло верх, и я переступил "порог", даже ничего не почувствовав.

Оказавшись по ту сторону моста, я оглянулся: забавно, но тёмный круг висел в полуметре над землёй. Я проверил связь с Ястребом. Искин запеленговал меня в ста сорока километрах. Очевидно, наш корабль находился за теми горами, которые мы видели, когда приземлялись. За мной последовала Молния, затем Северин и все остальные. Последним вышел недоверчивый Манулов.

Мы направились в сторону посёлка. По мере приближения стали видны отдельные строения, а затем и фигурки жителей. Некоторые их них останавливались, заметив нас, а некоторые носились так, что я даже боялся предположить, с какой скоростью они передвигаются. Во всяком случае, человек так двигаться не может, но тем не менее издалека они походили на людей, и дома, напоминавшие хижины из бамбука, казались вполне земными. Я пытался представить, как же выглядят дети богов. Неужели и вправду как люди? Тогда, ими не являясь, они все вместе сговорились выглядеть похожими на нас? Может, я что-то не понимаю.

-- Это одно из детских поселений на этой планете,-- пояснила Молния.

-- Я не понимаю, зачем мы туда идём?-- спросил Манулов.-- Пускай сразу дадут нам корабль, и дело с концом.

-- И что вы с ним будете делать?-- в ответ спросила Молния.

-- Пилотов-то мы здесь точно не найдём,-- сказал Руслан.

-- Мы найдём здесь будущий экипаж,-- не согласилась Молния.

Все с недоверием посмотрели на неё, но никто не спросил, хотя вопрос был у всех одинаков: неужели эти дети и будут экипажем нового корабля? Ни за что не поверю!

Мы уже стали взбираться на холм, как стало ясно, что нас встречают... дети. Да, обыкновенные дети, были среди них и подростки лет четырнадцати-пятнадцати, но таковых я насчитал всего троих из десятка трёх ребятишек. Среди прочих я заметил уже знакомого мальчика со странным именем Яоа. Мы остановились, разглядывая детей. Все они были одеты в странную на наш взгляд одежду, точнее, странным казался материал. Он слегка отдавал серебром, словно свитый из едва различимых

блестящих волокон. Помнится, Молния впервые появилась в подобном. А по форме я не заметил ничего оригинального: обычные туники, рубанки и штаны, на некоторых девочках платья -- всё это меня несколько удивило. Многие из них смотрели на нас как на австралопитеков и молчали. Даже между собой не переговаривались, что совершенно не свойственно детям, хотя враждебности я не ощущал, да и ребята не казались испуганными. Они не были ни худенькими, ни полными, ни на одном из них я не заметил ни царапинки, ни ссадины, словно кто-то невидимый постоянно заботился о них. И вообще каждый из них казался произведением искусства, настолько правильными были черты лиц, а что говорить о ярко-голубых глазах...

Молния подошла к ним, не говоря не слова. Эта тишина казалась такой противоестественной, что мне даже стало неуютно.

-- Привет!-- сказал я.

-- А вы смешные,-- сказала одна из девчушек. На вид её было лет семь.

-- Они не часто пользуются речью,-- пояснила Молния.

"Да, мог бы и догадаться",-- подумал я.-- "Всё никак не могу привыкнуть".

-- Пойдёмте, они приглашают вас,-- сказала Молния, повернувшись к нам.

Детская деревня состояла из двух рядов "бамбуковых" домиков, расположенных вокруг центра. Чем-то мне это напоминало селения индейцев, но сходства казались лишь отдалёнными, хотя в центре, как полагается, горел костёр. Удивительно, но он ничем не питался, а просто висел в воздухе, словно поленья были невидимы, хотя они не трещали. Было в нём что-то сверхъестественное, необычное. И дело вовсе не в "парении" огня, а в той энергетике, которую он излучал. Мягкое тепло огня умиротворяло, проникало вглубь самого естества и завладевало сознанием. Он казался живым, мыслящим и смотрел на меня, изучал. Хотелось протянуть руку и прикоснуться к нему, слиться с ним, раствориться в его красном блеске. Кто-то схватил меня за руку -- я дёрнулся. Это был Северин, а я стоял около костра. Все с недоумением смотрели на меня. Что произошло?

-- Странно,-- сказала Молния.-- Зов на тебя очень сильно действует.

-- Что это?-- ошарашено спросил я.

-- Vivus ignis, живой огонь,-- сказала она.

-- Это центр нашего мира,-- услышал я знакомый мальчишеский голос.-- Мы поддерживаем его. Каждый из нас должен вложить крупицу себя, чтобы он горел и согревал. Иначе,

он просто погаснет.

Непривычно было слышать такие слова от мальчика. Его взгляд и ощущение мира свойственны скорее мудрым взрослым.

-- А почему вы его поддерживаете?-- спросил Белоусов.-- В этом есть какая-то цель?..

-- Обучение.

-- Весь мир представляет собой тренажёр,-- пояснила Молния.-- Дети учатся управлять им, чтобы в дальнейшем уйти на новый уровень. Для этой цели и преобразовывалась эта планета и ближний космос.

-- Преобразовывалась? Значит, он не создавался... с нуля?-- удивился учёный.

-- Давайте сядем. Это длинный разговор,-- сказала Молния.

Все не без некоторой опаски подошли к огню. Здесь происходило нечто невероятное, скрытое от нашего сознания, неизвестное, то, что всегда пугает. Я постоянно вглядывался в него, словно пытаясь что-то увидеть, даже не понимая, что именно. Мне казалось, он то смеялся, то грустил, то плакал, то восхищался, хотя никаких видимых изменений я не замечал. Несмотря на нашу настороженность, мы сели вокруг него. Дети тоже присоединились к нам по-прежнему не говоря ни слова, хотя я чувствовал, что они активно общаются между собой: их лица и глаза выражали всю гамму чувств. Я подумал, что огонь и есть зеркало их эмоций. Настолько схожи были волны от него и детей. Встретившись взглядом с Яоа я понял, что прав.

-- Этот мир, действительно, создавался как тренажёр, но не из ничего,-- сказала Молния.-- Вы заметили смену космоса, когда летели сюда?

Вопрос, конечно, был риторическим. Мы переглянулись, вспоминая чёрноту непроглядной ночи и едва видимые очаги света, которые сменились этим ярким миром.

-- Наши Вселенные связаны между собой. Именно потому мне удалось привести вас сюда, но наш Универсум гораздо старше и почти растворился сам в себе. Звёзды расположены на расстоянии миллионов световых лет друг от друга, а некогда бурлившие жизнью галактики превратились в кладбища. Таких звёздных островов больше не существует.

-- Как грустно,-- сказал Мирослав.

-- Это как посмотреть.

-- Я -- пилот. Мне без новых миров никак.

-- Всё меняется. Как старая трава умирает, давая жизнь молодым росткам, так и миры сменяют друг друга. Физический мир выполнил свое предназначение. Это уже пустая квартира, из которой выехали жильцы, переселившись в иные дома. Как я уже

сказала, все солнца почти погасли, но мы научились обманывать время, замыкая его на самом себе. Таким образом, создаётся подобие петли Мебиуса, только большей мерности. Вы меня понимаете?

-- Ну, в общем, да,-- ответил я, пытаясь вспомнить, что из себя представляет эта петля.

-- Получилось несколько вложенных слоёв реальности. Это было сделано для усиления эффекта.

-- Но как?-- спросил Белоусов.

-- Мы поддерживаем этот мир, позволяя ему существовать, ответила Молния.-- Здесь существует договор двух разных систем: нас и этой планеты. Мы сокрыли от неё время, а она изменила условия на своей поверхности, распределив энергию таким образом, что нет ни холода, ни жары.

-- Но всё-таки, как?-- не унимался учёный.

-- О, взрослые очень любят цифры. Им почему-то кажется, что они так лучше воспринимают мир.

Некоторые дети засмеялись, другие просто улыбнулись. Отчего-то слова показались мне знакомыми, только я никак не мог вспомнить, откуда они.

-- Сент Экзюпери,-- ответила девочка, та самая, которая назвала нас смешными.

-- Откуда вы?..-- только и смог произнести я, поражённый услышанным.

-- Мы знаем всё, что было до нас,-- сказал Яоа.-- Все мы части одно целого. Единство во множестве и множество во единстве -- таков первый базовый принцип Природы. Весь мир -- одно живое существо.

-- И откуда ты это знаешь?-- с недоверием спросил Белоусов.

-- С рождения. Каждый рождается с нужным ему набором знаний,-- ответил мальчик.

-- Яоа самый старший. Он уже почти всему научился,-- пояснила Молния. Археолог кивнул и спросил у мальчика:

-- А в чём состоит ваше обучение, кроме поддержания огня?

-- Всё начинается с малого. Сначала нужно научиться терпению, отвечать за свои поступки, осознать причину и следствие каждого действия. Растительный мир как нельзя лучше подходит для этого. Мы лечим растения, помогаем им расти, располагаем их в самых удобных местах. И только от тебя зависит, как будет развиваться цветок.

-- Но как возможен лес без насекомых и зверей?-- удивился Белоусов.

-- Это как мы для детей заводим животных,-- понял я.-- Только здесь весь мир...

Дальше было больше. Мальчик снова заговорил. Кроме нас его слушали и самые младшие. Как он сказал, этот мир является их материнским. Миллиарды лет назад они начали свой путь с этого шарика, осваивали космос, двигались от него вглубь галактики. Как и любые разумные существа, они обладали волей и желанием познавать. Они узнавали мир, но сами для себя оставались загадкой, сложной и многомерной. Изучив строение своего тела, их предки научились лечить все болезни, но всё равно умирали и от голода, и от тех же самых болезней потому, что не могли наладить свою жизнь должным образом. Не хватало чего-то, где-то была ошибка. Они сотни лет совершенствовали знания о себе, пока, наконец, не сделали прорыв, осознав, что всё вокруг, наша реальность, не является закреплённой, статичной, её законы можно менять на самом глубоком уровне, перестраивать и надстраивать. Как вода запоминает информацию, принимая структуру, так и мир запоминает указания любых существ, обладающих самосознанием. "Теперь вам ясно, как мы меняли мир?"-- спросила Молния.

"Неужели именно там скрыта вся её сила и сверхвозможности, которые недоступны для нас?"-- подумал я.-- "И необходимо осознать своё этот самый закон Природы? Единство во множестве и множество в единстве. Но будет ли это достаточным условием?" Ответа я не знал, хотя и подозревал, что нет. Думаю, Молния слышала мои мысли, почему-то оставив их без внимания, и продолжила.

-- Осознание факта возможности влияния на мир в последствие привело к простой истине: тело, оболочка существа -- лишь иллюзия, как и весь мир. Таким образом, гонка накопления материальных средств стала очевидным для всех безумием и невежеством, как коллекционирование воздуха доступного всем. Тогда-то и стало возможным построение идеального общества с вашей точки зрения. Думали ли вы об этом, Бернар, взрывая склад?-- спросила Молния, обращаясь к Проговскому.

-- Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает,-- ответил он.

"Грустно осознавать,-- подумал я,-- но наш разум ещё не готов сделать следующий шаг".

-- Но у всего есть две стороны: вместе со взлётом расы началось её медленное угасание, а затем пришло время и реальности. Эта реальность завершала свой цикл. Тогда мы избрали свою прародину своим последним прибежищем, окутав от времени незримой, но явной сферой.

-- Что же будет, когда погаснет последняя звезда, когда пройдёт фаза распада и Вселенная завершит свой бег?

-- Ничего страшного,-- спокойно ответила Молния.--

Помутнеет только зеркало, в котором все мы отражаемся. Поскольку видимая часть Вселенной, которую мы воспринимаем как физический мир, лишь отражение ещё одного слоя, в котором все мы действительно находимся, великая игра под названием Жизнь продолжится. Вселенная сама познаёт себя через феномен Разума и видоизменяет сама себя через него. Именно от разумных зависит, что будет с миром дальше. Разве вы будете с этим спорить? На любом уровне развития, это очевидно.

Нет, мы не спорили. Такой взгляд на вещи казался нам совершенно новым, а потому червячок сомнений копошился где-то глубоко внутри.

-- Теперь вы понимаете, почему мы хотим предотвратить гибель ваших миров?-- спросила Молния.

-- И вы в это верите?-- спросил Манулов.-- Это ваша религия

-- Религия?-- удивилась она.-- Нет, конечно же, нет... А видеть -- это тоже ваша религия?

-- Какое это имеет отношение?-- не понял Руслан. Я заметил, что дети с интересом и недоумением наблюдают за ним. Как только я это подумал, некоторые переключились и на меня.

-- Умение видеть даёт умение понимать. Как может быть понимание религией? Если только в переносном смысле. У нас ни пророков, ни богов кроме нас самих и наших предков, которые накопили для нас такой опыт, в котором ваши миры лишь небольшие частички. Нет ничего кроме опыта и понимания, ничего кроме нас, как единого целого. Это естественно для бесконечной игры под названием жизнь. Это сама суть гармонии.

Пока Молния говорила, несколько ребятишек, в том числе и Яоа, отошли от костра и склонились над чем-то. Я пытался увидеть, чем они занимаются, но не мог.

-- И цель этой игры -- развитие?-- спросил я, чтобы уточнить.

-- Нет, развитие не может быть целью,-- ответила Молния.

-- Но тогда, что?

-- Главное -- гармония развития,-- добавила одна из девочек таким голосом, как если бы мы неверно поняли рисунок, а затем повернулась к Манулову и сказала ему, словно в ответ на его мысли.-- Нет, опыта у вас меньше. В вас всего десятки лет памяти.

-- Вы не смотрите, что они выглядят как дети. Здесь очень легко обмануться,-- напомнила Молния.-- Учитесь видеть невидимое.

-- Всё это очень красиво... Рассуждения о гармонии, развитии, смысле жизни...-- не унимался Манулов.-- А вы знаете, что над нами сейчас висит крейсер, который может уничтожить всё живое на этой планете?

-- Перестань,-- толкнув его в бок, прошептал Северин.-- Веди

себя достойно.

-- Зачем вы пытаетесь показать больше, чем есть?-- спросил один из сидящих рядом мальчиков. Манулов, очевидно, не ожидал такой реакции, да и я, признаться, тоже.

-- Вы подвергаете детей неоправданному риску,-- пояснил Северин.-- Вот что хотел сказать Руслан. У вас же есть возможность спрятать их.

-- Нет никакой угрозы.

-- Они не хотят понимать,-- сказал Яоа,-- но боятся за нас. И напрасно.

-- Никто нас не тронет,-- сказала какая-то девчушка. Я бы не стал так утверждать, но им, наверное, виднее.

Вдалеке я заметил две точки. Остальные продолжали говорить, а я всё следил, не понимая, кажется ли мне или там действительно что-то летит. А если летит, то что? Птиц вроде нет. Хлопнув себе по лбу, я с ужасом понял:

-- Каргонцы!-- прокричал я. Вся наша команда тут же вскочила, но дети никак не отреагировали.

-- Прячьтесь!-- прокричал Северин, рывком пытаясь вытащить пистолет, но кобура была пуста. Никто из детей не сдвинулся с места, а Молния вела себя спокойно, хоть и выражение её лица сменилось с доброжелательного на нейтральное.

-- Накаркал...-- услышал я голос Манулова.

-- Не волнуйтесь,-- сказала Молния.

"Ох уж эта самоуверенность!.."-- подумал я.

-- Мы их ждали,-- пояснил Яоа, словно это должно было мне что-то прояснить, но почему-то яснее не стало.

Теперь уже отчётливо доносился гул двигателей, и можно было разглядеть детали. Это были два десантных корабля метров пятьдесят в длине. Их хищные носы были окрашены в красный цвет -- цвет крови, а оскалы каргонского хищника кхаро, нарисованные на бортах, недвусмысленно говорили о намерениях. Вдобавок, стволы орудий были направлены в нашу сторону. Я с трудом сдерживал себя, чтобы не удариться в бегство, по сути бессмысленное. Я надеялся, что магия Молнии и от этого защитит нас. Если нет, то домой я точно уже никогда не вернусь...

Все мы невольно сделали несколько шагов, когда они пошли на посадку. Опускались они не спеша, словно смакуя момент триумфа. Плавно понижая "гравитационное напряжение", боты садились у холма, всего в метрах двухстах от нас...

...Чёрное пространство планеты под именем Каргон в системе Канраны, казалось безжизненным. Франц Карлович Рошпейн, командующий Объединённым Флотом Лиги Наций, прекрасно

знал об обманчивости такого впечатления. Разведка имела неоспоримые доказательства, что именно здесь, у материнской планеты, базируется основная группировка ВКС Империи Каргона. Единственная луна Крацс не подавала признаков жизни, что являлось хорошим знако: разведка не ошиблась, и на поверхности спутника действительно нет никаких военных объектов.

Бой у Белой стал сигналом к началу полномасштабной операции. Когда корабли прибыли, каргонцы уже праздновали победу, захватив "Звёздный Ястреб" и уничтожив "Непобедимый", артефакта они так и не обнаружили. Завязалась ожесточённая, но короткая схватка. Авианосец и еле живой корабль каргонцев не смогли оказать достойного сопротивления, а десант завершил дело, вернув искорёженный рейнджер. После двух боёв он уже не мог двигаться сам, и было принято решение о его уничтожении, дабы электронные технологии не достались врагу. Его подхватили на буксир и подтолкнули к планете. Остальное завершила гравитация.

Операция была названа просто и недвусмысленно: "Немезида". Никто не испытывал никаких иллюзий: капсула с информацией о бое уже неслась к материнской планете каргонцев, сюда, в систему звезды Канрана, а значит, противник скоро узнает о случившимся в погибшей системе, если уже не узнал. Месяц назад Генеральный Штаб Лиги Наций принял решение собрать все имеющиеся корабли и ударить первым, а Рошпейн назначался ответственным за проведение операции. Таким образом, земляне шли на опережение. Нападение должно стать неожиданностью для "обезьян". Как только будет уничтожен основной флот противника, Каргон будет открыт для орбитальной бомбардировки, и Империя падёт под мощным натиском. Война окончится! Конечно, всегда оставалась опасность: Земля теперь имела только автоматические комплексы защиты и относительно небольшой флот охранения, но каргонцы ещё ничего и не подозревают. Это был риск, да, но без риска на войне нет места. К тому же, опасность не так уж и высока. Родина может уже готовиться к триумфу своих сынов!

-- Лиг-адмирал,-- обратился капитан флагманского корабля "Гордый",-- вражеский флот обнаружен. Данные с радаров полностью соответствуют данным разведки.

-- Отлично! Связь с адмиралами,-- приказал Рошпейн.

Вокруг адмирала стали появляться голографические изображения командующих флотов. Всего их было четверо: Владимир Фёдорович Кренюк командовал Российским Флотом, Джеймс Роклеф -- Английской эскадрой, Бао Чи -- ВКФ Китая, и

Крис Макфолк, командующий ВКС Северной Америки, тоже присутствовал.

-- Доброе утро, господа,-- обратился Рошпейн,-- данные разведки подтверждаются. Решающий день настал. Доложите о готовности.

-- Английский Флот как всегда не подведёт,-- заверил Джеймс Роклеф.

-- Все корабли отрапортовали о полной боевой готовности,-- ответил Кренюк.

-- Военно-космические силы Китая готовы к бою,-- доложил Бао Чи.

-- Американский Флот готов к удару,-- заверил Крис Макфолк.

Лиг-адмирал замолчал, вглядываясь в лица коллег. Все были полны решимости выполнить поставленную задачу.

"Немного помпезности не повредит",-- подумал Рошпейн.

-- Я прошу дать мне связь со всеми кораблями.

-- Да, лиг-адмирал.

Связь была установлена практически мгновенно. Рошпейн поднялся, поправил мундир и отдал команду о начале трансляции.

-- Собратья по оружию, дорогие друзья,-- начал он, буквально физически ощущая, как сотни и тысячи людей на крейсерах, линкорах и авианосцах подходят к экранам, чтобы увидеть главнокомандующего.-- Наступает великий день. Сегодня Каргонская Империя потерпит сокрушительное поражение. И сделаете это возможным вы! Два года назад "обезьяны" вероломно напали на Проксиму-2, стерев наши города, разрушив то, что создавали всем миром, всей планетой поколения людей. Я знаю, среди вас есть множество проксимийцев, и они помнят ту ужасную бойню. Операция "Немезида" должна поставить всё на свои места. Она восстановит справедливость. Возмездие за гибель Проксимы-2 должно настигнуть Каргон. Теперь, когда они разорвали договор о перемирии, мы имеем полное моральное право и даже обязаны ответить. Враг хочет войны -- он её получит! Он захлебнётся в собственной крови! Сейчас и здесь решается судьба человеческой цивилизации! Сейчас или никогда, мы сделаем это, чтобы наши потомки без опаски смотрели в звёздное небо, чтобы не было ужасных лагерей смерти, чтобы род людской уцелел и продолжил своё развитие. Это вопрос выживания нас как вида. Мы должны поставить раз и навсегда точку в этом чудовищном вероломстве каргонцев, их диктатуре, единственная цель которой сводится к порабощению И результат битвы зависит только от вас. Только от вас! Во имя предков и

потомков, во имя нашей Родины, нашей Земли, мы сделаем это! С Богом!

Трансляция закончилась. Лиг-адмирал сел в своё кресло, погружаясь в виртуальную сферу. Оттуда ему предстояло командовать сражением...

Вскоре корабли стали выстраиваться полусферой. Они подплывали к планете, словно накрывая её шапкой -- ничто не должно проскочить сквозь строй! Полусферу поделили на зоны ответственности. "Северо-восток" достался российскому флоту, "юго-восток" -- китайскому. "Северо-запад" и "юго-запад" -- английскому и американскому соответственно. Многие люди уже видели родину каргонцев через увеличители и ждали только приказа. Искины разбирали цели. Особо мощные дальновизоры и радары фиксировали панику на орбите. Малые суда и корабли сновали, доставляя экипажи. Каргон не имел автоматических комплексов защиты, сравнимых с земными аналогами, хотя было наивно надеяться, что флот подойдёт незамеченным.

Используя своё главное преимущество, корабли землян заняли позиции на почтительном расстоянии и открыли огонь первыми. Термоядерные ракеты класса "Посейдон" ринулись навстречу целям. Несколько минут ничего не происходило -- наводчики следили за точками на радарах. И в одно мгновение сотни ослепительно-ярких вспышек зажигались на орбите Каргона, но здесь, на удалении в миллионы километров они походили на крошечные искры сверкающие в ночи. Там повсюду царил ад температурой с миллионы градусов. На планету обрушилось мощное радиационное излучение. От обилия электромагнитных помех на многих кораблях забарахлила даже защищённая электроника. В ответ прилетели редкие ионные кольца, но били не прицельно: все они прошли мимо.

Результаты первого удара оказались для противника ужасающими. Те корабли, которые ещё не успели закрыться дефлекторами, попросту испарились вместе с экипажем, другие серьёзно пострадали. Немногие уцелевшие спустились на более низкую орбиту, отброшенные ударными волнами, и уже разворачивались, чтобы соединиться и ответить. При увеличении было видно, как их корпуса сияют голубым отливом включенных на полную мощность щитов.

-- Из-за планеты выходит две эскадры: одна со стороны северного полюса, другая -- западного полушария,-- услышал Рошпейн голос капитана флагмана. Но тот и так превосходно видел, находясь в виртуальности. Доклад в данном случае скорее дань прошлому, нежели необходимость.

"Итак, время лёгких мишеней прошло. Теперь будет всё

серьёзно",-- подвёл итог лиг-адмирал.

Действительно, три флота, развернувшись полусферой, шли в атаку. За ними прикрывались эскадрильи истребителей. Они клин за клином поднимались с поверхности планеты. От множества целей рябило в глазах. Не имея превосходства в дальности, корабли Каргона несли на себе более прочную броню, а орбитальные защитные сооружения вовсе теряли смысл: с ними люди могли разделаться без всякого труда. Таким образом, главная задача каргонцев сводилась к тому, чтобы ни один корабль землян не пробился к их материнской планете. Лиг-адмирал это прекрасно понимал и предусмотрел. Операция "Немезида" входила во вторую фазу. Главная задача на этот отрезок боя -- измотать каргонцев и не попадать под ионный выстрел.

Виртуальное пространство, в котором находился Рошпейн, напоминало вечернее небо, где сближаются две тучи светлячков, каждый из которых мог уничтожить ни один город. Внезапно рой мелких точек отделился от одних и помчался навстречу противнику -- земляне дали новый залп ракет. Десятки и сотки вспышек озарили виртуальное пространство и пространство реальное. Здесь они выглядели искрами, а там термоядерными взрывами. Миллионы градусов прожигали защитные поля каргонских кораблей. Повторные удары ракет добивали многих из них. Вскоре в ответ полетели ионные выстрелы, похожие на гигантские медузы, но земляне стали понемногу отходить. Перегруппировка заняла немного времени -- всё уже было отработано на симуляторах, а каргонцы шли в заранее расставленную ловушку. Рой земных кораблей обволакивал каргонцев, стараясь уйти от губительного близкого столкновения. Не имея возможности прицелиться, каргонцы уже стреляли навскидку, но при удалении плотность обстрела снижалась -- огонь оказывался малоэффективным. Тем не менее, потери начались и со стороны землян -- несколько крейсеров вспыхнули и пропали в огне.

Быстроходные каргонские истребители и торпедоносцы добрались до своих целей и стали кружить, выводя из строя батареи и двигатели. Потерявшие манёвренность корабли Земли становились лёгкой добычей для крупных судов противника. Под перекрёстным огнём завязывались ожесточённые дуэли между истребителями. Подбитые каргонцы, чувствуя безнадёжность, шли на таран, порой забирая с собой целые отсеки кораблей.

Рошпейн физически ощутил толчок и внезапно вышел из виртуального пространства. В рубке отчётливо пахло гарью -- одна из панелей дымилась.

-- Что происходит?

-- Главная антенна повреждена,-- доложил капитан "Гордого".-- Каргонский торпедоносец использовал глубинный снаряд, что и привело к сбою. Искин задействует резервный канал связи.

-- Отлично,-- кивнул лиг-адмирал и уже хотел вернуться в виртуальное пространство, как капитан снова доложил

-- Простите, адмирал. Срочное сообщение.

-- Мы засекли порядка сорока кораблей, но они идут со стороны Крацса!

-- Гордый, покажи!

Перед Рошпейном развернулась ужасающая картина: разведка прогадала. Флот Каргона не был сосредоточен в одном месте, а луна внезапно ожила сотнями целей разного калибра: теперь уже отчётливо проявлялись звенья малых, но не менее опасных, кораблей каргонцев. Лиг-адмирал понял, что план, который до этого момента выполнялся строго по пунктам, полетел ко всем чертям, а многие корабли китайской эскадры оказались между молотом и наковальней: между основным флотом каргонцев и свежими силами!

-- Адмирал Чи, внимание! Каргонцы идут со стороны луны!-- обратился Рошпейн.-- Не дайте им зажать вас. Разгоняйтесь и идите на встречную атаку. Всем остальным, задача меняется: отводите огонь на себя, оттягивайте силы противника. Нельзя допустить, чтобы каргонцы взяли нас в клещи!

-- Вас понял,-- прозвучали голоса командующих.

Корабли землян перешли от манёвров к движению. Если китайская группировка ускорялась в сторону нового противника, то другие флоты стали расходиться в противоположные стороны. Каргонцы вынуждены были идти на поводу, в противном случае их бы расстреляли издалека. Две группы, русская и англо-американская работали как два мощных магнита, разрывая единый механизм вражеского флота -- бой разделился за три участка.

Китайцы на встречных курсах схлестнулись с новым противником. Это была короткая, но безумная битва. Каргонцы расстреливали корабли землян в упор из всех видов оружия -- ионные выстрелы фотонные торпеды сжигали тех с ужасающей скоростью. В ответ каргонцам летели ракеты и снаряды рельсотронных пушек, прошивающие средние и даже тяжёлые корабли каргонцев насквозь. Некоторые ядерные взрывы сжигали сразу и выстрелившего и противника -- это обреченные земные крейсера в последний момент выпускали весь боезапас. Истребители обеих сторон вертелись, закручивая смертельные

пике. Даже на расстоянии в десятки тысяч километров были хорошо заметны цепочки выстрелов и огонь смерти, а приборы фиксировали сумасшедшие колебания всех типов полей. В результате, когда корабли разошлись, эскадры поредели на треть, а адмирал Чи погиб -- его флагман был зажат в клещи и, взорвавшись вместе с противниками, стал обломками, несущимися в сторону луны Крацс.

Каргонцы вполне разумно не стали разворачивать корабли, а продолжали нестись на помощь Каргону. Если бы Рошпейн мог стукнуть кулаком в этой виртуальной среде, он бы сделал это: целая группировка оказывалась выведенной из боя на примерно на час: столько потребуется кораблям китайского флота, чтобы развернуться. Это промах. Ошибка! Лиг-адмирал надеялся, что каргонцы не пролетят на полном ходу мимо расстреливающих их кораблей Китая. Даже сейчас китайцы обстреливали удаляющиеся корабли, и нескольких всё-таки уничтожили, но те неумолимо продолжали приближаться к разъединенным силам Земли...

Силы сравнялись. Это стало хорошо заметно, когда потрёпанная эскадра Военно-космических сил Китая снова вошла в бой. За последние два часа с поверхности Каргона стартовали ещё порядка сотни истребителей и торпедоносцев, но постепенно преимущество всё-таки стало склоняться на сторону людей. Флот таял на глазах, но никто не отступал. Уже основательно потрёпанные корабли двигались значительно медленнее, измотанные люди работали на пределе возможностей. Но выбора не было: либо каргонцы, либо люди -- ни у кого не возникало никаких иллюзий. Если Каргон не падёт сейчас, то война затянется, и кто знает, чем закончится для Земли.

Битва продолжалась ещё почти сутки, пока каргонский флот не перестал существовать. Оставшиеся корабли уже просто добивали, не щадя никого. Всё пространство между планетой и луной стало металлическим облаком. Обломки кораблей разлетались во все стороны. Некоторые падали на Каргон, порождая огненный дождь, подобный метеорному.

Осталась последняя и завершающая часть операции: объединённый флот Земли уже подходил к Каргону, когда в виртуальном пространстве перед Рошпейном появилась фигура командующего английским флотом.

-- Лиг-адмирал, разрешите доложить?

-- Докладывайте, адмирал Роклеф.

-- Правительство Каргона просит соединить с командованием.

-- Они сдаются?-- обрадовано спросил Рошпейн.

-- Очень на это надеюсь, лиг-адмирал! Надеюсь, это конец!

* * *

Переговоры не стали концом войны: каргонское правительство не приняло условия капитуляции. Тогда лиг-адмирал Рошпейн перешёл к последнему аргументу: он приказал начать бомбардировку планеты. Голограмма передавала картинку в превосходном качестве, и я видел ужас на лицах адмиралов. Даже разгорячённые боем они не сразу поняли, что не ослышались. Кренюк попытался найти иной вариант, но Рошпейн был непреклонен. Пять городов подверглись атомной бомбардировке и были полностью уничтожены!

-- Погибло около миллиона каргонцев! -- продолжала Молния.-- Затем в течение двух суток планета будет подвергаться массированной бомбардировке, треть её поверхности станет непригодной для жизни...

-- Пиррова победа. Так, кажется, говорят люди? Значит, мы проиграем войну?-- спросил капитан Корон.

Речь каргонца, как и раньше звучала непривычно, полная "шаркающих" и резких звуков. Я посмотрел на окружающих меня каргонцев. Теперь, когда глаза привыкли к яркому белому освещению, можно было рассмотреть их -- прямоугольное помещение похожее на коробку, в котором мы находились, освещалось ярко-белой лампой на потолке. Лица трёхметровых гигантов скорее походили на маски -- я никак не мог прочитать их эмоции. Десантники, облачённые в металлические доспехи, стояли вокруг, нацелив на нас плазмеры. Капитан сидел в кресле, около него стояли ещё двое каргонцев в форме офицеров. Боюсь, Молния ошиблась, и они выбросят нас в космос, как и говорил Манулов. Всё-таки надо было последовать совету Северина и не дожидаться, пока нас возьмут тёпленькими. И эти наручники... так жмут запястья...

-- Это вариант будущего,-- ответила Молния.-- Оно ещё не наступило и его можно изменить, направить течение времени по иному руслу,-- закончила она на их языке.

Корон был невероятно удивлён, да и я тоже, ведь каждому школьнику известно, что человек не способен выдавать такие звуки, а сколько тонов оставалось за гранью восприятия, знали только ксенологи. Местами речь каргонцев скорее походила на звук работающего рубанка. Не сразу я привык к таким звукам, но переводчик "обезьян" работал исправно. Впрочем, имелась ещё кое-что непривычное: кисловатый запах, который поначалу заставлял морщиться, а Мирослав поначалу даже расчихался. Конвой весьма странно отреагировали на его "поведение": попытались его скрутить, словно он хотел избежать плена, но вскоре недоразумение разрешилось, когда капитан волевым

решением приказал отпустить пилота.

-- А что произойдёт дальше?-- спросил Корон у Молнии.

-- Через пару месяцев после сражения зонды дойдут до Земли, но обратно не вернутся. Командование флота будет ждать ответа ещё два месяца. Когда все сроки выйдут, пошлют корабль. Когда не вернётся и он, весь флот направится к Земле. Они застанут пепелище. Планета станет похожей на Венеру: на ней исчезнут моря, небо покроется плотным слоем туч. А ещё,-- она повернулась к нам, и уже продолжила по-русски,-- их там встретит флот Каргона, который считался уничтоженным. Данные разведки окажутся неверными, как и расчёты, на которых строилась вся операция "Немезида". "Посылка", содержащая информацию о битве при Белой-2, не пошла на Каргон. Всего в десяти парсеках базировался Второй Ударный Флот Империи Каргона, которому был дан приказ атаковать Землю в нескольких случаях. Одно из условий выполнилось, и планета людей подверглась нападению. По злой иронии судьбы каргонцы уничтожали города, когда началась операция "Немезида". Вы убивали друг друга, будучи полностью уверены в победе своей стороны. Каргонский флот не связывался с материнской планетой и ждал указаний. А вы знаете, Корон, как ваш народ исполняет приказы. Для вас они словно дань богу.

Корон дернулся, словно его поразил электрический разряд. Только что мы увидели, как придёт конец в наши миры. Жуткое зрелище. Я не хотел бы увидеть разрушенную Землю со стороны. По мне, уж лучше погибнуть со всеми остальными, чем пережить катастрофу и помнить до конца дней своих о потерянной истории, культуре, миллиардах людей, которые больше не делят с тобой пространство родного мира. Нет, как я не старался, всё равно не мог охватить сознанием то состояние, которое ждёт героев войны...

Неожиданно Корон затрясся, издавая звуки, похожие на трение двух монет друг о друга. До меня не сразу дошло, что он смеётся.

-- Какая злая ирония,-- сказал он.-- Сжечь чужое гнездо, а своё не сберечь. Всё это очень правдоподобно. Удачная реконструкция, но...

-- Люди не могли знать ни о базах на вашей луне, ни о втором флоте,-- напомнила Молния.

-- Не могли,-- согласился каргонец,-- потому что даже у меня нет такой информации, но вы меня не убедили. Вероятно, ваша агентурная сеть работает гораздо лучше, чем мы думали. Значит, ваши автоматические разведчики стали ещё совершеннее. Верно?

-- Пока вы пробуете себя в дедуктивном методе, Корон,

Порядок под угрозой,-- ответила Молния.

Кошачьи глаза вспыхнули огнём. Казалось, каргонец вот-вот бросится на Молнию и разорвёт её на куски, но Корон довольно быстро овладел собой и ничем больше не выдал своего возмущения. Хотя причина такой реакции осталась для нас скрытой.

-- Дерзко,-- произнёс Корон и замолчал. Я уж начал думать, что он решает нашу судьбу, как он спросил.-- Тебе известно, что я могу стереть эту планету? Что я могу распылить вас всех?

-- Вы уже недавно грозились её уничтожить, и в меня стреляли. Но вы этого не сделаете.

-- Будьте уверены, если потребуется, я это сделаю. Что вам ещё известно?-- он явно был заинтригован.-- Вы научились слышать, что происходит на борту через расстояние?

Я всё меньше понимал, о чём они ведут разговор.

-- Мы научились слышать, что происходит в ваших душах,-- ответила Молния.-- Вы могли бы послушать нашего посланника, и тогда она бы сказала вам больше, но иллюзия силы и власти над ситуацией не позволили...

-- Посланника? Она была нашей пленницей,-- перебил Корон. Кажется, я научился улавливать интонации в этом дребезжании. По-моему, капитан был крайне удивлён.

-- Но ведь мы позволили взять её на борт. Очевидно, что существа, которые могут создавать такие пространственно-временные искажения гораздо могущественней землян. Вы действительно, думаете, что мы не могли вам помешать? Не обманывайте себя, Корон. Вспомните, как всё начиналось. Ваш десант высадился на планету и подобрал ребёнка. Эта девочка вывела из строя вашего пехотинца всего лишь одной мыслью. И то случайно. Подумайте, что она могла бы сделать с вашим кораблём... Вы и сами себе задавали такие вопросы.

Корон снова засмеялся.

-- Великолепно, браво!-- воскликнул он (точнее, так передал переводчик) и встал.-- Теперь я вижу весь ваш замысел. Такая стройность кампании и хода мыслей поразила бы даже адмирала Крена. Знаете такого?

-- Он был великим каргонским мореплавателем и дипломатом ещё до Катастрофы. Гений в своём роде.

-- Верно. Он примирил два враждующих лагеря с помощью хитрости. Изучил обычаи одних и традиции других, а затем... Впрочем, не о том речь. Я верно понял вашу задумку?

-- Да,-- улыбнулась Молния.-- Мы хотим, чтобы вы повторили подвиг Крена на хц'онских островах.

Корон оказался около девушки. Рядом с ним, она казалась

такой маленькой, но не беззащитной. Внутренняя сила и уверенность начала заражать и меня.

-- А вы жестоки и не цените своих детей,-- почему-то отметил капитан. Мне это показалось весьма странным и даже страшным. Что случилось с той малышкой?

-- Каждый волен выбирать свой путь.

-- Хорошо, если вы не на стороне людей, то кто они?-- спросил капитан, указывая в нашу сторону.

-- Это люди с рейнджера, который вы уничтожили. Я их спасла, чтобы дать вам возможность выбрать. Вы можете отказаться от моего предложения либо принять его.

-- Хитрые люди,-- почему-то отметил Корон.-- Хитрость заслуживает уважения, если она ведёт к высшей цели. Верно?

Он спрашивал у нас. Что мы могли ему ответить? Главное, чтобы наш ответ гармонизировал с его идеологией. Как они её назвали? Порядок? Что-то стало проясняться. Удивительно, но Корон отнюдь не походил на тупых, злобных и жаждущих крови каргонцев, которых рисовала пропаганда. Я уже хотел согласиться с ним, как капитан сказал:

-- Молчите. Не к лицу предавать свои идеалы. Пусть они и бессмысленны,-- и снова обратился к Молнии.-- Итак, ваше предложение.

-- Я предлагаю союз. Тройной союз во имя спасения двух сторон и сохранения чести третьей,-- сказала Молния.

-- Достойная причина,-- отметил каргонец.

-- Это будет треугольник, который объединит линиями три точки: гармонию, порядок и индивидуальность. В распоряжении у нас будет корабль, равных которому не знали ваши миры. Единственное, что ему нужно: экипаж. Я предлагаю создать экипаж из представителей трёх сторон. Все мы заинтересованы в успехе нашего общего дела. А для этого нужно немногое: желание. Мы можем разорвать порочный круг взаимных упрёков и обвинений. Причина конфликта лежит в непонимании сторон друг друга. Вы, каргонцы, называете людей низшей расой, называете их разобщёнными и слабыми. Вспомните, до войны вы их называли "низкой расой", то есть расой с невысоким ростом. Вы говорите, что у них нет Порядка, что они погрязли в Хаосе. У каждого своя история и свой опыт, но вы даже не подозреваете, сколько между вами общего: начиная от внешнего вида кончая мелочами быта. Нет более похожих цивилизаций, чем ваши. Вы -- близнецы от одних родителей.

-- И кто они? Кто эти родители?-- спросил Корон.

-- Мы,-- ответила Молния.

Я не поверил собственным ушам. Может быть, переводчик

ошибся? Но судя по удивлению Корона, она сказала именно так.

-- Когда-то, несколько миллиардов лет назад, существовало два бога,-- пояснила она.-- Они вечно спорили между собой. Каждый из них хотел создать мир лучший, чем у другого, добавляя всё новые и новые концепции и законы. Но они спорили не между собой, а с их создателем. С их Природой. Каждый желал страстно доказать, что способен создать Вселенную более устойчивую, чем ту, в которой они жили, боролись, вершили и разрушали. Они хотели освободиться от оков своей сущности, выйти за грань всего возможного. Стать равными Первосоздателю. Они разрабатывали живых существ изначально более мудрых, добрых, чем люди или каргонцы. И чем дальше заходил их спор, тем становилось понятнее, что изначально добрые быстро деградировали в своём блаженстве, злые уничтожали сами себя ещё до того, как успевали осознать свою связь с миром. Стало ясно, что нет мира лучшего, чем тот, в котором они развились, откуда пришли изначально, шаг за шагом накапливая опыт и преобразуя его в знание, а затем и в понимание своей сущности. Многие другие боги убеждали их в этом, но доказать, вывести идеальное уравнение Вселенной, смогли только они. В этом уравнении были триллионы триллионов переменных и один параметр -- время. Оставалось только проверить его в действии. И они сделали новый мир. За основу была взята их изначальная Вселенная, но внесенные коррективы в программу развития не сделали её копией. Одним из результатов этой корректировки стало одновременное появление двух близких миров: Земли и Каргона. Боги поставили счётчик времени на "ноль" и стали смотреть, что будет. Вы видите, что произошло,-- Молния ненадолго прервала рассказ.-- Ошибкой было поставить двух непонимающих, но столь родственных народа, рядом. Совершенно естественно, что заменив первое противоречие в своих целях, они решили выяснить, чьи лучше. Непонимание очень опасная вещь. Одна из самых опасных. Она всё заводит в тупик. Тогда приходится откатываться назад и повторять уроки заново.

Корон молчал. Может быть, он ждал продолжения, но Молния не спешила сказать ещё что-либо. Она спокойно стояла и ожидала. Её уверенность просто поражала и граничила, как выразился Корон, с дерзостью. Что ж, богам, наверное, позволительно, не то, что простым смертным. Александр Великий тоже считался сыном богов, как удача сопутствует дерзким...

-- Освободите помещение,-- приказал капитан -- подчинённые на секунду замешкались: офицеры посмотрели на Корона, десантники на офицеров. Один из них наклонился к капитану и

что-то прошёптал, но тот лишь отмахнулся и повторил.-- Освободите помещение,-- на этот раз никто больше не сомневался. Когда в помещении остались только мы и Корон, каргонец сказал:

-- Я готов признать, что я не всё знаю о людях, но многое время изучал их, но мои подчинённые... Как вы представляете союз? Я могу приказать. У нас жёсткая дисциплина. Этот Порядок выстрадан предыдущими поколениями. Каждый из нас выполняет свою функцию и понимает своё предназначение, своё место в теле общества.

-- В вашем народе есть зачатки коллективного разума,-- сказала Молния. Я был удивлён, услышав это. Кажется, мы и вправду ничего не знаем о своём противнике.

-- Да, верно. Это уже на уровне подсознания. Но есть один изъян: низшие касты знают крайне мало. Удивительно,-- Корон крякнул. Очевидно, это был смешок,-- но мои солдаты, когда я их послал на планету, привезли мне ребёнка, будучи уверенными, что перед ними взрослый. Они даже пол не смогли определить. А если вспомнить последний случай...-- Корон посмотрел на Мирослава.-- Хорошо ещё, что мои бойцы вам руку не сломали,-- затем снова повернулся к Молнии.-- То есть никаких представлений о ксенобиологии. Вы понимаете, к чему я веду?

-- Значит, вы принимаете наше предложение,-- уже утвердительно сказала она.

-- Вы знаете девиз военной касты?

-- "Что сопротивляется, подлежит уничтожению",-- ответила Молния.

-- Верно, я никогда не откажусь от этого кредо. И знаете почему?

-- В ней ваша жизнь.

-- Раньше формулировка сути военных звучала несколько иначе... Вообще это искажение древней мудрости: "Что сопротивляется, подлежит преодолению". То есть трудности надо преодолевать. Сейчас об этом уже забыли, но я люблю краткие и ёмкие выражения. В частности, я изучал поговорки и пословицы людей. Противника нужно знать изнутри... И вот ваш посланник сказал фразу, от которой я не могу избавиться: "Ошибки нужно исправлять". Вы допустили ошибку, затем мы совершили её и посланник погиб. Вы ждали от нас таких действий, ждали нашей ошибки и указали на неё. Каждый вложил в новый союз что-то от себя, но только ваша сторона позволила расплатиться жизнью ребёнка...

Эти боги, те, кого я считал безупречными, высшими, идеальными, просто отдали своего ребёнка, зная, что он

обязательно погибнет?! Ни один родитель, будь он в здравом уме и твёрдой памяти, не пошёл бы на такой шаг! Да что же они делают? Разве так можно?!

-- ...Неужели вы не нашли другого способа?-- спросил капитан, и я с удивлением понял, что сам хотел узнать то же самое. Всё-таки Молния права: между нами много общего, хотя бы мысли.

-- А как иначе мы могли обратить ваше внимание на проблему?-- ответила Молния.

-- Я сожалею, что вам пришлось заплатить такую высокую цену.-- Я согласен принять ваше предложение ради будущего моей Родины. Но посмотрите на него,-- Корон указал на Манулова. Мы все обернулись.-- Этого человека переполняет ненависть, хотя он знает значительно больше, чем рядовой солдат,-- пояснил капитан. Руслан прошептал что-то оскорбительное в его адрес и назвал его детоубийцей. Корон никак не отреагировал, хотя переводчик что-то прохрипел на его языке.-- Люди не знают, что такое Порядок. Они цепляются за свою индивидуальность, как за единственную данность. Разве вы готовы работать с каргонцами?-- спросил он нас.

-- Возможно, нам предстоит проделать большой путь,-- сказал Северин,-- чтобы понять друг друга.

-- Существует нечто более важное, чем наши чувства и эмоции, большее, чем наша жизнь,-- сказал я. Уверен, Корон ждал именно этих слов.-- А именно сохранение наших народов.

-- Мудрые слова,-- согласился Корон и немного помолчал.-- Можете считать себя гостями на моём корабле.

Он поднялся и подошёл к панели, нажал на кнопку, и наручники упали на пол. Я потрогал запястья. На них остался красный след.

-- Если все конфликты решены, то мы можем выстроить план действий.

Красноречивый взгляд Манулова говорил, что далеко не всё осталось в прошлом, и нас ждут ещё сюрпризы, но самое главное (и это меня безумно радовало), Молнии и её покровителям удалось сломить инерцию!

-- Для нашей миссии нам нужен новый корабль,-- сказала она.-- Ваш серьёзно повреждён. Вероятно, не все каргонцы захотят последовать за вами.

-- Вы предлагаете их отпустить? Но на чём мы полетим?-- удивился Корон.-- Насколько я вижу, у вас нет никаких машин, хотя ваш посланник, Эа, говорила, что они вам знакомы.

-- Мы не создаём машины. Они нам не нужны, но наши далёкие предки разработали немало образцов техники. Все

чертежи хранятся у нас в памяти, доступной для каждого. Именно это имела в виду Эа, когда говорила, что помнит всё.

-- Где он?

-- Здесь,-- ответила Молния и протянула руку. Все подошли к ней, рассматривая маленькую чёрную "пуговицу" на ладони. Эта крошечная точка действительно походила на звездолёт в миниатюре!..

* * *

Речь капитана Корона вдохновила каргонцев и закончилась кличем, смысл которого оказался скрытым от меня. Мы, люди, стояли за ним на палубе ангара и наблюдали за происходящим. После слово взяла Молния. Пока она говорила (а перевода никто не предоставил), я вспоминал, как приходил в ужас от одной мысли о встрече с каргонцами, а теперь стою перед ними и вслушиваюсь в резкую речь инопланетян. Нельзя сказать, что экипаж корабля принял нас как родных, но явных протестов не возникло. И на том спасибо! Даже Риу, главный врач на корабле и приятель капитана по совместительству, поприветствовал нас. Я старался отличить одного каргонца от другого. Они были похожи друг на друга как китайцы для европейца (верно и обратное), но всё-таки кроме роста у каждого выделялись свои уникальные черты лица, укладка волос и цвет бакенбард. Со временем, я надеялся, все мы привыкнем и станем различать их лучше.

Нам даже организовали небольшую экскурсию по крейсеру. Её проводил лично капитан Корон и доктор Риу. Манулов по обыкновению угрюмо молчал, словно затевал что-то. Белоусов тоже не отличался особой разговорчивостью. С того момента, как два десантных бота опустились у деревушки, он не проронил ни слова, словно боялся спугнуть удачу. А мы с Севериным и Мирославом живо интересовались: пилоту коротко рассказали о системе навигации и пилотирования, Северину -- о системах управления. Во втором я хоть что-то понимал, а вот с моей областью у каргонцев было трудновато. Они пользовались устаревшими углеродными компьютерами и никак не могли перейти на квантовые, поэтому, чувствуя свою отсталость, постарались перейти к другой теме...

Ещё одно обстоятельство, на этот раз менее приятное, предшествовало речи Корона и Молнии. Она попросила его вернуть тело погибшей девочки. Несмотря на явное недовольство Риу, капитан дал согласие. Вообще доктор не без интереса смотрел на Молнию -- его интересовала биология местных жителей, но расспрашивать он не стал.

В сопровождении двух солдат мы спустились в медицинский отсек, где под куполом лежало маленькое тельце в серебристой

одежде. Бледное личико смотрело бесцветными стеклянными глазами. Внутри меня всё похолодело от ужаса, и я замер на пороге. Манулов вообще отвернулся и смотрел куда-то в сторону, словно бы происходящее его не касалось. Впервые я его увидел в таком состоянии. Нетрудно предположить, что он вспомнил о погибшей семье.

Риу подошёл к терминалу и хотел открыть, но Корон остановил его, внимательно наблюдая за Молнией. Та уже стояла рядом с саркофагом и что-то говорила на своём языке. Руки девушки легли на крышку, и на ладонях возникло еле заметное свечение. Она продолжала что-то говорить, точнее даже напевать. Песня лилась как река, русло которой не осквернено порогами и изгибами. Странная неземная песня без согласных звуков, но в то же время лёгкая. На нашем языке такую не спеть. Здесь собрались неизвестные нам голоса природы, звёздных ветров, серебро колокольчиков. Песня призывала к умиротворению и тишине, поднимала вверх, к самым вершинам, на которые только способен подняться человек. Внезапно всё стихло -- я сначала не поверил своим глазам: её руки прошли сквозь толстое стекло!

Молния дотронулась до девочки, и сияние её рук стало ярче, а затем стало настолько сильным, что, казалось, зажглось маленькое солнце. А когда оно потухло, сотни и миллионы крошечных светлячков, проникая сквозь стенки саркофага, понеслись прочь из него. Каргонцы охранения шарахнулись в сторону, пытаясь избежать столкновения, Белоусов с Севериным тоже, а остальные удивлённо смотрели, как эти крошечные пятна света проходят насквозь, согревая неземным теплом, словно кто-то кристально чистый коснулся и смыл черноту своих мук. Это было подобно прикосновению любящей матери к своему чаду...

-- Эа покинула нас уже давно, и ждёт на другом берегу реальности. Свет нашей древней звезды должен вернуться в наш мир, иначе баланс сил нарушится, и эта крошечная вселенная захлопнется,-- пояснила Молния.

-- Так она не умерла?-- спросил Корон.

-- Мы не умираем. Смерть -- лишь начало пути,-- сказала она.-- Никто и ничто не умирает.

Хотелось бы в это верить...

-- Эй,-- толчок в бок вернул меня в реальность.-- О чём задумался?-- спросил меня Мирослав.

-- Momento mori, -- ответил я. Зачем он помешал мне? Так было приятно погрузиться в те воспоминания.

-- Ничего, поживём ещё. Только бы к запаху привыкнуть, не помереть раньше времени, а то я еле сдерживаюсь,-- сказал пилот.-- Аллергия у меня что ли...

-- Просто дрейфишь,-- вставил Манулов.

-- Я? Нет. Знаете, слушая её даже на этом корявом языке трудно удержаться и не крикнуть с остальными. Что они кричат? Что за клич? Никак не пойму.

-- Хвалят кого-то...-- безразлично буркнул Руслан.

-- Смотри!-- Мирослав указал на Молнию.

Девушка расправила ладонь, и чёрная точка выплыла из её рук. Зародыш звездолёта медленно летел над каргонцами к створкам ангара, озарённым голубоватым свечением силовой завесы. Все, включая каргонцев, как заворожённые провожали его взглядом. Миникорабль прошёл сквозь силовую сетку и исчез в черноте космоса. Некоторое время ничего не происходило, и все ждали, чем закончится это небольшое представление.

Уже с минуту висела тишина, как что-то неуловимое, но ощутимое как порыв ветра, пронеслось по ангару. На фоне космоса, словно бы на синем экране, разыгрывалось необычное представление: зародыш разворачивался в красивый корабль, как из куколки раскрывается бабочка. Некоторые части уже проявились в полной мере, а другие -- только-только начали вырисовываться. От этого создавалось впечатление, что гигант невидимыми руками ваяет новую скульптуру, растягивая и переминая глину. "Лепка" проходила невероятно быстро, и постепенно становилось ясно, какую форму приобретает корабль: слегка приплюснутый диск со сферическим утолщением в центре. Ни двигателей, ни шлюзов, ни орудийных портов я не заметил. Преобразования не кончались, пока не исчезли последние неровности.

Перед нами предстал звездолёт, корпус которого серебрился в лучах древнего светила и переливался всеми цветами радуги и даже неизвестными мне: таких я раньше не встречал и видел их скорее внутренним зрением, нежели чем глазами. Как такое возможно? И вообще что я о нём знаю? Только то, что такие звездолёты создавались предками создателей Молнии во времена Первого Противостояния. Но с кем?..

-- Готовьтесь, мы сейчас полетим,-- услышал я ободряющий голос Молнии. Она обращалась к нам.

* * *

Стартовали мы через час. Челнок каргонцев не предназначался для людей: кресла раза в два больше привычных, а что говорить об остальном. Кто со второй, а кто с третьей попытки, но мы смогли натянуть на себя тяжеленные ремни безопасности. Но никто не протестовал. Да и вряд ли кому-нибудь пришла подобная бредовая при данных обстоятельствах мысль. Сопровождающие каргонцы смотрели на нас с плохо

скрываемым снисхождением. Конечно, куда нам, низшей расе...

Не считая пилота, каргонцев было пятеро: капитан Корон, доктор Риу и трое солдат, облачённых в угловатую и тяжёлую броню. На груди одного из них проступала золотистая гравировка в форме пятиугольника с солнцем посередине -- значит, этот офицер отвечал за безопасность на корабле. Но вид каргонской защиты был хоть и солидный, но тяжеловатый. То ли дело наши лёгкие и прочные бронежилеты. Вот только одна проблема: рассчитанные на кинетическое оружие, они хуже защищали от плазменного, а в войне каргонцы предпочитают второе. А вот доспехи сидящих передо мной десантников, как мне показалось, одинаково хорошо справятся с обоими видами. С виду их амуниция напоминала отлив по форме из металла: большой нагрудник, похожи и поручи, из которых по движению руки выдвигались лезвия. Я подсмотрел этот приём, когда поднимался на челнок: бойцы проверяли снаряжение. Мне ещё тогда подумалось, что не зря наши солдаты пытаются избежать рукопашной. Здесь у каргонцев солидное преимущество: и в размере, и в защите. Вот только вес снаряжения каргонцев не смущал. Или вся броня только казалась тяжёлой? Надо будет как-нибудь проверить...

Я посмотрел на друзей. Если Манулов и Северин были сосредоточенны, то Мирослав уже чуть ли не открыто ликовал и не сомневался в том, кто поведёт это чудо древней техники. А Белоусов, конечно, ожидал новых тайн и открытий. А чего ждал я? Новых приключений? В том числе. Нет, я хотел всё сразу: и управлять кораблём, и новых тайн и новых побед. Жадно хотел! Как воды в пустыне. Теперь, когда многое открылось мне, я мечтал о большем.

-- Красота какая...-- вздохнул Мирослав.

Я выглянул в иллюминатор и согласился с нашим пилотом. Отсюда, всего в нескольких километрах звездолёт казался ещё более величественным и загадочным. Цвет оставался прежним, но по корпусу бегали разноцветные полосы, словно часовые стрелки.

-- Что это?-- спросил я у Молнии, даже не уточняя -- она понимает и без слов.

-- "Рад вас видеть".

Пилот челнока что-то спросил, и она ответила по-каргонски, а затем пояснила мне:

-- Он спрашивал, куда рулить.

Корабль не был ни большим, ни маленьким. По диаметру он был чуть больше "Звёздного Ястреба". Мы поднырнули под днище диска (хотя понятие верха-низа здесь условно) и приближались к сферическому центру. Поверхность корпуса была на настолько

гладкой, что я заметил отражение нашего челнока. "Как со Сферой",-- вспомнился мне первый контакт с тогда ещё безмолвным артефактом.

Челнок повис под сферическим центром диска и стал медленно приближаться к нему. Никаких створок или экранов: мы просто проплыли сквозь корпус, как через силовую завесу и оказались в просторном куполообразном ангаре. Наш маленький корабль висел над бледно-серым полом, сквозь который мы проникли сюда. Стены были того же цвета, но более тёмного оттенка. Вообще цветовая гамма явно контрастировала с внешней. Я снова обратил внимание на форму помещения и заметил несоответствие: если мы прошли сквозь пол, то он должен иметь вогнутую форму, а не быть плоским. А где же двери? Неужели мы будем ходить сквозь стены?..

-- Можно выходить. Воздух здесь пригоден для обеих рас,-- сказала Молния одновременно на двух языках, чем ещё раз удивила и нас, и каргонцев.

Дверь открылась, и в салон ворвался свежий и мягкий воздух. Каргонские десантники первыми спустились на палубу. Звуки шагов многократно отражались от стен. Они недоверчиво вглядывались в пустоту, словно ожидая нападения. Следом за ними вышел Корон с доктором Риу, Молния и мы. Я попытался понять, откуда идёт свет, но так и не сумел: никаких ламп и свечений стен. Освещение просто было и всё, причём мягкое и рассеянное.

-- Мы постарались упростить управление кораблём,-- произнесла Молния на двух языках.-- Это корабль-конструктор. Здесь нет лифтов, лестниц, переходов, уровней, кают... Вам стоит только пожелать, и появится дверь в нужное помещение. Цвет и освещение тоже управляется мысленно...-- внезапно сверху, прямо под куполом, появился плафон, излучающий жёлтый свет -- кто-то из нас решил проверить слова.-- Да, примерно так. Вам достаточно просто пожелать. Аналогично вы можете создавать себе каюты -- всё как захотите, как вам удобно,-- плафон заменился на яркую лампу. Ярко-белый свет брызнул в глаза -- я зажмурился и свет стал тусклее.-- Только одно правило: не рушить чужие постройки. Видоизменять можно только свои.

-- То есть он сам нас понимает?-- спросил Северин.

-- Да, это базовая функция любого корабля такого класса.

-- Значит, здесь есть искусственный интеллект?

-- Нет, это просто автоматизированная функция.

-- Но если мы захотим, мы можем подключить и Ястреба?-- спросил я. Северин и Манулов посмотрели на меня весьма выразительно -- они хотели скрыть наличие мощного искина.

-- Да.

-- Кто это?-- недоверчиво спросил Корон. Переводчик снова работал.-- О чём речь?

-- Это искин "Звёздного Ястреба",-- ответил я и рассказал все детали его перемещения в разведывательный бот. Если мы союзники, то надо раскрыть все карты, несмотря на осуждающие взгляды. Но Молния казалась вполне довольной. Она всегда стремилась к соединению наших народов хотя бы в рамках одного корабля.-- Значит, мы можем передать управление кораблём Ястребу?-- спросил я у неё.

-- Да, достаточно только представить.

От перспектив захватывало дух. Можно создать любой компьютерный центр, любой мощности! Только бы хватило места... Хотя я подозревал, что размеры этого корабля никак не ограничивали нас, а скорее служили лишь ширмой.

-- Всегда завидовал электронным технологиям людей. Искин нам очень пригодится,-- сказал Корон.

-- А я бы предпочёл без всяких там электронных игрушек,-- засомневался доктор Риу.

Белоусов уже изучал стены, водил по ним руками, словно желая что-то нащупать. Мирослав рисовал узоры на полу. Получалось не очень, какое-то неупорядоченное переплетение линий. Десантники расслабились и теперь стояли, опустив плазмеры, и наблюдали за нами.

-- Я хотел бы посмотреть мостик,-- сказал Корон.-- Как это можно сделать?

-- Прошу,-- ответила Молния и вытянула руку, указывая вперёд.-- Дверь появится там, где вы захотите, и будет вести туда, куда вы пожелаете.

Капитан подошёл к стене и дотронулся до шершавой поверхности. Перед ним возникла вертикальная полу плоскость, на которой вырезался прямоугольный проём. Офицер безопасности мгновенно оказался рядом, но капитан посмотрел на него стальным взглядом, и тот отступил. Эта немая сцена весьма красноречиво рассказала мне о том Порядке, который исповедуют каргонцы.

Корон первым прошёл на мостик, а за ним последовал офицер. Я поспешил за ним. Мне не терпелось! Когда-то случай привёл меня на мостик "Звёздного Ястреба", а теперь я стою здесь, в сердце нового корабля, равных которому невозможно найти! Сферическое помещение по окружности заполняли панели, голографические изображения окружающего пространства, а в центре возвышалось кресло капитана. Но самое главное, на что не решались создатели крупных военных судов: вместо обзорных

экранов мы видели космос без датчиков и изображений, а вживую, как через стёкла. Окна, а иначе я назвать не мог, состояли из множества секций. Создавалось впечатление, что мы находимся на вершине башни. Я полностью доверял конструкторам этого чудесного корабля. О безопасности они точно должны были подумать. Если только "окна" не очередной трюк высоких технологий...

Я подошёл к голограмме. Изображение не казалось искусственным: край планеты, вокруг которой мы вращались, оказался твёрдым на ощупь. Я даже почувствовал пальцем прохладную атмосферу вокруг неё. Если приглядеться, можно было заметить голубоватую дымку и даже движение воды океана.

-- Это не голограмма!

-- Да,-- отозвалась Молния.-- Это заключённая в ограниченный объём небольшая реальность.

Я тыкал в горы, закручивал водовороты в тысячи километров в диаметре, сдвигал льды, ломал полярные шапки -- я чувствовал себя почти равным богам, вершащих судьбы континентов и поворачивающих историю. Но, как только убирал руку, планета сама собою восстанавливалась за доли секунды. Ничто не могло нарушить правдивость предъявленного мне отражения реальности.

-- Как вам корабль, капитан Корон?-- услышал я голос Молнии.

Каргонец ещё раз окинул взглядом мостик и сказал:

-- Впечатляет, но хотелось бы увидеть его в действии.

-- Ждать осталось недолго. У нас есть месяц, чтобы освоить его.

-- Очень мало времени. Можем не успеть.

-- Времени мало, но мы должны успеть. Нерешённым остался один вопрос.

-- Какой?

-- Кто станет капитаном корабля...